

#3 (43), 2019 część 9

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michałak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#3 (43), 2019 part 9

East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)

The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michałak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
**Peter Clarkwood(University College
London)**
Igor Dziedzic (Polska Akademia Nauk)
**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**
**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**
Kehan Schreiner(Hebrew University)
**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**
**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**
**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**
**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

**Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Po-
land**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Assiya Massakbayeva, Jilili Abuduwalli, Sanim Bissenbayeva, Botagoz Issina</i> IMPACT OF CLIMATE CHANGE TO SMALL ARAL SEA REGION, KAZAKHSTAN.....	4
---	---

<i>Odinaev Mirshakar, Yang De Gang, Aminov Javhar, Okhonniyozov Mekhrovar, Abdudzhabborzoda Bakhromshokh and Saidaliev Ismoil</i> THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT DYNAMICS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN	9
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Басов И.М.</i> КИПРИАН БАЗЫЛИК – ПЕРЕВОДЧИК ИЛИ СОАВТОР?	16
--	----

<i>Кадырова А.А.</i> СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЛИЯНИЕ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВО	20
---	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Остроухов Н.Н., Беляева Ю.А.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОПИСАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	23
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бурцева М.А., Тарекегн М.Г.</i> ГОТИЧЕСКИЕ КАНОНЫ В ТРИЛОГИИ К.СУДЗУКИ «ЗВОНОК»	30
---	----

<i>Литвинова П.А., Никифорова Ж.А.</i> ВЫЯВЛЕНИЕ ГЛУБИННОГО СМЫСЛА ЗВУКОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ	36
---	----

<i>Проскуріна Н.Ю.</i> ХУДОЖНЄ ВТІЛЕННЯ КОМПЛЕКСУ ІНІЦІАЦІЇ ЖІНОЧИХ ПЕРСОНАЖІВ У ДИЛОГІЇ Д. ЛЕССІНГ «МААРА І ДАНН»	40
--	----

<i>Сагдеева Ф.К., Абдуллина Ч.З.</i> ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ТАТАРСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ФОНЕМ).....	44
---	----

<i>Бурцева М.А., Тарекегн М.Г.</i> ГОТИЧЕСКИЕ КАНОНЫ В ТРИЛОГИИ К.СУДЗУКИ «ЗВОНОК»	48
---	----

<i>Цховребова М.В.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИНТЕРТЕКСТЫ ДЖУЛИАНА БАРНСА	54
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Стецун А.И.</i> ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ ЖИЗНИ: ИНФОРМАЦИЯ СТРЕМИТСЯ К МАКСИМУМУ	58
--	----

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

Assiya Massakbayeva^{1,2,3}, Jilili Abuduwaili^{1,2,3}, Sanim Bissenbayeva^{1,2,3}, Botagoz Issina^{1,2,3}

¹ State Key Laboratory of Desert and Oasis Ecology, Xinjiang Institute of Ecology and Geography, Chinese Academy of Sciences, Urumqi 830011, China

² Chinese Academy of Sciences Research Center for Ecology and Environment of Central Asia, Urumqi 830011, China

³ University of Chinese Academy of Sciences, Beijing 100049, China

IMPACT OF CLIMATE CHANGE TO SMALL ARAL SEA REGION, KAZAKHSTAN

Abstract

In this paper, we investigated climate change trends (precipitation and temperature) in the Small Aral Sea region over the past 51 years and we analyzed trends using the Mann-Kendal (MC) criterion. The analysis showed that the amount of precipitation in the Small Aral Sea region grows by (($P < 0.005$), and the slope of the average annual precipitation of the entire basin reaches 0.17°C . Also, the Innovative trend analysis method showed a positive trend. The static test M-K showed that the whole period (1967-2017) the minimum temperature rises by ($P < 0.001$) and the maximum temperature ($P < 0.001$). The average annual temperature in the region rises more significantly ($P < 0.001$), and the slope M-K of the average annual temperature reaches 0.041°C . These research results will help provide evidence of climate change in the Small Aral Sea region.

Keywords Climate Change, temperature, precipitation, Small Aral Sea region, Mann-Kendal Test

1. Introduction

Global temperature increases since the last century have raised concerns among societies and governments around the world about climate warming and environmental change [1].

Under global warming, climate change has a significant impact on the environment, agricultural activities, industrial production, and human life. Temperature and precipitation trends as the two most important indicators of climate change are hot topics [2]. According to the IPCC Fourth Assessment Report, the average global temperature has increased by 0.7°C over the past 100 years, and this trend has become much more significant over the past 50 years, which leads researchers to believe that the warming trend will continue in the future. Meteorological observations confirm that surface temperatures in Central Asia rose by 0.65°C between the two 30-year climate reference periods of 1942–1972 and 1973–2003. At the same time, the distribution of precipitation has also undergone significant changes [3].

Results by [4]. showed that annual precipitation fluctuations in the central region of Central Asia show a general trend from 1930 to 2009. The arid zone in Central Asia mainly covers desert and gravel plains, and only a few of the catchment areas are located in areas where people live and carry out socio-economic activities.

In the past 50 years, water management and environmental problems in the Central Asian region, and especially in the Aral Sea basin, have become particularly acute. The cause of these problems is multifactorial, one of which is the outlined and forecasted climate change. The Small Aral Sea is a brackish lake on the territory of the Kyzylorda Region of Kazakhstan. Changes in annual (or seasonal) amounts of precipitation and mean annual (or seasonal) air temperature are taken as characteristics of climate change.

This article has analyzed long-term changes and trends in temperature and precipitation over the past 51 years in the Small Aral Sea region. Research results will not only provide evidence of climate change in the Small Aral Sea region, but can also lay the foundation for further research on assessing the safety of water resources in a changing climate.

2. Study area

The Small Aral Sea (the Small Aral, the Northern Aral) is a brackish lake on the territory of the Kyzylorda Region of Kazakhstan, the northern part of the Aral Sea. It arose in 1987 as a result of the desiccation of the Aral Sea. Receive water from the Syr Darya river (Fig 1) [5- 6].

The water level in the Small Aral Sea in 2014 (43 m), the volume of water (23.38 km³), the salinity of the water (7 g / l) [7- 8].

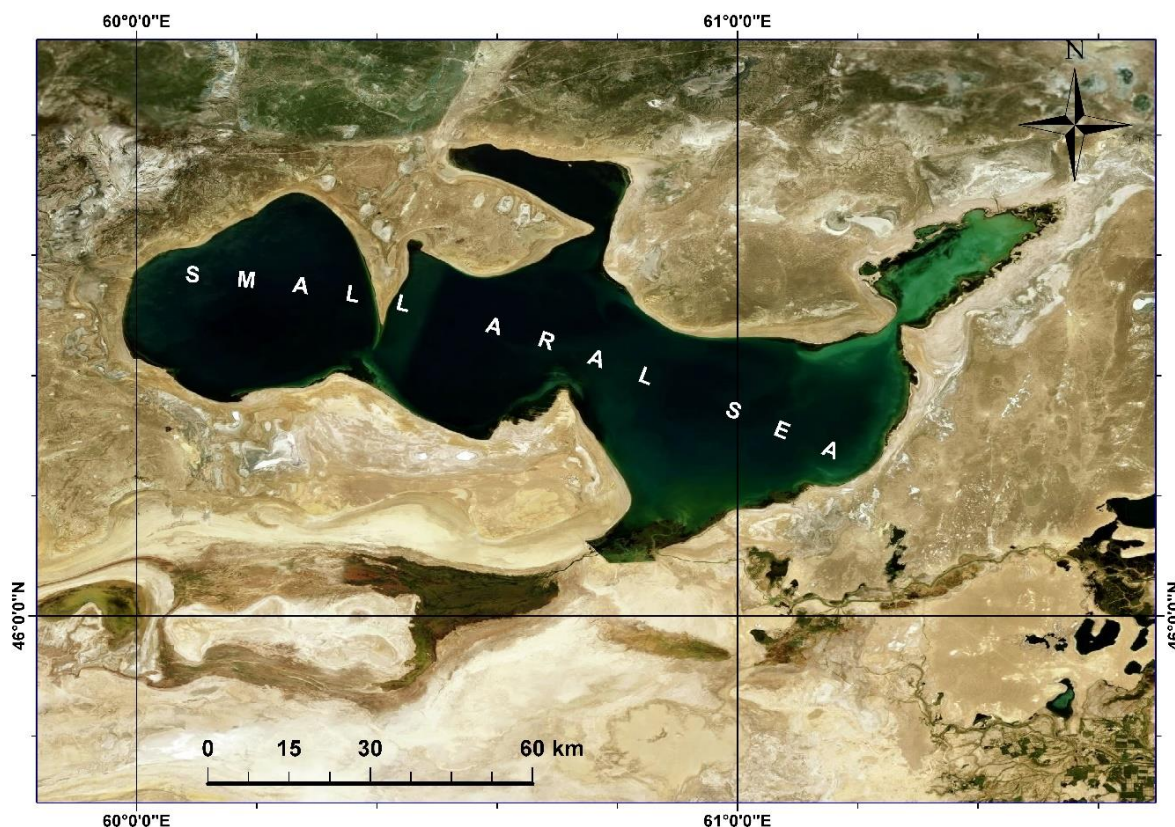

Fig 1. Small Aral Sea

The Small Aral includes several bays: Butakova Bay, Shevchenko Bay, Big Saryshyanak Bay, on the former coast of which Aralsk is located, Zhalanash Bay, on the shore of which the village of Zhalanash is located. The lake also includes part of the Berg Strait, which is blocked by the Kokaral dam with a spillway.

3. Materials and methods

3.1. Materials source

Data on air temperature and precipitation in the Small Aral Sea region from 1967 to 2017 were taken by Climatic Research Unit. Data include average monthly and annual temperatures, precipitation, average minimum temperature and maximum temperature [9].

3.2. Methods

3.2.1 Innovative trend analysis method (ITAM)

Innovative trend analysis method was used to show changes on climate conditions of the Small Aral Sea region. In this method, a time series is divided into two equal parts that are separately sorted in ascending order. Then, the first sub-series are located on the X-axis, and the second sub-series is located on the Y-axis. The indicates that if the investigated data are collected on the 1:1 line, then there is no trend. If data fall above the 1:1 line or below the 1:1 line, then there exists an upward trend or a downward trend in the time series. The absolute value of the difference between the y and

x values of a point is the distance from the 1:1 line. The difference denotes the magnitude of an upward or a downward trend. Therefore, the mean difference denotes the general trend of a time series [10]. The trend indicator is given by:

$$D = \frac{1}{n} \sum \frac{10(y_i - x_i)}{\mu} \quad (1)$$

where D is trend indicator, n is the number of each sub-series; and μ is the mean of the first sub-series. The indicator is multiplied by 10 for comparison with the MK test

3.2.2 Mann-Kendall test.

The Mann-Kendall rank statistics test is an effective method for testing monotonic trends and abrupt time series changes [11-12]. This paper used the Mann-Kendall monotonic trend test [13-14], the nonparametric test, and the abrupt change test method to analyze change trends and possible transition points for temperature and precipitation in the Small Aral Sea region [15].

In this method, H_0 represents distribution of random variables and H_1 represents possibility of bidirectional changes. The test statistic S is given by

$$S = \sum_{i=1}^{n-1} \sum_{k=i+1}^n \text{sgn}(x_k - x_i) \quad (2)$$

In which x_k and x_j are these sequential data values, n is the length of the data set, and

$$\operatorname{sgn}(\theta) = \begin{cases} +1, & \theta > 0 \\ 0, & \theta = 0 \\ -1, & \theta < 0 \end{cases} \quad (3)$$

In particular, if the sample size is larger than 10, the statistic S is nearly normally distributed, i.e., the statistic

$$Z_c = \begin{cases} \frac{S-1}{\sqrt{\operatorname{var}(S)}}, & S > 0, \\ \frac{S+1}{\sqrt{\operatorname{var}(S)}}, & S = 0, \\ \frac{S}{\sqrt{\operatorname{var}(S)}}, & S < 0; \end{cases} \quad (4)$$

is a standard normal random variable, whose expectation value and variance are

$$E(S) = 0 \quad (5)$$

$$\operatorname{var}(S) = \left[n(n-1)(2n+5) - \sum_t t(t-1)(2t+5) \right] / 18 \quad (6)$$

in which t denotes the extent of any given tie and Σ denotes the summation over all ties.

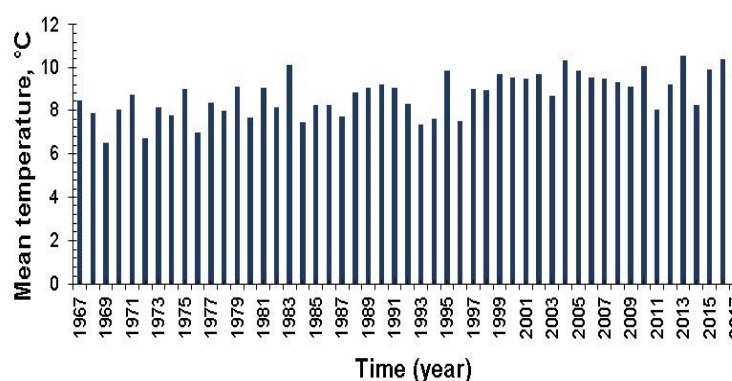
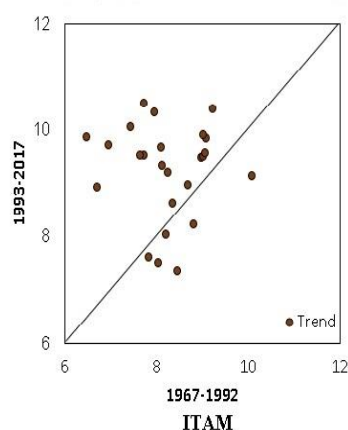

Fig.2 The annual mean temperature of the Small Aral Sea Region and tren by using Innovative trend analysis method (ITAM)

Analysis of data on the average temperature of the Small Aral region based on the use of the Mann-Kendal test showed a significant level and a positive trend

(Table 1). The Innovative trend analysis method showed a positive trend (Fig. 1).

Table 1.

M-K test results of annual and seasonal meant temperature for the Small Aral Sea region				
	Z	β	Q	p-value
Winter	2,26	-10,38	0,053	0,05
Spring	3,21	8,04	0,054	0,01
Summer	4,34	24,37	0,038	0,001
Autumn	1,85	8,64	0,025	0,05
Annual	4,55	7,85	0,041	0,001

This result indicates that the average annual temperatures of the Small Aral region generally tend to increase, which is consistent with global temperature trends. From the results of the M-K calculations shown in Table 1, we can see that in the summer the warming rate is most significant β -24.37, followed by the autumn period. In winter, the temperature drops below zero, in spring there is a clear warming trend, which indicates a

strong warming trend. According to the third assessment report of the IPCC, in winter and spring in the continental regions of the northern hemisphere at high latitudes since the 1970s, there has been a clear warming trend [16]. Thus, it can be concluded that seasonal trends in temperatures in the Small Aral region are consistent with global seasonal trends in temperature.

4. Results and Discussion

4.1. Temperature trend

4.1.1. Mean temperature trend

Global temperature increases since the last century have raised concerns among societies and governments around the world about climate warming and environmental change [1]. Under global warming, climate change has a significant impact on the environment, agricultural activities, industrial production, and human life. A moderate warming process was also observed in the Small Aral region.

From Figure 1 it is clear that the temperature of the Small Aral region rises and is in the warming period from 1967 to 2017 and the warming rate is constantly increasing. During this period, the 1967-2017 average was 8.8 °C. We can observe that the average temperature from 1995-1996 rises significantly. The average temperature in the period from 1995 to 2017 is about 0.5 °C higher than the average temperature, which corresponds to the trend of global warming.

4.1.2. Minimum and maximum temperature trend

The maximum and minimum temperatures for the region of the Small Aral Sea are shown in Fig. 3 and 4. As can be seen from Fig. 4, there is an obvious trend of

changes in the average annual minimum temperature in the region. Over the entire period (1967-2017) the minimum temperature and maximum temperature in the Small Aral Sea region increases.

Table 2.

M-K test results of annual and seasonal max and min temperatures for the Small Aral Sea region

Max T	Z	β	Q	p-value	Min T	Z	β	Q	p-value
Winter	2,31	-5,96	0,051	0,05	2,15	-14,76	0,054	0,05	
Spring	2,97	13,97	0,057	0,01	3,25	2,24	0,051	0,01	
Summer	4,3	31,16	0,043	0,001	3,99	17,64	0,031	0,001	
Autumn	2,4	14,06	0,04	0,05	0,99	3,27	0,012	0,005	
Annual	4,86	13,5	0,046	0,001	4,16	2,09	0,038	0,001	

For 51 years, the maximum temperature in the region of the Small Aral Sea is 14.48 °C, and the minimum temperature is 3 °C (Fig 3.4).

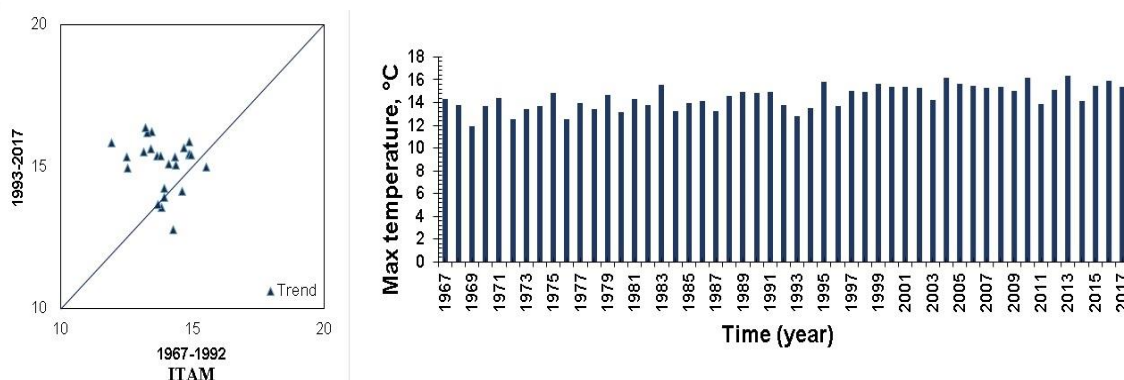

Fig.3 The annual max temperature of the Small Aral Sea Region and tren by using Innovative trend analysis method (ITAM)

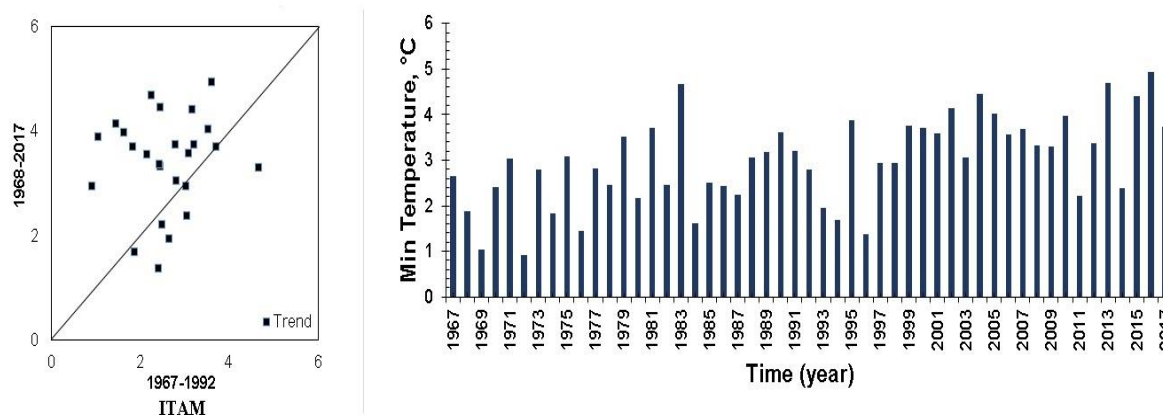

Fig.4 The annual min temperature of the Small Aral Sea Region and tren by using Innovative trend analysis method (ITAM)

Based on data on the minimum and maximum temperature for the study area, the results calculated by the M-K method show that the slope of the M-K average annual minimum temperature is 0.038 °C, and the statistical value Z is 4.16; the slope M-K of the maximum temperature is 0.046 °C, and Z is 4.86 (Table 2). This suggests that the increase in the average temperature in the pool mainly contributes to the minimum temperature, while the maximum temperature is relatively small. Moreover, having studied the trends of the average monthly minimum and maximum land surface temperature in the world from 1951 to 1990, Thomas R.K.

and his group concluded that the minimum temperature warms up 2.78 times faster than the maximum temperature warms up. All this demonstrates that both the minimum and maximum trends of temperature warming in the Small Aral Sea region not only correspond to the trend of temperature warming throughout the country, but also synchronize with global trends (Fig 3.4).

4.2. Precipitation trend

One of the most variable elements of climate is precipitation. Based on data on annual precipitation for

the period from 1967 to 2017 in the Small Aral Sea region, the average annual rainfall is 138.4 mm.

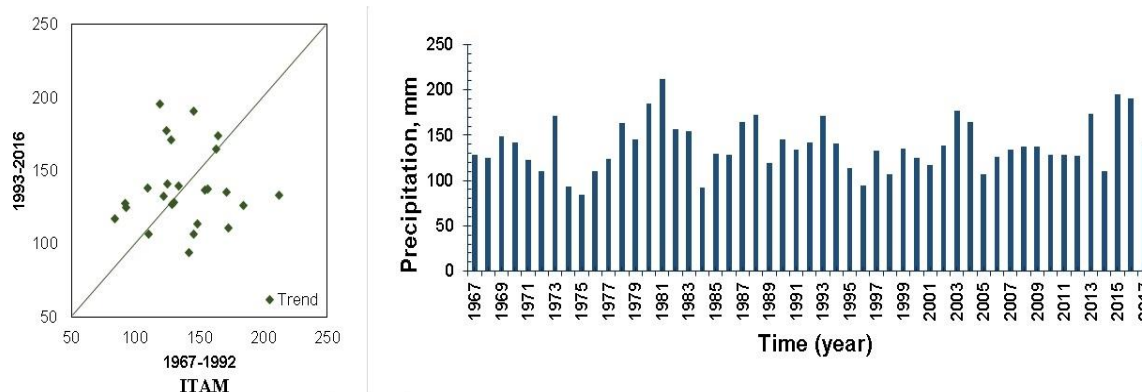

Fig.5 The annual precipitation of the Small Aral Sea Region and tren by using Innovative trend analysis method (ITAM)

Figure 5 shows that the trend of average annual precipitation is not obvious, and in this basin there was a situation with fluctuations from 1967 to 2017. From the mid-1967s to the mid-1981s, there was a clear upward trend in precipitation, and from the mid-1982s to

the beginning of 2012s there is a fluctuation, and in 2013-2017 there is an increase. For the entire period, the highest is 1981 (212 mm), and the lowest is 1975 (84 mm) (Fig 5).

Table 3.

M-K test results of annual and seasonal precipitation for the Small Aral Sea region				
	Z	β	Q	p-value
Winter	1,74	31,24	0,194	0,05
Spring	1,32	35,57	0,217	0,005
Summer	0,62	23,72	0,068	0,005
Autumn	-1,89	38,71	-0,232	0,05
Annual	0,68	129,26	0,177	0,005

The test results of the M-K show that 1967-2017 the amount of precipitation in the region of the Small Aral Sea is increasing ($P < 0.005$). The Innovative trend analysis method showed a positive trend (Fig. 1).

Conclusion

Climate changes in the Small Aral Sea region are a complex combination of global, regional and local processes of variable spatial and temporal scales.

In this article, the Mann-Kendall statistical test method was used to analyze the average annual temperature, maximum temperature, minimum temperature and precipitation trends in terms of long-term changes from 1967 to 2017 in the Small Aral Sea region. The average annual rainfall in the Small Aral Sea region tends to increase over the past 51 years with an M-K slope of 0.17 °C.

The warming trend is more significant in the Small Aral Sea region and falls within the context of the global warming scenario. During 1967–2017, the average annual temperature in the region increases by ($P < 0.001$), the minimum temperature ($P < 0.001$) and the maximum temperature ($P < 0.001$). The Innovative trend analysis method showed a positive trend.

Acknowledgment. This research was funded and supported by the National Natural Science Foundation of China (U1603242), Science and Technology Service

Network Fund Project in the Chinese Academy of Sciences (KFJ-ST-S-QYZD-071), the Training Program for Youth Innovative Talents in Science and Technology in Xinjiang (QN2016BS0052) and CAS "Light of West China" Program (2017-XBQNXZ-B-012), and the Foundation of State Key Laboratory of Desert and Oasis Ecology, Xinjiang Institute of Ecology and Geography Chinese Academy of Sciences.

References

- [1] I. C. Change, "The physical science Basis. contribution of working group i to the fourth assessment," *Rep. Intergov. Panel Clim. Chang.*, p. 996, 2007.
- [2] Z. GUO, Q. MIAO, and X. LI, "Change Characteristics of Temperature in North China since Recent 50 Years [J]," *Arid L. Geogr.*, vol. 2, 2005.
- [3] J. Yao and Y. Chen, "Trend analysis of temperature and precipitation in the Syr Darya Basin in Central Asia," *Theor. Appl. Climatol.*, vol. 120, no. 3–4, pp. 521–531, 2015.
- [4] F. Chen, W. Huang, L. Jin, J. Chen, and J. Wang, "Spatiotemporal precipitation variations in the arid Central Asia in the context of global warming," *Sci. China Earth Sci.*, vol. 54, no. 12, pp. 1812–1821, 2011.
- [5] N. V Aladin, I. S. Plotnikov, P. Micklin, and T. Ballatore, "Aral Sea: Water level, salinity and long-term changes in biological communities of an

endangered ecosystem-past, present and future,” *Nat. Resour. Environ. Issues*, vol. 15, no. 1, p. 36, 2009.

[6] P. P. Micklin, “Desiccation of the Aral Sea: a water management disaster in the Soviet Union,” *Science (80-.)*, vol. 241, no. 4870, pp. 1170–1176, 1988.

[7] E. Kurbanbayev, O. Artykov, and S. Kurbanbayev, “The Aral Sea and water policy in the Central Asian republics,” *Artic. is showed complex actions Preserv. a Biodivers. Amudarya delta a W. their Decis. by Consort. erection is stated. Fig.*, vol. 1, p. (In Russian), 2011.

[8] CAWaterInfo, “Regional information system on the use of water and land resources in the Aral Sea basin. Database of the Aral Sea,” 2017. [Online]. Available: <http://www.cawater-info.net/ara/index.htm>. [Accessed: 20-Dec-2017].

[9] CRU, “CRU TS database,” 2018. [Online]. Available: http://wps-web1.ceda.ac.uk/submit/form?proc_id=Subsetter. [Accessed: 15-Jun-2018].

[10] Z. Zhou, L. Wang, A. Lin, M. Zhang, and Z. Niu, “Innovative trend analysis of solar radiation in China during 1962–2015,” *Renew. Energy*, vol. 119, pp. 675–689, 2018.

[11] M. Kadioğlu, “Trends in surface air temperature data over Turkey,” *Int. J. Climatol.*, vol. 17, no. 5, pp. 511–520, 1997.

[12] M. M. Smadi and A. Zghoul, “A sudden change in rainfall characteristics in Amman, Jordan during the mid 1950s,” *Am. J. Environ. Sci.*, vol. 2, no. 3, pp. 84–91, 2006.

[13] S. Yue, P. Pilon, and G. Cavadias, “Power of the Mann–Kendall and Spearman’s rho tests for detecting monotonic trends in hydrological series,” *J. Hydrol.*, vol. 259, no. 1–4, pp. 254–271, 2002.

[14] L. HongBo, X. U. HaiLiang, F. U. JinYi, and L. I. U. XinHua, “Surface runoff processes and sustainable utilization of water resources in Manas River Basin, Xinjiang, China,” *干旱区科学*, vol. 4, no. 3, pp. 271–280, 2012.

[15] X. L. Yang, L. R. Xu, K. K. Liu, C. H. Li, J. Hu, and X. H. Xia, “Trends in temperature and precipitation in the Zhangweinan River Basin during the last 53 Years,” *Procedia Environ. Sci.*, vol. 13, pp. 1966–1974, 2012.

[16] J. T. Houghton *et al.*, *Climate change 2001: the scientific basis*. The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2001.

Odinaev Mirshakar^{1, 2, 3}, Yang De Gang^{1, 2}, Aminov Javhar^{1, 2} Okhonniyozov Mekhrovar^{1, 2} Abdudzhaborzoda Bakhromshokh² and Saidaliev Ismoil²

¹ State Key Laboratory of Environment Change in Arid Lands, Xinjiang Institute of Ecology and Geography, Chinese Academy of Sciences, Chinese Academy of Sciences, 818 South Beijing Road, Urumqi 830011, Xinjiang, China.

² University of Chinese Academy of Sciences, №19(A) Yuquan Road, Shijingshan District, Beijing, P.R.China 1000049.

³ Tajik Academy of Sciences, Dushanbe, Tajikistan, 734025

THE INDUSTRIAL DEVELOPMENT DYNAMICS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Abstract. This article analyzes the realization of the Radiological Industry of Tajikistan in the Republic of Tajikistan. For the purpose of the establishment of the enterprise, the International Labor and the International Trade Organizations of the Republic of Tajikistan have the opportunity to develop and expand the production of goods and services, as well as the export potential of the country. Thus, the elimination of non-materialization of the country and the transformation of Tajikistan into industrial-agrarian country is a viable and important strategic objective of the further development of the national economy. The experience of many developed countries shows that the state cannot provide its economic independence without the industry or industrial sectors. Therefore, the Government of the Republic of Tajikistan considers the industrialization of the country as a strategic goal and trying to transform the country from agrarian-industrial to industrial-agrarian country.

Key words: Enterprise establishment, production economics, transition, statistics.

1 Introduction

Administratively, the Republic is divided into 4 main regions: Sughd, Khatlon, Gorno-Badakhshan Autonomous Region (GBAR) and the Regions of Republican Subordination (including Dushanbe the capital) see Figure 1 below [1, 2]. Sughd (in the north part) covers around 18% of the country’s area and has about 30% of the population. About 75% of its population is rural. Although cotton is the dominant crop, apricots, apples, grapes, pears, nuts and potatoes also grown (as well as a number of other crops in the Zeravshan Valley area). The Khatlon region, in the south, accounts for around 17% of the country’s area and about 35% of the

population, of which 83% are rural inhabitants. The irrigated river valleys of Khatlon around Kurgan-Tube and Kulob were among the most productive growing regions in the USSR. Part of the reason for this is the extensive irrigated infrastructure that supplies up to 320,000 ha of arable land in the region. Cotton is the main crop of the region, although there is a degree of diversification with other crops such as wheat, rice, potato’s, vegetables, Lucerne and some sub-tropical fruits such as lemons and oranges. The GBAR, in the east of the country, accounts for 45% of the country’s total area, but only 3% of the total population. Given that it is situated in the mountainous area of the country, it has

very little scope for agricultural production, but has important areas of pastures. The Regions of Districts of republican subordination (situated close to Dushanbe) occupy about 20% of the country's total area, account for around 25% of the population, of whom around

90% are rural inhabitants. Cotton is also a dominant crop in this region, although there is a fair degree of crop diversification, the main concentration of which is on consumer products, mainly for the Dushanbe market [2-4].

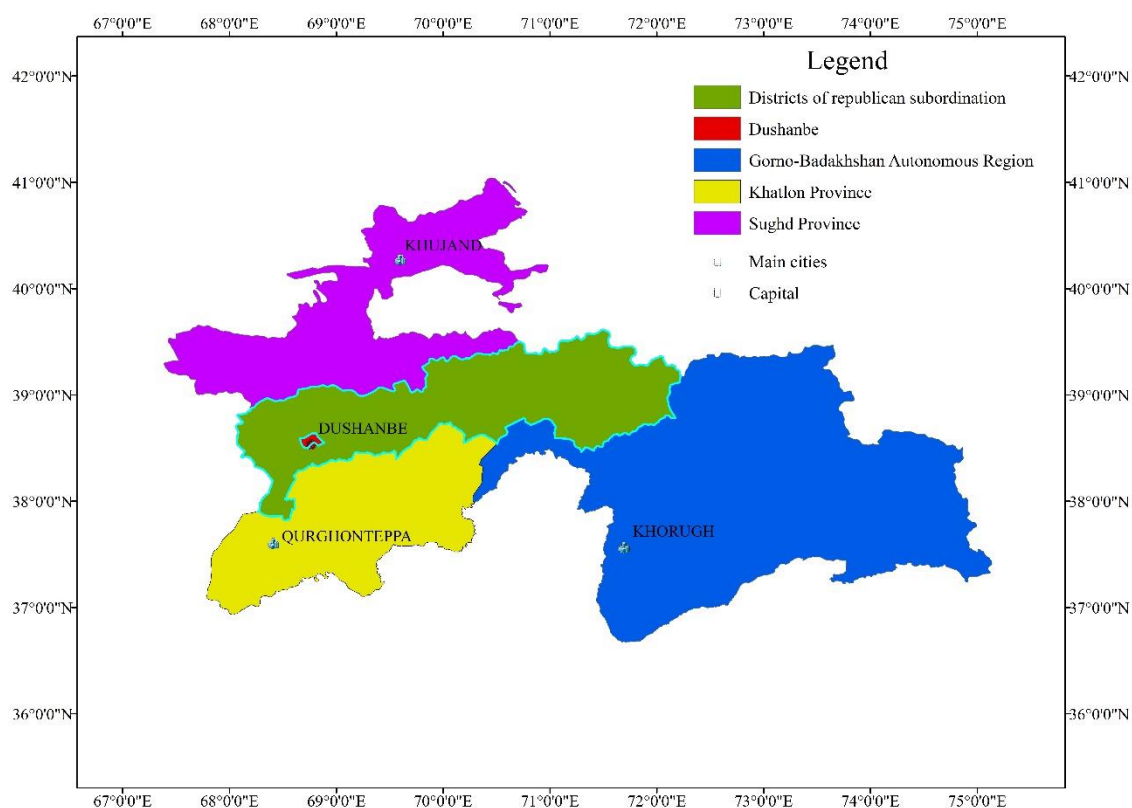

Figure 1. Administrative map of Tajikistan

Tajikistan's light industry is based on its agricultural production and includes cotton-cleaning mills and silk factories; the Dushanbe textile complex is the country is largest. Other branches of light industry include the manufacture of knitted goods and footwear, tanning, and sewing. There is a large carpet-making factory in Qayroqqum. Food-processing industries concentrate on local agricultural products, which include grapes and other fruits, various vegetable oils, tobacco, and geranium oil, which is used in perfume. The metal-working industry produces looms, power equipment, cables, and agricultural and household implements.

The transition to a market economy took place in Tajikistan in very difficult conditions. After the destruction of the single national economic complex, Tajikistan lost its traditional market, which resulted in the economic crisis. In the period from 1991 to 1997, the country's Gross Domestic Product (GDP) fell by about 70%. There was a sharp decline in the standard of living of the population: the average wage reached the equivalent of less than \$10. About 85% of the population are below the poverty line. The situation has been aggregated by the civil war, which lasted about five years until 1997. There was a significant deterioration in general economic indicator in industry. The volume of production in the fuel, food, machine-building, chemical and other industries decreased at times [5]. This trend

continued until 1997. After this period, there was an increase in the dynamics of industrial indicators. Nevertheless, the decline in the share of industry in the economy of the Republic continues, the process of deindustrialization of the country is taking place. The country's economy is gradually turning into an agrarian-industrial one, which does not contribute to the employment of growing labor resources and to ensuring a high level of development. Without a powerful and dynamically developing industry, there cannot be an effective economic system. Therefore, the main priority task is the development of an effective industrial policy that takes into account the conditions of the transition economy and provides for the restoration of industrial potential. The selection and support of the most viable enterprises and industries that can create a breakthrough in the economy, compensate for the decline in production in less viable spheres, will serve as a determining factor in the economic development of the country [6].

The republic is currently witnessing a process de-industrialization. Therefore, according to official sources, the number industrial enterprises in 1991 amounted to 2 308 units, in 2009 there the number was reduced to 1,331 units. The ratio of public and private enterprises in 2009 amounted to 60 to 40. Such a high trend cuts to industrial enterprises threatens to turn in the future a republic from an agro-industrial state to an

agrarian country, where industry share will be minimal [7, 8].

With the proclamation of market principles of management, many countries the problem of assessing the degree of rationality and effectiveness of economic policy of regulation of both the economy as a whole and its foreign trade sector. The effectiveness of foreign trade policy can be determined by correlating the level and nature of export-import transactions to national interests of the state. In addition, effective foreign trade should reflect the degree of gain from international cooperation, participation in the international division of labor. In the long term, the international specialization of the economy should be directed primarily toward the achievement of strategic objectives, and not solve rather important, but current tasks [9].

As experience of functioning of economy of Tajikistan shows, for last two significant changes in the field of formation and implementation have been observed for decade's foreign economic policy. This process is largely related to the need for accounting globalization and integration factors of economic development, which along with positive results are associated with serious risks and negative consequences [10].

In turn, the aforementioned aspects allow to strengthen the country's economic potential and at the same time to expand the export of finished products, which will contribute to achieving sustainable economic growth. In this context, it can be noted that through a deep expansion of investment, growth in various structures of the national economy can be achieved. In particular, investments in light industry allow creating a wide net of spinning production, which can contribute to a double increase by 2020 of the share of cotton fiber processed in the country (currently it is processed only 10-12%). It will enable large-scale development of knitted, textile, sewing production expand the range of manufactured finished products, improve the structure of the export potential of the republic, increase the production of many new goods and move from their imports [11]. Resolving the industrialization of the country requires a comprehensive change in the structure of employment. According to NSDT (National Strategy Development of the Republic of Tajikistan) 2030% of the sector's services sector in the employment sector in 2016-2030 from 27.6 to 60%, the industry is growing from 3 to 15-20%, and in turn, employment in agriculture decreases, with 70% increase in rural employment industry sectors, social sector and education in vocational education institutions. During the implementation of the NSDT- 2030 in the industry of the country is expected to increase 3 times more job [12].

Thus, for the years 2006-2015, the country's industry grew rapidly, but it was not enough to prevent the excess production of the country. The downturn of the sector's share of GDP in the country's GDP continues to decline and in the beginning of the 21 century, Tajikistan plays an aggressive and industrial state: the share of agriculture and industry in the GDP structure of the country in 2016 is 23.3% and 12.5% "he said [13].

It should be noted that the fall of the share of the industrial sector in the country's GDP is due to the low level of processing of raw materials and negatively affects the effectiveness of industrial production. For this reason, the number of harmful firms increased year by year in the country. If in 1996, 311 units and their total damage amounted to 28.9 million. Therefore, in 2015, this figure was 730 in 1981.9 million rubles [14].

2 Data and Methods

In the stage of the analysis, the data of the republican and regional statistical reports from 1991 to 2015 were used. The lack of data for 2016 is due to the long collection and late publication of statistical data. The Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan [15].

To make further analysis and reach the aimed objectives of the study and making it possible for understanding the industrial development in the targeted study area, firstly, it was necessary to go to Tajikistan for a field study and data collection for a couple of months in late summer, early autumn time of 2018. The aims of the conducted field study were to collect data after Soviet Union for the period of 1991-2017 from Ministry of Industry and New Technologies of the Republic of Tajikistan, Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan and Ministry of Economic Development and Trade of the country. The framework of the study is a literature review for understanding of the current situation of the country in this field, gathering information about differences of development of industry.

3 Results and discussion

With the aim of preventing the excess production of the country, the Government of the Republic of Tajikistan in 2003 adopted Concepts of Development of the country. In this important document, the reasons for reduction of industrial production, factors, opportunities, and directions of development in the country were determined in terms of independence and new market economy. Conceptual concepts in the National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030 are being implemented. In attraction of domestic and foreign investments to the development of imported goods, the contribution of the Free Economic Zone (FEZ), which was established in 2008-2009, is very large.

Today, according to Ministry of Economic Development and Trade of the Republic of Tajikistan, there were 70 commercial entities registered in four FEZs, with 12 industrial enterprises operating in 2016, including Real, LLC (Limited liability company) "Ravzana Plastik", LLC CMB "Silkoat Boya", LLC "Star Plast", LLC "Tadjprof", LLC "Fortuna Co", LLC "Somon Energy", LLC "Y Servis", LLC "ROSSODJTORG", LLC "Grin Gold", LLC "Aufen, LLC "Egypt-2001", LLC "Taj-Asia". According to the statistics, within the first 9 months of 2016 the industrial products were produced in about 54.8 million Somoni. From four FEZ-s in 2008-2016, 1338.5 million. Dollar Direct foreign investments are attracted [16].

In the period of 2000-2017, the industry was developed with a significant high speed, with numerous

of industrial enterprises built and implemented with attraction of domestic and foreign investments. During this period, the number of industrial enterprises in the country increased by 2.1% and the volume of industrial products increased by 1.6 times. In all regions of the country, Districts of republican subordination appears to increase the volume of industrial output (Table 1).

The decline in production volumes of industrial products in the Republic of Tajikistan is that in recent years, the largest aluminum producer TALCO has been experiencing a decline in aluminum production, due to its dependence on foreign raw materials. Today, the Tajik Aluminum Company "TALCO" will eliminate foreign raw materials after the introduction of the Talco-Chemistry company in Yavan district.

Table 1.

Industrial development in the Republic of Tajikistan and its regions in 2000-2017 [13, 14]

	Number of industrial enterprises, quantities				The volume of industrial products (million somoni)		
	2000	2017	Growth		2000	2017	2017/2000, (%)
			quantities	%			
Republic Tajikistan	1329	1999	+ 670	1,5	1374.4	20029	14,6
Dushanbe city	320	474	+154	148,0	116,0	1659,0	14,3
Sughd Province	542	597	+55	110,1	944.8	10066,4	10,1
Khatlon Province	420	534	+114	127,1	564.0	6753,1	12
Gorno-Badakhshan Autonomous Region	6	47	+41	7,8	98,0	193,4	2,0
Districts of republican subordination	41	347	+346	8,5	120,0	1357,1	11,3

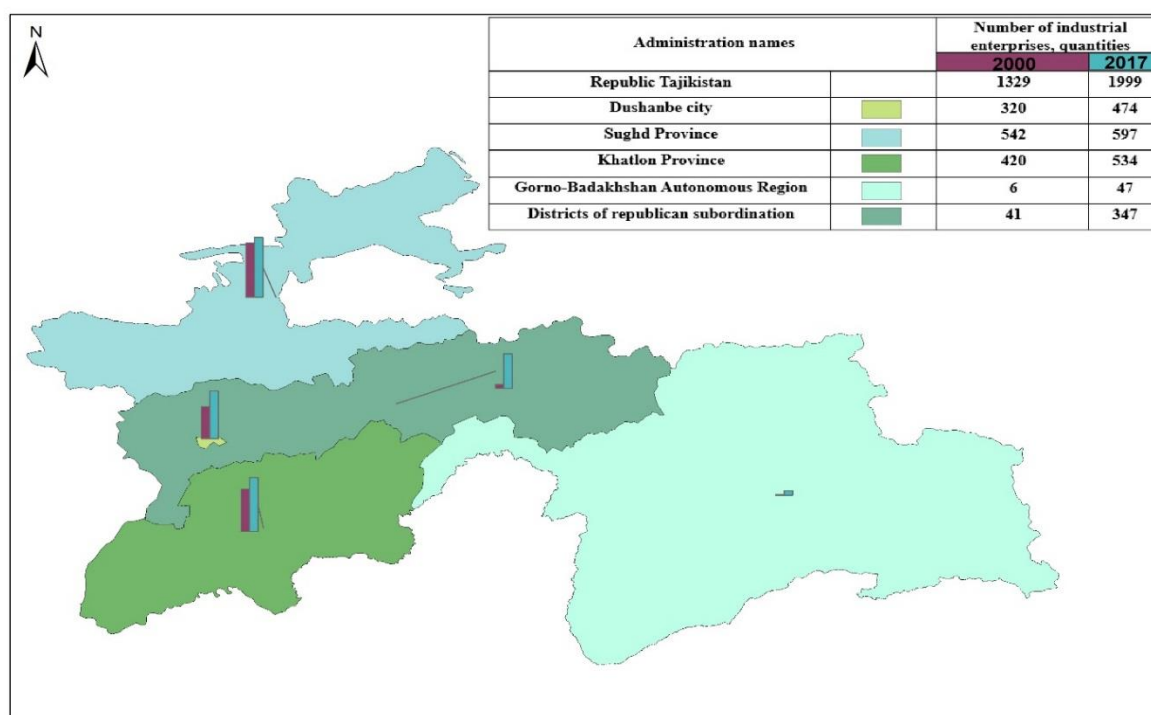

Figure 2. The volume of industrial products (million somoni)

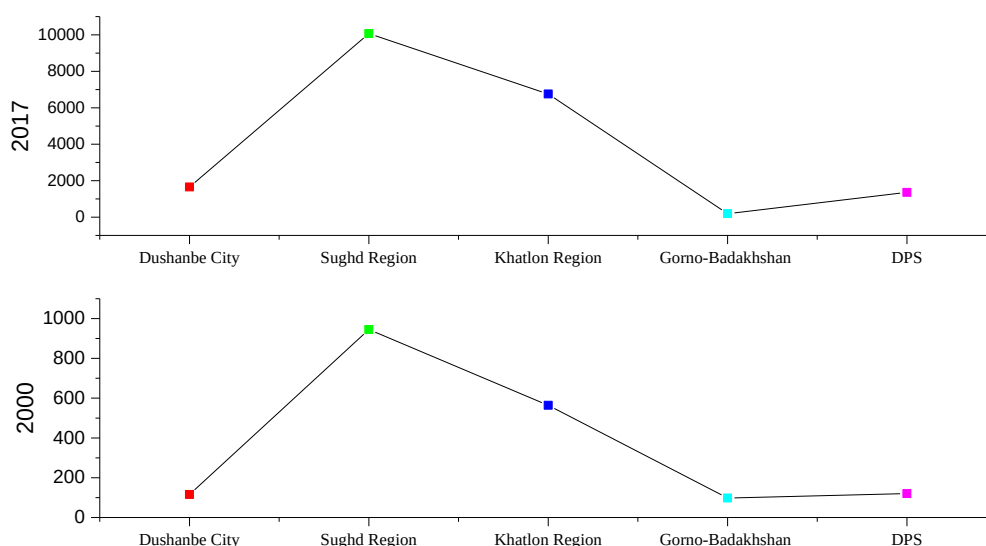

Figure 3. The volume of industrial products (million somoni)

It is worth noting that in the period of state independence a number of quantitative changes has characterized the development of the country's industrial sector. Because of the construction of the new cotton gauze, rubber, textile and sewing enterprises, the country has been able to process the complete cotton raw materials. Over the past few years with a series of spatial firms, including seven companies in Sughd, seven in Khatlon, and in the city of Hisor district, a large cotton fiber plant has been built and commissioned with the capacity to process more than one year 100,000 tons of cotton fiber.

Providing eight cotton ginneries has been constructed and put into operation in the period of years 2000-2017 for the production of cotton fiber in Farkhor, Khuroson, Bokhtar, Danghara, Jayahun and Yovon regions of Khatlon province, each of which can be used in one year starting from 20 up to 50 thousand

tons of raw cotton. In addition, weaving and sewing enterprises were put into operation in some cities and districts of the republic.

After completing the full text of the Joint-Stock Company "Huntai Danghara Sink - Water Text", whose capacity is more than 52,000 tons of cotton fiber, we can provide full cotton raw materials to the final product. With the establishment of national and inter-state enterprises and modernization of modern technologies, we have made significant achievements in the development of natural resources and the diversification of industrial production in the country during the state independence. Today, the number of enterprises in the mining industry has reached 214 units and 2071 in the processing industry, production of coal, oil and petroleum products, nonferrous metals and metallurgy. Annual production of coal in the years of independence has increased from 313 to 1041.9 thousand tons. Increased by 3.3 times

and put into operation a series of joint Tajik-Chinese joint production of cement. As a result, the production of cement in the country was 198,000 thousand tons up to 1450 thousand tons and this would allow imports to be reduced by three times. We have saved \$56 million from the reduction of three imports of cement in 2015. Therefore, we have to deal with other types of imports, which have the technical and technological capacities and the favorable natural environment for them to produce their products.

Meanwhile, the republic has quite large natural and agricultural resources to ensure accelerated development industrial capacity, cotton for the development of light industry, various mineral and ore deposits for the development of metallurgy and engineering, enormous hydropower resources for development of electric power industry, all these features today practically not used. As we have noted, industrial, the complex of the republic consists of several independent branches; which in the structure of industry is ranked depending on their feedback and importance.

Table 1.

For 2006-2012 the joint ventures of Tajikistan and Great Britain "Khodjent-Corton TD", "Hodjent-Hermes ComuneiTTT", "South-Western mobile networks", joint ventures of Tajikistan and Germany, "Makhmuronon", "Muller and Shell", "Gazpromneft", as well as joint ventures of Tajikistan and India, "Carwel Oversized Limited", "Tajik Metals and Minerals", "Golf Tour", "Sky Network" and joint ventures of Tajikistan and Russia [17]. Since 2007, the establishment of joint ventures with the participation of Chinese companies in the mining industry, chemicals, and textile and construction materials, including the production of cement, it should be noted that the establishment of joint ventures to promote the growth of the export potential of the country, reducing the import of goods to the country, and thereby improving the balance of foreign trade balance.

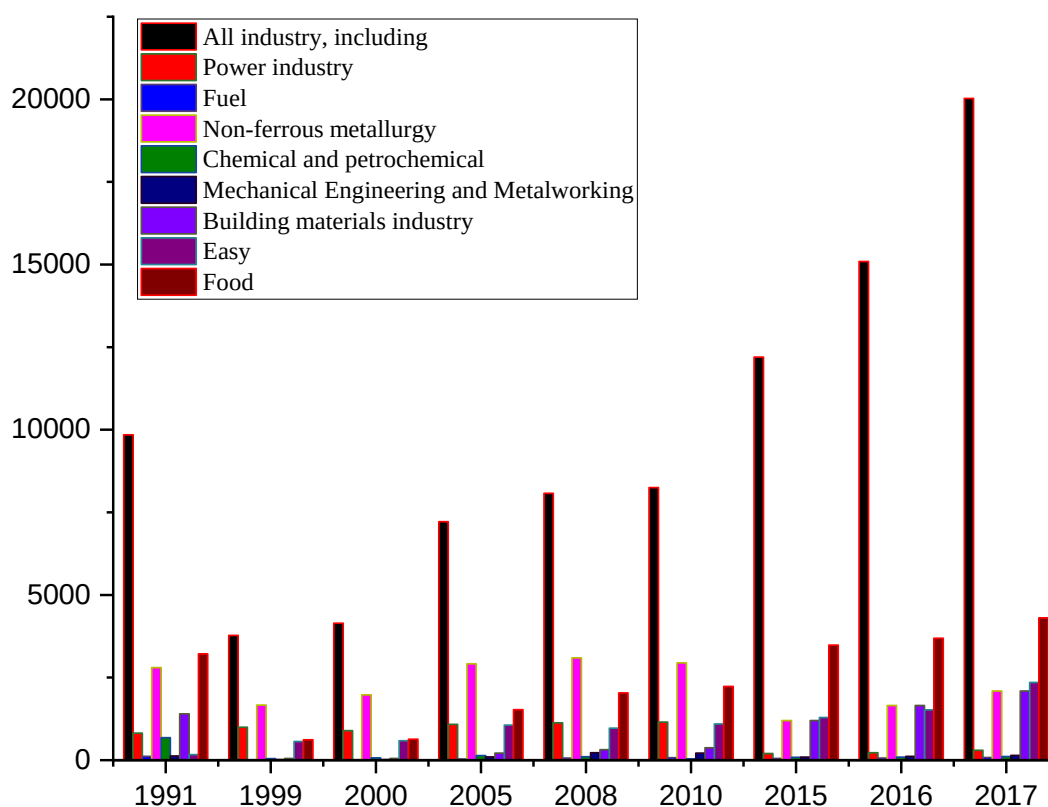
This can be seen in the case of joint ventures for production of cement. In 2010-2015 in the Sughd province, Vahdat and Yovon districts have been constructed

Table 2.

The structure of the industry in total million somoni [14]

Indicators	Year's								
	1991	1999	2000	2005	2008	2010	2015	2016	2017
All industry, including	9845	3774	4147	7220	8078	8248	12196	15090	20029
Power industry	817,6	994,5	892,1	1086	1130	1152	203	222	298
Fuel	113,2	11,1	11,7	34,0	62,0	73,2	52	62	79
Non-ferrous metallurgy	2804	1668	1976	2919	3093	2945	1201	1655	2091
Chemical and petrochemical	681,6	48,1	69,2	136,0	105,5	40,0	86	95	107
Mechanical Engineering and Metalworking	129,4	16,7	18,3	97,4	226,5	211,7	93	114	142
Building materials industry	1400	50,4	53,3	212,5	316,9	373,1	1201	1655	2091
Easy	167,3	565,2	586,1	1063	968,2	1094	1292	1520	2354
Food	3219	619,2	633,4	1525	2033	2229	3480	3689	4304

Table 3.

The structure of the industry in total million somoni

As shown in the table, in 1991 the share of such industries as light and food industry, nonferrous metallurgy, energy was prevailing in the industrial structure of the republic. In total, the proportion of four industries in 1991 was 77.1% of total industrial output. If in the early 90 easy, industry dominated the structure the country's industry, then in subsequent years, this trend begins change: there is a decrease in the proportion of the industry in the structure industry. In 2009, the share of this industry was only 10.8%, the most declining

compared with 1991, 38.4%. Industry growth non-ferrous metallurgy, from the end of the 90s to the present day, is bound above all with the work of the Tajik Aluminum Plant, which remains working industrial enterprise of the republic. In 2017, the share of non-ferrous metallurgy in the structure industry of the republic was 38.6%, which is lower than for example, 2008 by 0.7%. This is primarily due to higher prices for alumina ore, as well as lower prices in global stock markets on aluminum due to the financial and economic crisis.

It should be noted that for the analyzed period - 2017 to 1991-there is an increase in food, construction, and in energy industries. An analysis of the industrial structure of the republic shows us that 26 years of independence, the share of such industries has decreased quite sharply, industries like chemical and petrochemical, woodworking and pulp and paper, mechanical engineering and metalworking. Therefore, the state, along with other industries industry, more attention needs to be paid development of these industries. Otherwise, through a certain period of time the value and proportion of these industries will undergo further decline.

4 Conclusion.

Industrialization of the country and achieving the forecasted indicators of the socio-economic development of the republic in SEZ-2030 are dependent on the national economy with highly skilled personnel that meet the demands of national and international labor market. The need for industrialization of the country was due to the decline in industrial production in the 90s of the 20th century and the decline in the majority of industrial enterprises that were unable to compete with market conditions. It should be reminded that in 2000, the number of industrial enterprises in the country increased from 2308 to 1179 units or 2.1 times, the volume of industrial output increased from 10246 million somoni to 4316 million somoni or 2.5 times lower and in the country, the excess production started.

Today there is a lack of qualified specialists in the field of agricultural specialties and employment. Currently in the country due to insufficient inter-agency labor market, there is a problem with the provision of graduates of the vocational education system with employment - the relatively low percentage of graduates are provided with qualifications. In the labor market, employers note the lack of vocational skills and poor quality of education for applicants.

It should be noted that, along with the transition to the industrial and agricultural economy, the problem of a lack of qualified labor force for industries, including the industry, is growing. Therefore, the transition to the industrial and agricultural economy of the republic is needed to revise the concept of development of vocational education, taking into account changes in the structure of employment and future labor market demand.

Acknowledgements: This study was supported by the University of Chinese Academy of Sciences (UCAS) and Xinjiang Institute of Ecology and Geography.

References.

1. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, Execution of the state budget of the Republic of Tajikistan. the Law of the Republic of Tajikistan "On the State Budget of the Republic of Tajikistan 2000-2009, 2010.
2. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, Real Sector. Production of industrial products in constant prices Tajikistan-Dushanbe, 1993-2016.

3. Edward Allworth, D.R., Smith Denis, Sinor Gavin, R.G. Hambly, Republic of Tajikistan. See Article History (Internet).
4. Muhammadovna, A.M., The Impact of Foreign Policy on the State of Industry of the Republic of Tajikistan. p. УДК 33М (069) 2Т ББК 65.290.33.
5. Rizokulovich, M.M., INFLUENCE OF INTEGRATION PROCESSES ON THE ECONOMIC GROWTH OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN. 2010.
6. Ulmasov and F.M., INFLUENCE OF PROTECTION MEASURES ON DEVELOPMENT OF INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN. 2000.
7. European Training Foundation "Labor Market Survey in Tajikistan. 2010: p. 66 out of 132.
8. Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan: Tajikistan in figures, . 2010: p. 102 out of 196.
9. Mukhamedovna, A.M., THE IMPACT OF FOREIGN POLICY ON THE STATE OF INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN. 2013.
10. Policy, P.V.M.P.M., Theory and Practice. Part 1: Evolutionary Theory of Economic Policy. Rapid Development Experience.-M: INFRA-M, . 2003.
11. M, L., Economics of foreign countries. 2010: p. 446.
12. Umed, D., Free Economic Zone: From billions to billions - "Republican". 2016. from December. 13: p. 1-2.
13. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030. 2015: p. 18-22.
14. Tajikistan: 25 - year of state independence / statistical bulletin. Dushanbe, 2016: p. 509.
15. Agency for Statistics under the President of the Republic of Tajikistan <http://stat.tj/>. 2017.
16. Davlatzoda, U., Free Economic Zone: From billions to billions - "Republican" from December. 13, 2016: p. 1-2.
17. Sayidzoda Z., S.F., Policy of President Emomali Rahmon and Sustainable Development of Tajikistan. 2012: p. 86, 89, 91, 96.
14. Tajikistan, I.o.t.R.o., Agency on Statistics under the President of the Republic of Tajikistan. 2018.
15. Sayidzoda Z., S.F., Policy of President Emomali Rahmon and Sustainable Development of Tajikistan. 2012: p. 86, 89, 91, 96.
16. Source: Compiled by the author according to: Industry of the Republic of Tajikistan. Statistical Agency under the President of the Republic of Tajikistan / Real Sector. Industrial output in constant prices 1980-2009. . Dushanbe, 2005-2018, 1980-2009. : p. 12-14.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Basov I.M.

student,

Saint Petersburg State University

IS CYPRIAN BAZYLIK TRANSLATOR OR COAUTHOR?

Басов Иван Михайлович

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет

КИПРИАН БАЗЫЛИК – ПЕРЕВОДЧИК ИЛИ СОАВТОР?

Summary: The article is devoted to the translation (Łosk, 1577) of A. F. Modrzewski's pamphlet "De Republica emendanda" into the Polish language. The author attempts to define and analyze the original corrections in the text of Modrzewski. The author raises the issue of the translation, which actualized the treatise for the Commonwealth in 1570s. It reveals the contribution of K. Bazylik to the representation of the Polish republican experience by A. F. Modrzewski. An attempt is also made to identify the motivations and aspirations of the translator.

Аннотация: Статья посвящена переводу (Лоск, 1577) на польский язык памфлета А. Ф. Моджевского «De republica emendanda». В статье предпринята попытка установить и проанализировать оригинальные вставки в текст Моджевского. Автор поднимает проблему перевода как намеренно актуализирующего тему трактата для Речи Посполитой 70-х гг. XVI в. Раскрывается вклад К. Базылика в репрезентацию А. Ф. Моджевским польского республиканского опыта. Также предпринимается попытка выявить мотивации и стремления переводчика.

Key words: source criticism, Cyprian Bazylik, Andrzej Modrzewski, polish pamphlets in the 16th century, De republica emendanda.

Ключевые слова: критика источника, Киприан Базылик, Анджей Моджевский, польские памфлеты XVI века, De republica emendanda.

Европейская книжная традиция во все времена стремилась к созданию максимально точных переводов текстов – в особенности это заметно на примере религиозно-философских трактатов и, впоследствии, на примере переложения Писания. Роджер Бэкон, порицая неумелых переводчиков трудов Аристотеля, называл их *mendici traditores* – «перевирающими переводчиками» [1, с. 54]; Леонардо Бруни в 1426 г. издал трактат «О правильном переводе», в котором поставил чрезвычайно высокую планку оценки переводной литературы [1, с. 86–87]. В дальнейшем подобные сочинения, посвященные мастерству переложения текста, были изданы практически на всех языках Европы Нового времени. Высокие требования к качеству перевода предопределили переводческий скептицизм XV–XVI вв., ставший характерной чертой Реформации [1, с. 90–94]. Всё это говорит о том, что в рассматриваемый нами период образованная Европа, вне всякого сомнения, осознавала важность грамотного, достоверного и точного перевода.

В 1577 году в местечке Лоск (территория нынешней Республики Беларусь) типограф Киприан Базылик издал свой перевод знаменитого трактата Анджея Фрыча Моджевского «De republica emendanda» на польский язык [8, с. 374–375]. Поднимаемые Моджевским проблемы не потеряли актуальность и после его смерти в 1572 г., но между прижизненными изданиями сочинений автора и посмертными есть существенные различия: первое – и самое заметное – в том, что при жизни Анджея

Фрыча Моджевского не предпринималась публикация ни одного перевода его латиноязычных памфлетов на польский язык [3, 161–162]. Второе отличие менее очевидно: известные исторической науке тексты прижизненных изданий сочинений Моджевского практически идентичны, поскольку проверялись автором лично [5, с. 173]. Такая ответственность публициста позволяла максимально исключить смысловые искажения, но на посмертные издания своих работ автор по понятным причинам повлиять не мог. Поэтому когда вскоре после кончины Анджея Фрыча Моджевского был опубликован первый перевод на польский язык трактата «De republica emendanda», он не мог не содержать искажений, неминуемых при переводе с иностранного языка – искажений, кроющихся не столько в непонимании авторской мысли, сколько в невозможности точно передать языковыми конструкциями одного языка те образы, которые были выражены конструкциями т.н. «языка оригинала». Проблематика эта понималась ещё в эпоху Средневековья [1, с. 55].

Однако благодаря деятельности К. Базылика на свет появился не просто перевод, полный неточностей (как и любой другой в той или иной мере), но текст, полный оригинальных вставок, принадлежащих, как показывают наблюдения над текстом, перу самого переводчика. Это рождает научную проблему (которая и является предметом нашего исследования), поскольку, обращаясь к тексту пе-

ревода, исследователь сталкивается с лишним «посредником». К сожалению, в научной литературе пока не поднималась тема точности перевода «De republica emendanda», однако в целом научная критика перевода сейчас имеет распространение в практике исторических исследований. Цель данной статьи — постановить и очертить проблему перевода конкретного источника, дать общую оценку специфике перевода К. Базылика.

Перейдём к «O poprawie Rzeczypospolitej». Чтобы продемонстрировать отсутствие у Базылика стремления строго и чётко придерживаться текста оригинала, достаточно взглянуть на заглавие опубликованного в 1577 г. трактата. Оно формулировалось следующим образом: «*Andrzeja Frycza Modrzewskiego o Poprawie Rzeczypospolitej księgi czwore. Pierwsze o Obyczajach. Drugie o Statucie. Trzecie o Wojnie. Czwarte o Szkole. Do s.p. Monarchy Zygmunta Augusta Krola Polskiego. Senatu y Stanu Rycerskiego, obce do wszęch ludzi Sarmatskich językiem lacińskim napisane. Przez Cypryana Bazylia z Lacińskigo na Polskie przetłomaczone*». Как мы можем заметить из заглавия, Киприан Базылик осуществил перевод терминологии автора. В прижизненных изданиях трактата Моджевский не употреблял термин «Rzeczypospolita» («республика»), ассоциирующийся с Польско-Литовским государством, которое, как известно, появилось после Люблинской унии 1569 г., когда трактат Моджевского уже был написан и неоднократно переиздавался [2, с. 59]. Также стоит подчеркнуть, что ни в одном заглавии своего сочинения мыслитель не указывал конкретно адресата — польского короля Сигизмунда II Августа [2, с. 59]. Скорее всего, А. Ф. Моджевский создавал своё сочинение как универсальную инструкцию по реформированию государственного устройства. Контекст трактата лишён жёсткой хронологической и географической привязки, что подчёркивает универсальность модели А. Ф. Моджевского (примечательно, что автор адресует сочинение «всем народам сарматским»). В свою очередь, К. Базылик своим переводом актуализировал трактат Моджевского, замкнув его на проблемах собственно Речи Посполитой и привязав проблематику памфлета к современной ему эпохе. Впрочем, при всей универсальности поднимаемых Моджевским проблем, ряд особенностей государственного устройства, обсуждаемых в трактате, как известно, в середине XVI в. был характерен только для Польско-Литовского государства (как, например, уникальное для Польши шляхетское самоуправление). Из этого следует, что, вероятно, Моджевский стремился трактовать разработанную им программу общественного и государственного переустройства, распространяя её на реалии знакомой ему державы.

О фигуре К. Базылика известно немного. Родился ок. 1535 г. в Серадзе. Происходил, по всей видимости, не из шляхетской семьи (однако, был приписан к гербу при посредничестве Якова Базылика Гераклдеса, отчего и получил прозвание «Базылик» [4]). Судьба К. Базылика тесно связана со

двором Николая Радзивилла («Чёрного»), стремившегося окружить себя даровитыми протестантскими деятелями культуры польского и литовского происхождения [9, с. 344]. Именно под радзивилловским патронатом К. Базылик с 1564 г. получил возможность проявить себя на ниве переводческой и издательской деятельности [4]. Переводил преимущественно произведения кальвинистских авторов, чем и объясняется интерес к трактату «Об изменении республики» А. Ф. Моджевского. К тому же, мы знаем К. Базылика как надворного виленского композитора и поэта, автора ряда псалмов и паралитургических песен (дошедших до нас не в полном объёме).

Итак, вероятно, к публикации собственного перевода «Об изменении республики» К. Базылика сподвигнул не только личный интерес к этому произведению (несомненно, популярному в то время), но и заинтересованность литовской кальвинистской знати в распространении памфлета Моджевского. Спрос на этот памфлет говорит об актуальности для читателей вопросов, поднимаемых А. Ф. Моджевским. Это несколько не противоречит тому, как сам автор видел своё произведение, поскольку А. Ф. Моджевский настаивал на актуальности, универсальности его республиканской идеи, в то же время не отрываясь от окружающей его реальности. О таком понимании роли излагаемых автором идей говорят следующие строки: «...Если бы кто-то сказал, что мои слова предназначены для других людей, для другой республики, а нашей не полезны; ибо нет ни одного человека, как у нас в Польше, так и у других народов, кто бы имел у себя такие привычки, кто не устремлялся бы до тех вещей, что ему не нужны...» [7, с. 6]. В этих строках А. Ф. Моджевский даёт понять читателю, что, с одной стороны, он апеллирует к универсуму, а с другой, что этот самый универсум подходит для любой развитой политики (в оригинале — *quem aliam politiam*). Автор убежден, что не существует государства, для которого движение к республиканским порядкам не было бы актуальным, злободневным, и даже «полезным». Именно такая логическая последовательность от частного к общему определяет для А. Ф. Моджевского значение поднимаемой им темы.

Таким образом, нет особых оснований упрекать К. Базылика в самом стремлении актуализировать памфлет, локализовать его на польских реалиях. Однако анализ конкретных отступлений от смысла оригинала в сторону его актуализации способен отобразить репрезентацию Речи Посполитой 70-х гг. XVI в. в глазах шляхтича, приближённого ко двору Радзивиллов.

Вставку хоронима К. Базыликом в ряде эпизодов можно оправдывать экстраполяцией в тех моментах, где таковая уместна. К тому же сам А. Ф. Моджевский, конкретизируя свои теоретические выводы, иногда апеллирует к республиканскому опыту Польши. Так, рассуждая о способах элекции монарха (сар. IX) и формах организации дворян-

ских советов (сар. Х), он действительно пишет о поляках, употребляя соответствующий этноним [6, с. 39]. В таких случаях перевод Базылика прозрачен [7, с. 24]. В иных же случаях переводчик экстраполировал выводы Моджевского на польскую действительность по тому принципу, что выводы эти (по мнению, очевидно, К. Базылика) как нельзя кстати отвечали польским реалиям и/или находили подтверждение в опыте политической организации. В частности, экстраполяцию мы можем видеть и в вышеприведённой цитате. Оборот «как у нас в Польше, так и у других народов» [7, с. 6] является оригинальной вставкой К. Базылика, и в тексте латинского оригинала отсутствует [6, с. 15]. Этот момент лишний раз свидетельствует о стремлении переводчика актуализировать оригинальное произведение, проявляющееся в подобных мелочах.

Перевод К. Базыликом латиноязычной гражданской терминологии на старопольский язык вполне традиционен: *populus* он заменяет на *pospólstwo*, *plebs* на *chłoptwo* и некоторые перифразы (*ubogi*, *podły ludzie* и др.). Уместность такого перевода под вопросом, хотя стоит делать поправку на то, что А. Ф. Моджевский в своём памфлете, пусть и употребляет лексику латинского языка, восходящую к античности, применяет её практически всегда к явлениям Раннего Нового времени. Так, его *plebs* – это именно крестьяне, а не низший слой городского населения или отвлечённое определение для всех незнатных людей. Ряд эпизодов даёт понять [7, с. 170], что Моджевский (и Базылик вслед) отделяет плебс от граждан (*privati* в тексте оригинала), к тому же пишет о несвободе плебса. Стоит заметить, что К. Базылик зачастую стремится сохранить двойственность формулировок автора: так, когда А. Ф. Моджевский говорит о занятии властных постов простолюдинами [6, с. 110], он пишет о зависимости рабов (ориг. *servi*, пер. *niewolnicy*) и крестьян (ориг. *coloni*, пер. *kmiety*) от господ, хотя, казалось бы, должен говорить о простолюдинах в широком смысле, включая в понятие большой пласт неблагородного, лично свободного населения – т.е. тех, кто как раз и способен составлять конкуренцию шляхте в занятии определённых должностей. В таком случае уместно было бы рассуждать именно о лично свободных гражданах, но поскольку А. Ф. Моджевский начинает параграф с рассуждения о лично зависимом населении, К. Базылик переводит здесь *plebs* не как «хлопство», а как «простой люд» [7, с. 184], сохраняя тем самым двойственность формулировки: ведь, по сути, и кмет, и зажиточный горожанин в равной степени являются простолюдинами. Такая внимательность к деталям наводит на мысль о том, что К. Базылик относился к переводу с большой тщательностью. В свете этого нужно признать, что стремление переводчика актуализировать памфлет было осознанным, преднамеренным.

К. Базылик не ставит разницы между латиноязычным «*respublica*» и польскоязычной калькой «*rzeczpospolita*», употребляя последнее во всех эпи-

зодах, где А. Ф. Моджевский рассуждает о республиканском строе отвлечённо. Однако К. Базылик также употребляет это понятие всякий раз, когда подразумевает конкретную республику – Польско-Литовское содружество. В тексте оригинала конкретизация либо отсутствует (Моджевский пишет о некой *res publica*), либо отсутствует даже сам оборот, указывающий на объект. Примечательно и то, что К. Базылик совсем не использует понятие «*respublica*», хотя как синоним слову «*rzeczpospolita*» (без привязки к собственно Речи Посполитой) оно стало широко использоваться начиная со второй половины XV в. [10, с. 73]. Вероятно, в стремлении перевести понятие играет роль то, что К. Базылик осуществлял перевод «*De republica emendanda*» спустя всего несколько лет после подписания Люблинской унии. После 1569 г. в делопроизводстве логичным образом увеличивается частота употребления понятия «*Rzeczpospolita*» (а также схожих и производных; [10, с. 68]). Можно предположить, что Люблинская уния повлияла на положение понятия «*rzeczpospolita*» как синонима латинскому аналогу, сделав его более предпочтительным к употреблению. Таким образом, переведённый на польский язык трактат А. Ф. Моджевского интересен с точки зрения эпистемологического анализа как свидетельство и середины XVI в., и 70-х гг. XVI в.

В ряде эпизодов мы можем упрекнуть К. Базылика в «украшательстве», в обогащении художественной палитры оригинального текста. Рассмотрим это на примере одного из сюжетов, где А. Ф. Моджевский рассуждает о республиках прошлого, об их преимуществах перед республиками настоящего (не до конца, впрочем, понятно, какие политические образования середины XVI в. служат для автора образчиками какого бы то ни было республиканства). Несколько строк К. Базылик переводит следующим образом: «Было время, когда те, кто правил, были либо Философами, либо Пророками, и, неоспоримо, что тогда Республика бывала очень хорошо осуществляема. Теперь же много стало звериных Господ, которым нет до того дела, и привнесено в Законы много извращений, и в республиках (польск. «*w rzeczach pospolitych*») много ошибок и беспорядков находится» [7, с. 17]. В то же время текст оригинала содержит ряд отличий: «Было время... Республика бывала очень хорошо управляема, очищена была... теперь многие лидеры (лат. «*prīncipēs*») никакие ворота узкие не расширяют, по этой причине законы многие исказили, и во всех частях республики беззакония многие существуют» [6, с. 29]. Как можно заметить, две версии приведенного здесь небольшого эпизода значительно отличаются. По малопонятным причинам К. Базылик оригинальных «принципов» заменил на «звериных господ» («*zwierzny panu*»); вероятно, это можно списать на упомянутое желание переводчика украсить текст выражениями богатства старопольского языка. Также явная эмоциональная нагрузка такого перевода позволяет нам говорить о

склонности Базылика делать акценты на социальных характеристиках. Базылик зачастую прибегает к такого рода стилистическим усилениям, находя в польском языке неочевидные аналогии латинских выражений.

При более пристальном анализе вербальных предпочтений Базылика-переводчика становится ясно, что поправки текста оригинала не ограничиваются стилистическими корректировками. Строку «во всех частях республики беззакония многие существуют» (ориг. *in Resp. partibus omnibus vitia multa exstant*) К. Базылик меняет на более нейтральную по смыслу «в республиках много ошибок и беспорядков находится» (ориг. *wiele się błędów i nieządów znajduje*). Поскольку А. Ф. Моджевский употребляет сокращение *Resp.*, чтобы понять, в каком падеже и числе автор употребляет это слово, нужно ориентироваться по контексту. Данный эпизод [6, с. 29] – один из тех, где Моджевский говорит в большей степени о проблемах Польши, нежели отвлечённо о неких «республиках». Однако К. Базылик невзирая на это, переводит понятие во множественном числе, сглаживая формулировку публициста. Таким образом, мы видим, что когда переводчику это выгодно, он стремится экстраполировать утверждения А. Ф. Моджевского, а когда нет – то, напротив, мы можем наблюдать обобщение как в вышеуказанном эпизоде.

Приведенный, на наш взгляд, достаточно репрезентативный пример, позволяет сделать определенные выводы о стиле К. Базылика в переложении текста вообще. Таким образом, подытоживая вышеприведённые доводы, мы вполне можем заключить, что роль Базылика – не как переводчика, а как редактора памфлета – мотивирована, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, стремлением актуализировать проблемы, поднимаемые А. Ф. Моджевским в его произведении; во-вторых, стремлением, что называется, «сгладить углы» или, напротив, подчеркнуть что-то, эмоционально окрасить. Последний фактор имеет скорее всего политическую подоплёку (памятуя о принадлежности К. Базылика к оппозиционно-протестантскому лагерю) и заслуживает отдельного исследования. В рамках данной статьи мы лишь обозначили проблему значимости перевода такого хрестоматийного для любого полониста трактата, как «De republica emendanda». В перспективе требуется более глубокая, детальная научная критика перевода

этого источника, которая позволит исследователям как яснее понять наследие А. Ф. Моджевского, так и нивелировать (а что важнее – препарировать, использовать для репрезентации образа Речи Посполитой 70-х гг. XVI в.) вклад К. Базылика в оригинальное произведение публициста.

Список литературы:

1. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. — М.: Флинта: МПСИ, 2006. — 416 с.
2. Новик В. М. Трактат Андрея Фрыча Моджевского «Об исправлении государства»: герменевтический аспект // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2015. № 1. С. 58-62.
3. Bibliografia literatury polskiej "Nowy Korbut". T.2: Piśmiennictwo staropolskie. Hasła osobowe: A-M / Institut badań literackich Polskiej Akademii nauk ; Oprac.: Roman Pollak . – Warszawa: Państw. Inst. Wydaw., 1964 . – 551 s.
4. Kosińska M. Cyprian Bazylik / Polskie Centrum Informacji Muzycznej, Związek Kompozytorów Polskich. 2006. URL: <https://culture.pl/pl/tworca/cyprian-bazylik> (дата последнего посещения: 02.02.2019).
5. Mężyński K. A. Frycza Modrzewskiego "De Republica emendanda" a cenzura Kościelna / Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. 43/1-2, 1952. — S. 171–193.
6. Modreuij A. F. Commentariorum de Republica emendanda: Libri quinque: Quorum Primvs, De Moribvs, Secvndvs, De Legibvs, Tertivs, De Bello, Qvartvs, De Ecclesia, Qvintvs, De Schola / Oporinus. Basileae, 1554.
7. Modrzewski A. F. O poprawie Rzeczypospolitej / Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego. Przemyśl, 1857. — 360 s.
8. Polski Słownik Biograficzny. T. 1. / pod red. S. Kota. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1935.
9. Polski słownik biograficzny. T. XXX. / pod red. E. Rostworowski. Polska Akademia Umiejętności, Instytut Historii. Wrocław, 1987.
10. Polszczyzna i inne języki. Materiały z seminarium naukowego poświęconego pamięci doc. dr. hab. Józefa Reczka / red. A. Bochnakowa, L. Bednarczuk, J. Waniakowa. Wydanie I. Kraków, 2009.

ESSENCE AND HISTORICAL PRECONDITIONS OF THE IMPACT OF THE SEMIROCHEN
REGION ON THE DEVELOPMENT OF THE KYRGYZ SOCIETY

Kadyrova A.A.

Ошский технологический университет,
кафедра «Общественных наук»СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВЛИЯНИЕ СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
НА РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКОГО ОБЩЕСТВО

Annotation. This article is devoted to historical issues. The article analyzes the historical background of the influence of the Semirechensk region on the development of the Kyrgyz society.

Аннотация. Данная статья посвящается к исторической проблематике. В статье анализируются исторические предпосылки влияние Семиреченской области на развития Кыргызского общества.

Ключевые слова: семиреченская область, Восточная Азия, культура, кыргызы, самовольны, история.
Key words: semirechensk region, East Asia, culture, kyrgyz, self-willed, history.

В истории Семиреченской области лежат великие пути переселения народов. Арийские, тюрко-монгольское кочевые народы, двигавшиеся из Восточной Азии и постепенно наполнившие Западную Азию и Европу, все проходили через Семиречье, и каждый из них оставался здесь более и менее продолжительная время, пока его не вытесняла далее на запад новая волна восточных народов.

Со II столетия до рождения Христова об этой смене народов, владевших Семиречье, имеются более или менее непрерывные сведения в китайских летописях, к котором значительно поздние присоединяются персидские и арабские источники [1,2]

Относительное богатство сведений о ранней истории Семиречья объясняется его географическим положением: страна эта находилась в сфере влияния двух древнейших культур – с юго-востока китайской и с юго-запада арабской. Китаичам приходилось выдерживать натиск кочевников с севера. От них отгородился Китай великой стеной. Но стена, конечно, и в седло старину плохо помогала, - приходилось воевать с кочевыми народами и поддерживать с ними мирные торговые и политические отношения. Семиречье и было предельную областью на северо-запад, до которой доходили китаичи. На юге и юго-западе от Семиречья, на месте нынешнего китайского и русского Туркестана лежал Мавереннахр – страна также искони культурная. Отсюда пришли в Семиречье земледелия, городская жизнь с ремеслами и торговлей, письменность, сперва Сирийская, а затем вытеснившая ее арабская, мусульманская религия, арабская архитектура и т. д. Укрепление в Семиречье арабской культуры, тогда как влияние китайской осталась моно защитным, объясняется не только близостью центров первой и отдаленностью Китая, но и тем, что Мавереннахр постепенно заселяли тюркская племена, родственные кочевниками Семиречья. И начиная с XV столетия, Китаичи могли владеть этим краем только политически, культурно он уже принадлежал мусульманскому западу. Не излагая

здесь истории сменив Семиречье тюркских и монгольских народов, укажем только, что когда в XVI – XVII столетиях образовывалась последняя кочевая Империя Джунгарская, (калмыки), то в горах и степях Семиречья кочевали уже нынешние обитатели его «казаки» (киргизы) и каракиргизы. Казацкие роды – конгломератного тюрко-монгольского происхождения и ведут свое начало от разных весьма древних племен, населявших Семиречье. Каракиргизы – более чистые тюрки – приходили в Семиречье с верховьев Енисея начиная с X столетия до XVII. Киргиз-казаки в значительной своей части были вынесены из Семиречья калмыками, отсюда киргизы распространились по соседними областями нынешней Сыр-Дарынской, Ферганской, Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской: но когда в середине XVIII столетия Джунгарское царство была уничтожено китаичами, киргизы опять стали кочевать в Семиречье, номинально приняв китайское подданство. [3]

Таким образом, 1867 год является датой начало самостоятельного административного существования Семиреченской области. В том же году девятый и десятые Сибирские казачьи полки были переименованы в Семиреченское казачье войско, наказанным Атаманом которого назначен военный губернатор. Он же поставлен во главе гражданского управления области. Туземцы с самого начало области управляются по «Степному Положению» которое до 1891 года именовалось временным.

В 1868 году первый военный губернатор Семиреченской области Колпаковский предпринял экспедицию в Нарынский край, соседний с Ферганой (южная часть нынешнего Пишпекского и Пржевальского уездов) и присоединении его к области. 1871 году была занята долина. Или, в нынешнем Джаркентском уезд и Кульджинский край.

В 1882-1884 годах водворились в Семиреченской области, Кульджинских выходцы, таранчи и

дунгане, не пожелавшие, с возвращением Кульджинского края Китайцами, оставаться в их подданстве. Таранчи образовали ряд оседлых поселений по долине реки. Или – нынешние волости: Аккентская, Джаркентно-Таранчинская, Кетменская, Аксу-Чарынская, Малыбаевская, Карамская и Карасуйская. Дунгане поселились в г. Джаркенте, Верном и образовали селение Александровское и Николаевское в Пишпекском уезде еще раньше в 1870 годах, дунгане переселились из Кашкара в пределы Пржевальского уезда образовав здесь селение Моринское. [4,5]

Как указывалось уже выше, многие из «Горожан» Семиречья занимаются сельским хозяйством. Эти городские хозяйства служат лучшим пользователем того сельскохозяйственного прогресса, на который может рассчитывать область при условии введение частной собственности. Здесь встречаются отличные фруктовые сады, разводятся хлопок и люцерна, целые роща дровяного и строевого леса. Примером садового хозяйства, может служить усадьба бывшего уездного начальника Заминщикова в г. Пишпек, пользующаяся известностью в области. Здесь разводятся лучшие сорта Французских груш, отличный виноград, персики и абрикосы. Другой пример: сарт Хакимбай Исамбаев на своей земле в верхней части Чуйской долины в течение 13 лет культивирован хлопок с весьма удовлетворительным урожаем от 60 до 100 пудов. В усадьбе Терентьева в г. Пишпек культивируется в весьма значительных хмеле и выращивается строевой лес. Роща из карагача при выезде в г. Пишпек и городской сад его могут служить примерами удачных искусственных насаждений леса. [2,4]

У киргизов необходимо различать земли обособленного пользования отдельных групп хозяйств, образующих собою род общин, иногда нескольких волостей и даже уездов. В основе группировки киргизских хозяйств до сих пор лежит родовое начало: в «общину» соединяются, обыкновенно, кровные родственники. Однако, с земельным утеснением, которое киргизы начали ощущать вследствие, с одной стороны, естественного роста населения, с другой – вследствие извятий для русской колонизации, кровная связь одно общинников все чаще нарушается принципом «соседства». Вместе с тем родовая общинно постепенно переходит в земельную, с все более ясными и строго соблюденными границами. [5]

Такая киргизская группа и община, с обособленным от других групп землепользованием, не всегда совпадает с аульным и волостным обществом, установленным в законе. Но, конечно требование областной администрации определить земельные границы отдельных волостей и аулов ведет к тому, что переименование земельных и административных границ постепенно исчезает, и эти границы постепенно сливаются. [3,4]

Как показывают вышеприведенные цифры более 6/7 (87%) всей территории Семиреченской области, за исключением сплошных неудобных пространств, находится ещё в пользовании киргиз,

и только 13% всей площади находится ещё в пользовании оседлого населения или в пользовании казны. Однако, оценивая эти соотношения, не следует упускать из виду, что изъяты у киргиз, но преимуществу, земли культурные или пригодные для культуры без особо дорогих мелиораций, в использовании же киргиз остались, преимущественно, полупустынные степные пространство и горы. [6]

Главнейшие этнографические группы населения области – киргизы, таранчи, дунгане и русские могут быть объединены в одну оседлую группу населения, в противоположность кочевникам – киргизам.

По общественному строю, образу жизни и хозяйству киргизы, в своей массе, до сих пор является пошадями, и прекращение ими кочевний происходит не столько под влиянием культурного развития, сколько в силу объединения скотом, что у киргиз почти всегда равносильно объединению вообще: у киргиз «джатак» оседлый – синоним бедняка. Это не значит, однако, что киргизы не доступны культурным влияниям и не обнаруживают признаков хозяйственного развития. Но, во-первых, совершается оно в современном Семиречье, отрезанном от культурного мира многими сотнями верст, бездорожья, крайне медленно: во-вторых сама природа этого края, как это отмечалось, выше, способствует сохранению перекочевкою, если не людей, то скота. И у Семиреченских киргиз наблюдается земледелие и введение в хозяйство улучшенной техники, а в домашний быт культурных удобств при сохранении кочеваний. У богатого киргиза, иногда вы найдете окруженный садом «русский дом» и в нем обычные предметы, мещанского достатка: железную кровать, венские стулья, на стене – зеркало, часы и т. д. но живет он все же в юрте и отдыхает только на горном джайлау. [5,7]

Таранчи, дунгане и русские – искони оседлые. Но история положила свою характерную печать на хозяйство каждой из этих групп населения.

Нижеследующая хозяйственная характеристика указанных четырех групп населения сделала на основании данных сплошного исследования, произведенного в 1909-1913 гг. статической партией Переселенческого Правления под руководством П. П. Румянцева. Данные по Семиреченской области сопоставляются, отчасти, с данными по соседними Ауле-Атинскому и Черняевскому (Шимкентскому) уездам. Сыр-Дарынской области, заимствованными также из статических материалов переселенческого Управления (исследования П. А. Скрылева и В. И. Юферева). На основании данных сплошной подворной переписи хозяйств, главнейшие хозяйственные признаки отдельных групп населения выражаются в следующих средних. [7]

В заключении хочется отметить, что Семиреченская область влиятельно повлияло на развития киргизского общества в целом. Мы приходим к выводу, что, несмотря, на то, что экстенсивность и примитивность составляет общие черты земледельческого хозяйства у всех народностей Семиречья, есть у каждой национальной группы населения

свои особенности в том числе у кыргызов. У Кыргызов следовало ожидать главный источник прихода служит скотоводство, значительно меньшую роль играет земледелие.

Поэтому города и селения Семиречья как вообще Туркестана, издали кажутся земельными оазисами серо-бурой пустыни. Но, конечно, в основе лесопосадения лежать не эстетические, а экономические мотивы. Дерево очень ценило в Туркестане, предприимчивые люди засаживают целые десятины рощами из тополя, тала, карагача, и такие лесные плантации через 1 год дают доход едва-ли набольший, чем любая другая культура. Наиболее крупные насаждение встречаются у киргизов, затем

у русских, меньше по размерам сады у дунгане и таранчей.

Список использованной литературы:

1. История кыргызской ССР, 1990, №7
2. Плоских В., Мокрынин В., История кыргызов и Кыргызстана, 2007, №9
3. Газиев А. На берегах Яксарта, Ф., 1990
4. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы, М., 1992
5. Бартольд В.В. Кыргыз, Б., 2001
6. Доронбекова История кыргызов и Кыргызстана, Б. 1993
7. Осмонов Дж. История Кыргызстана Б. 2003

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК: 530.083+001.94

Ostroukhov N.N.,
PhD, Associate Professor,
Belyaeva Y.A.
PhD, Associate Professor

ABOUT THE POSSIBILITY OF NATURAL-SCIENTIFIC DESCRIPTIONS OF CIVILIZATION

Остроухов Н.Н.
канд. физ.-мат. наук, доцент,
Беляева Ю.А.
канд. техн. наук, доцент

О ВОЗМОЖНОСТИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ОПИСАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. В продолжение предыдущих работ авторов в статье сформулирована парадигма и предложена модель эволюции цивилизации как естественного процесса самодостаточного развития двух взаимосвязанных и взаимообусловленных ее составляющих – антропологической и антропогенной с звеном обратной связи, каким является система образования. Показано, что движущей силой саморазвития цивилизации являются действия субъектов цивилизации в рамках цивилизационного информационно-технологического взаимодействия с окружающим миром, инициируемого и управляемого головным мозгом субъектов.

Summary: In continuation of the previous works of the authors, the article formulates a paradigm and proposes a model of the evolution of civilization as a natural process of self – sufficient development of two interrelated and interdependent components of it-anthropological and anthropogenic with a link of feedback, what is the education system. It is shown that the driving force of self-development of civilization are the actions of the subjects of civilization in the framework of civilizational information and technological interaction with the outside world, initiated and controlled by the brain of the subjects.

Ключевые слова: цивилизация, антропологическая и антропогенная составляющие, субъекты цивилизации, цивилизационное информационно-технологическое взаимодействие (ЦИТВ), параметр интенсивности ЦИТВ (ИЦИТВ), функция распределения субъектов цивилизации по параметру ИЦИТВ, парадигма саморазвития, система образования.

Keywords: civilization, anthropological and anthropogenic components, the subjects of civilization, civilizational information-technological interaction (CITI), the parameter CITIintensity–ICITI, the distribution function, the social and psychological structure of society, social justice, distribution function of the subjects of civilization at the option of ICITI, paradigm of self-development, education system.

Введение

Описанием истории и деятельности человечества занимается множество дисциплин, которые по-прежнему называют науками: история, социология, философия, различные варианты экономических учений и психологии и т.д. Кроме того, большинство религиозных течений явно или завуалированно проповедуют оптимальный с их точки зрения образ жизни и деятельности людей.

Существенно, что внутри каждой из названных дисциплин существуют различные школы, часто не просто не согласующиеся между собой, но, иногда, откровенно взаимно враждебные.

К настоящему времени по проблемам жизни и деятельности человечества накоплен необозримый количественно и принципиально несистематизируемый качественно массив крайне субъективных и, как правило, эмоциональных авторских сочинений.

Субъективность и бессистемность этого массива проще всего объясняется тем, что все авторы гуманитарных концепций описывают не реальный объект – человечество, а сугубо виртуальный – собственное представление о человечестве. Вполне

убедительные свидетельства правоты сформулированного утверждения представляют дискуссии «гуманитариев» с представителями естественных наук. Например, Ф. Гегель, спустя 70 лет после смерти И. Ньютона, экспериментально открывшего явление дисперсии света, «опровергал» возможность этого явления тем, что «известно, что цвет темнее света» [1, с.113]. В данном случае Гегель абсолютизируя собственный тезис «всё разумное – действительно» считает правомерным сопоставление на равных физически существующий объект – свет (электромагнитное излучение) и возникающее только в сознании человека, наблюдающего свет, восприятие одного из свойств одной из составляющих этого света («цвет»), физически принципиально не существующий. «Младогегельянец» Ф. Энгельс, чрезвычайно высоко оценивающий сформулированные Гегелем (для дискуссии, рассуждения) так называемые законы диалектики без какой-либо аргументации объявил их справедливыми для реальных природных явлений, материального мира и, уверовав в собственную непогрешимость, стал изыскивать примеры «закона» некоего всеобщего

отталкивания, парного и противоположного, по его мнению, закону всемирного тяготения, открытого Ньютоном, пренебрежительного личного отношения к которому не скрывал.

В этом же ряду находится и «гениальное определение понятия «материи» Ленина через противопоставление её (материи) сознанию. Последнее же по их (марксистов) утверждению есть свойство высокоорганизованной материи. Получается, что объект определяется по его отношению к его же отдельному свойству.

Таким образом, даже природные явления, гуманитарии, которыми безусловно, являются и Гегель и Энгельс, описывают на основе лишь собственных представлений и устанавливают для этих описаний собственные нормы и правила.

Подобное положение в принципе невозможно в естествознании, где условно говоря, начиная с Галилея, неукоснительно (под угрозой обструкции) соблюдается неформальный и может быть даже негласный консенсус по проблеме признания научности, а именно: каждый результат, предлагаемый в качестве нового независимо от личности автора должен отвечать требованиям:

- описание условий получения результата должно быть достаточным для воспроизведения (как теоретически, так и экспериментально) независимым исследователем;
- результат должен согласовываться с массивом данных, накопленных в соответствующей области знания и признанных сообществом;
- если предлагается качественно новая гипотеза, должны быть сформулированы способы её проверки.

Строгое соблюдение описанной нормы исключает возможность появления несовпадающих параллельных гипотез, описывающих и изучающих один и тот же объект. Поэтому в естествознании физика – это физика, а в философии есть философия по Платону, Демократу, Гегелю, ... и «несть им числа», что на практике следует воспринимать как отсутствие философии как таковой.

Современное естествознание является строго упорядоченной целостной системой, продолжающей непрерывно развиваться. На этом фоне разноголосица «общественных наук» в описании человечества представляется аномалией, особенно с учетом того, что речь идет об отдельной составляющей естественной системы – цивилизации, системы, реально (физически) существующей и наблюдаемой, т.е. доступной для наблюдения, в том числе сторонними наблюдателями. Физическое (материальное) существование и наблюдаемость составляют необходимое и достаточное условие для изучения объекта естественнонаучными методами, т.е. на основе количественного анализа измеряемых параметров объекта.

Повседневная активность масс субъектов цивилизации, действующих для стороннего наблюдателя независимо друг от друга (хаотически, "по собственной воле") может создавать впечатление, что

в упорядочении этой активности и состоит сущность управления цивилизацией. Однако, очевидно, что такое упорядочение не может выражаться через измеряемые физические параметры.

Не исключено, что именно отсутствие сравнительно очевидных физических свойств и параметров, характеризующих состояние и эволюцию цивилизации, является важнейшей причиной неприменимости вплоть до настоящего времени естественнонаучного подхода к изучению и описанию цивилизации.

Таким образом, установление фундаментального свойства цивилизации, как системы, и определяющего измеряемого физического параметра, характеризующего состояние и эволюцию цивилизации составляет необходимый первый этап для разработки естественнонаучного подхода к изучению цивилизации.

1. Информационно-технологическая деятельность, иницируемая и управляемая головным мозгом субъектов цивилизации, – фундаментальный отличительный признак цивилизации как системы

Цивилизация отличается от других, сравнимых с ней по масштабу систем – физической и биологической, присущей только ей формой взаимодействия с окружающим миром, а именно деятельностью по целенаправленному информационно-технологическому преобразованию элементов окружающего мира. В свою очередь, важнейшей особенностью этой деятельности является то, что она иницируется и управляется головным мозгом (cerebrum) отдельных субъектов цивилизации или их объединениями различных масштабов. Именно эта особенность описанной деятельности обуславливает ее принадлежность исключительно цивилизации.

Существенно, что элементы окружающего мира, преобразованные в процессе описанной деятельности, становятся элементами цивилизации. Образно говоря, «переходят» из окружающего мира в цивилизацию. Эти преобразованные элементы образуют *антропогенную* составляющую цивилизации, а сами субъекты цивилизации – *антропологическую*. Совокупность указанных особенностей описываемой деятельности, по мнению авторов, дает основание считать ей особой формой межсистемного взаимодействия, а именно Цивилизационным Информационно-технологическим Взаимодействием (ЦИТВ).

В физической и биологической системах ЦИТВ принципиально невозможно. В физических системах взаимодействие отдельных объектов является реакцией на внешнее воздействие, всегда однозначно, поскольку определяется, в конечном счете, законами сохранения.

В биологической системе взаимодействие отдельного живого организма в каждый момент его биологического времени однозначно определено жестко детерминированной программой механизма наследственности.

В силу описанных качеств ЦИТВ, можно допустить, что именно его анализ должен составить основу естественнонаучного исследования цивилизации.

Корректное естественнонаучное описание новой формы взаимодействия требует введения нового определяющего измеряемого физического параметра, что хорошо известно из истории науки. Для описания открытого гравитационного взаимодействия (закон всемирного тяготения) потребовалось введение ранее неиспользуемого параметра «гравитационная масса», идентичность которой массе инерционной теоретически не доказана вплоть до настоящего времени. Для описания электромагнитного взаимодействия понадобилось ввести ранее неизвестные параметры электрических зарядов и напряженности магнитного поля. Сложность (скорее неочевидность) введения параметра, количественно характеризующего ЦИТВ, в том, что в это взаимодействие в цивилизационной структуре любого масштаба вовлечено большое число субъектов цивилизации, которые (для стороннего наблюдателя) действуют спонтанно («по собственному разумению») и, как представляется, что хаотически. Возможно именно сочетание неочевидности параметра, количественно характеризующего ЦИТВ, при определенной обыденности действий субъектов цивилизации в рамках ЦИТВ и их внешней хаотичности являются одной из причин нераспространения естествознания на изучение абсолютно естественной системы – цивилизации.

Помимо описанных, необходимо учитывать еще одну особенность ЦИТВ, осложняющую его количественное описание. И в физической, и в биологической системах действие или реакция отдельного элемента или организма на внешнее воздействие приводит к однозначному, заранее известному результату, определяемому или физическими законами, или жестко детерминированной программой механизма наследственности, то есть в физической и биологической системах существует взаимнооднозначное соответствие «текущее действие – результат». В цивилизационных структурах такого соответствия нет. Действительно, действия субъектов цивилизации в рамках ЦИТВ инициируются и выполняются по программам и алгоритмам головного мозга субъектов в режиме реального времени, причем выполнимость задачи, сформулированной субъектом в качестве цели выполняемого действия, ничем не гарантируется, так что всегда существует вероятность недостижимости цели уже выполненного действия. В связи с изложенным, представляется обоснованным для количественного описания ЦИТВ учитывать только действия, в результате которых поставленная цель достигается, то есть считать «по выходу», а не «по затратам».

Для количественной характеристики ЦИТВ в настоящей работе предложен многокомпонентный параметр (псевдовектор – Интенсивность Цивилизационного Информационно-Технологического Взаимодействия (ИЦИТВ) субъекта цивилизации и цивилизации в целом с окружающим миром. Для

отдельного i -го субъекта цивилизации ИЦИТВ ε_i^j имеет вид:

$$|\varepsilon_i^j| = \begin{pmatrix} \varepsilon_i^1 \\ \varepsilon_i^2 \\ \vdots \\ \varepsilon_i^j \\ \vdots \\ \varepsilon_i^k \end{pmatrix}, \quad (1)$$

Отдельные компоненты ε_i^j здесь по смыслу близки к производительности труда i -го субъекта цивилизации в j -ой области деятельности, k – число действий, выполняемых субъектом в рамках ЦИТВ, имеющих несовпадающие размерности.

Достаточно очевидно, что элементы антропогенной составляющей создаются для повышения способности субъектов цивилизации к ЦИТВ. Поэтому параметр ИЦИТВ (1) может быть задан для двух вариантов выполнения ЦИТВ, а именно – без использования элементов антропогенной составляющей («вручную») – $|\varepsilon_i^j|_h$ и с их использованием – $|\varepsilon_i^j|_{ht}$. Понятно, что все $|\varepsilon_i^j|_{ht}$ компоненты должны существенно превышать свои аналогов $|\varepsilon_i^j|_h$.

2. Мгновенное состояние цивилизации

Мгновенному состоянию цивилизации можно поставить в соответствие два интегральных параметра, а именно, характеризующие производительные силы цивилизации $|E^j|_h$ или $|E^j|_{ht}$ и совокупный цивилизационный капитал – П. Каждый компонент параметра производительных сил есть сумма соответствующих компонент субъектов цивилиза-

ции, т.е. $E^j = \sum_{i=1}^N \varepsilon_i^j$ с индексами h или ht .

Наряду с интегральным параметром ИЦИТВ показателем и удельный (пересчитанный на среднего субъекта цивилизации) параметр

$$|e^j| = \frac{1}{N} |E^j| = \frac{1}{N} \left| \sum_{i=1}^N \varepsilon_i^j \right|.$$

Совокупный цивилизационный капитал общества (СЦП) – накопленный цивилизацией за всё время её эволюции продукт цивилизационной деятельности, т.е. полностью антропогенная составляющая цивилизации π_{tech} плюс массивы накопленных ею информации π_{inf} и произведений искусства π_{art} , а также часть внешнего мира, используемая в цивилизационной деятельности π_{geo} .

$$P = \begin{vmatrix} \pi_{\text{tech}} \\ \pi_{\text{inf}} \\ \pi_{\text{art}} \\ \pi_{\text{geo}} \end{vmatrix} \quad (2)$$

При определении размерности входящих составляющих необходимо учитывать износ на момент времени t , в частности трудозатраты π_{tech} – в Дж, кВт·ч либо денежном выражении; π_{inf} – в битах. π_{art} также выражается в денежном эквиваленте, причем культурная и историческая ценность этой составляющей со временем будет только расти (растритетные предметы культуры и искусства). π_{geo} – трудозатраты на освоение и собственная цена природных ресурсов, которые определяются экономическим эффектом от их использования, безотносительно к прошлым затратам на освоение этих ресурсов.

3. Парадигма эволюции (саморазвития) цивилизации

Каждое действие каждого субъекта цивилизации изменяют состояние последней, поскольку, во-первых, субъекты, действующие в рамках ЦИТВ, совершенствуют свою квалификацию, а, во-вторых, в результате ЦИТВ происходит непрерывное наращивание антропогенной составляющей. Таким образом, любая реально функционирующая цивилизация является принципиально нестационарной и неравновесной системой, в которой подвод извне вещества, энергии и информации заведомо превышает их потери. Поэтому функционирующая цивилизация принципиально недиссипативная система. Совокупность перечисленных свойств цивилизации качественно отличает ее от других известных глобальных систем – физической (систем неживых объектов) и биологической (совокупности живых организмов). Вследствие даже частичной независимости действий субъектов цивилизации в рамках их ЦИТВ число степеней свободы цивилизации оказывается неизмеримо большим по сравнению с физическими, и с биологическими системами. Этот факт сугубо качественно можно сформировать (выразить) как то, что цивилизация значительно сложнее физических и биологических систем. Важнейшим следствием из сказанного является абсолютная бессмысленность попыток моделирования цивилизации, базируясь на физических или биологических объектах и системах.

В частности, из недиссипативности цивилизации следует неприменимость к ней положений синергетики [2-4], построенной по результатам наблюдений диссипативных систем неживой природы, которые будучи выведены из состояния равновесия, возвращаются в него, проходя квазистационарные состояния – аттракторы [2-4].

Возвращаясь к указанному выше влиянию ЦИТВ на антропологическую (совершенствование ИЦИТВ) и на антропогенную (количественный

рост и качественное совершенствование) составляющих цивилизации, можно сформулировать сущность эволюции (саморазвития) цивилизации: в результате ЦИТВ субъектов цивилизации происходит взаимосвязанное и взаимообусловленное развитие антропологической и антропогенной составляющих, причем связующим звеном между ними (обратной связью) является, присущее только цивилизации, система образования.

В целом описанный процесс эволюции цивилизации представляет собой следующую совокупность явлений:

- субъекты цивилизации (антропологическая составляющая) в процессе ЦИТВ создают элементы антропогенной составляющей, т.е. увеличивают и совершенствуют антропогенную составляющую.

- в процессе ЦИТВ субъекты цивилизации повышают свой ИЦИТВ, что соответствует «положительному» развитию антропологической составляющей.

- каждое новое поколение субъектов цивилизации для того, чтобы реально использовать созданную до него антропогенную составляющую, должно проходить обучение, поскольку на генном уровне эта способность не передается. Здесь важно принципиальное отличие цивилизации от биологических систем, где генетически передается весь объем «знаний» и способностей, обеспечивающий жизнедеятельность особи отдельного биологического вида.

Происхождение одновременно и непрерывно и затрагивающие все элементы цивилизации указанные явления составляют процесс эволюции (саморазвития) цивилизации как целостной информационно-технологической системы.

Для самой цивилизации указанные процессы являются внутренними. Для внешнего наблюдателя эволюция цивилизации как целого представляется ее непрерывным ростом по большому числу параметров и в том числе: расширении в геометрическом пространстве вследствие вовлечения в нее новых областей окружающего мира, ростом объема накопленной и преобразованной информации, а также вследствие непрерывного подвода в цивилизацию вещества, энергии и информации из внешнего мира. Такая непрерывная и не имеющая видимых ограничений экспансия цивилизации в окружающий мир при одновременном возрастании плотности информации и энергии внутри принципиально не совместима со свойствами диссипативных систем, к которым пытаются приобщить цивилизацию сторонники распространения на нее положений синергетики [2-4].

Движущей материальной (физической) силой эволюции цивилизации является совокупное ЦИТВ всех субъектов цивилизации, инициируемое и управляемое головным мозгом (cerebrum) отдельных субъектов, т.е. специфической распределенной управляющей системой.

Никакие другие известные системы не обладают таким сложным взаимодействием с окружающим миром и такой сложной разветвленной системы саморегуляции. Поэтому попытки моделирования цивилизации по аналогии несравнимо простейших с ней физической или биологической системами попросту бессмысленны.

Для физических систем в качестве фундаментальных свойств («первых принципов») приняты известные положения о том, что все формы взаимодействия физических объектов есть комбинация четырех фундаментальных взаимодействий – гравитационное, электромагнитное и слабое и сильное ядерное, а также то, что изолированная физическая система подчиняется второму началу термодинамики, то есть в состоянии равновесия ее энтропия достигает максимума.

Цивилизационные системы, обладая в определенной степени теми же свойствами, что физические, биологические, кардинально отличаются от них формой взаимодействия с окружающим миром, а именно – цивилизационным информационно-технологическим взаимодействием (ЦИТВ), осуществляющегося по алгоритму иницируемого и управляемого головным мозгом (cerebrum) субъектов цивилизации (в случае земной цивилизации – человека).

В иницировании и управлении ЦИТВ головным мозгом субъектов цивилизации проявляется функционирование второй системы саморегуляции цивилизации (первой индивидуальной у человека как биологического объекта, является генетический механизм наследственности). В отличие от первой (индивидуальной у каждого субъекта – механизма наследственности) – детерминированной, вторая система функционирования по существу спонтанно, у каждого субъекта независимо от других. В терминах гуманитарных «наук» в этом проявляется «свобода воли» человека.

Ниже воспроизведена из [5] сопоставительная таблица свойств трех глобальных (планетарных) систем – физической, биологической и цивилизационной.

Какие-либо произвольные допущения о свойствах всех трех систем при составлении таблицы не использовались.

Таким образом, цивилизация является естественно принципиально нестационарной и неравновесной саморегулирующейся и саморазвивающейся (в значительной степени случайным образом) системой. Весьма существенно, что по мере эволюции (развития) цивилизации уменьшается ее зависимость от внешних ограничений (например, зависимость от ресурсов), поскольку в процессе развития цивилизация приспосабливает внешний мир под себя. В частности, интенсивность подвода в цивилизацию из окружающего мира вещества, энергии и информации в «нормальном» режиме функционирования цивилизации заведомо превышают их потери вследствие разного рода разрушительных процессов, происходящих в цивилизации.

Выводы

1. Обоснованы актуальность и необходимость перехода при описании и исследовании цивилизации к естественнонаучному подходу, т.е. исследованию на основе количественного анализа измеряемых величин, характеризующих основные отличительные свойства объекта, подходу, исключающему, в частности, мистику «божественного откровения», «единственно верного учения» и т.п. догмам, характерных для большинства гуманитарных концепций общества и цивилизации.

2. Показано, что основным отличительным признаком цивилизации, выделяющим ее из других систем сравнимых масштабов, является присущее только ей специфическое взаимодействие с окружающим миром – Цивилизационное Информационно-Технологическое Взаимодействие (ЦИТВ), заключающееся в целенаправленном преобразовании элементов окружающего мира и не связанное непосредственно с обеспечением физического (материального) жизнеобеспечения субъектов цивилизации. На основании этого цивилизация в работе рассматривается как самодостаточная и саморазвивающаяся информационно-технологическая система, естественная составляющая природы, отличная от других систем соизмеримых масштабов.

3. Для количественной характеристики ЦИТВ предложен многокомпонентный измеряемый параметр (квизивектор) интенсивности ЦИТВ i -го субъекта цивилизации – ε_i^j параметр ЦИТВ, отдельные компоненты которого близки к производительности труда i -го субъекта цивилизации в j -ой области деятельности.

Показано, что с использованием методов статистической физики через параметры ε_i^j можно выразить интегральные и удельные характеристики цивилизации в целом и сформулировать физическую сущность процесса ее эволюции как процесса саморазвития.

4. На принципиальном уровне сформулирована сущность парадигмы эволюции цивилизации как процесса саморазвития двух ее взаимосвязанных составляющих – антропологической (множество субъектов цивилизации, способных и участвующих в ЦИТВ) и антропогенной (все элементы окружающего мира, целенаправленно преобразованные в процессе ЦИТВ) при постоянном функционировании в качестве обратной связи между этими составляющими системы образования – системы, присущей исключительно цивилизации.

Показано, что ЦИТВ, являющееся физической (материальной) движущей силой саморазвития цивилизации, целиком и полностью управляется головным мозгом (cerebrum) как индивидуальных особей, т.е. цивилизация, помимо известной генетической субъектов цивилизации системы саморегуляции субъектов цивилизации, имеет вторую – распределенную систему самоуправления.

По мере развития внутреннего взаимодействия в цивилизации возникает постоянно усиливающееся

свое влияние система самоуправления 3-го общецивилизационного уровня.

5. Реализованный в работе подход основан на общепринятых в науке принципах, он открыт для публичного обсуждения, а модель цивилизации доступна для развития ее сторонними исследователями.

Литература:

1. Гулыга А.В. Гегель – М: Соратник, 1994
2. Пригожин И., Стенгерс Н. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 296 с. (Синергетика от прошлого к будущему).
3. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Эдиториал УРСС 2001. 288 с.
4. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Издательство ЛКИ, 2008, 240 с.
5. Остроухов Н.Н., Беляева Ю.А. Физическая теория цивилизаций. М.: Ленанд, 2017 г. 40 с.

Сводная сопоставительная таблица взаимосвязи строения больших сложных систем с законами их эволюции во времени (внутрисистемных и с внешним миром)

Строение системы	Основные законы взаимодействия	Закономерности эволюции	Граничные условия эволюции	Теоретические пределы изменения параметров при эволюции	Устойчивость эволюционной траектории	Системы саморегуляции	Системы обучения
Физические – системы объектов неживой природы, т.е. тел, имеющих атомно-молекулярную структуру	Четыре фундаментальных закона физических взаимодействий: - гравитационного; - электромагнитного; - сильного и слабого ядерных	Переход к устойчивому равновесному состоянию в соответствии со 2-м началом термодинамики	Интегральные законы сохранения: - энергии; - импульса; - момента импульса	Установление равновесия внутри системы с достижением максимума энтропии $S = S_{max}$ и равновесия с окружающей средой (равенство внешних и внутренних параметров $X_{in} = X_{ex}$)	Устойчивые. В отсутствие изменения внешних условий.	Отсутствует	Отсутствует
Биологические – системы живых организмов, включающие устойчивые популяции различных масштабов	То же, что у физических, плюс отдельные особенности, плюс элементы коллективного взаимодействия в подсистемах малых масштабов. В соответствии с жестко детерминированными программами саморегуляции каждый отдельный организм регулирует энерго- и массообмен с окружающей средой, полностью компенсируя диссипативные потери и обеспечивая развитие организма.	Реализация генетического кода отдельного биологического вида. Диссипативные потери на эволюцию не влияют	Воспроизводство особи отдельного биологического вида; истощение ресурсов ареала обитания	Распространение биологического вида на весь ареал обитания	Развитие отдельной особи по жестко детерминированной программе механизма наследственности. Эволюция биологического вида – крайне медленный процесс под влиянием изменяющихся условий окружающей среды	Жестко детерминированная программа генетического кода отдельной особи плюс приобретаемые в процессе развития рефлексы.	Самобучение особи при реализации генетической программы развития организма.
Цивилизационные – системы субъектов цивилизации, включающие изменяющиеся объединения (подсистемы) различного масштаба	То же, что у биологических, плюс ЦИТВ субъектов цивилизации по алгоритмам головного мозга, плюс коллективные ЦИТВ объединений субъектов цивилизации различного масштаба вплоть до общецивилизационного. Индивидуальные и коллективные ЦИТВ включают, помимо прочего, целенаправленный подвод в цивилизацию вещества, энергии и информации в объемах, не только компенсирующих их диссипативные потери, но и увеличивающие их количество в цивилизации.	То же, что у биологических, плюс совершенствование ЦИТВ объединений субъектов цивилизации всех уровней, расширение цивилизации в окружающей мир с подводом в цивилизацию и расширение цивилизации и вещества, энергии и информации и расширение пространства	Мгновенные, определяются уровнем развития ЦИТВ. На неопределенно большой срок нет оснований для установления ограничений для направлений и скоростей эволюции	В настоящее время спрогнозировать нельзя. По современному состоянию пределы связаны с возможностями головного мозга (сетевых) субъектов цивилизации формулировать новые задачи и алгоритмы их решения. Гипотетическое создание искусственного интеллекта, превосходящего сетевит, эквивалентно бесцельному развитию цивилизации.	Неустойчивые. Возможны скачкообразные ускорения по отдельным компонентам ИТ-взаимодействий и эволюция в результате приятия оппозитных решений вплоть до самоуничтожения.	Детерминированные программы физического функционирования субъектов цивилизации. Недетерминированные индивидуальные программы ЦИТВ субъектов цивилизации. По мере развития цивилизации возникает непрерывно усиливающийся коллективный общецивилизационный саморегулирующий – 3-й уровень саморегуляции с целенаправленными программами коллективных действий.	Самобучение субъекта как биологической особи при реализации программы биологического развития + непрерывно совершенствующаяся многоступенчатая система целенаправленного обучения сменяющихся поколений субъектов цивилизации, обеспечивающая эффективное использование обновляющейся антропогенной составляющей

Саморегулирующиеся (не диссипативные, саморазвивающиеся)

Диссипативные (не

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бурцева М.А.,

к.ф.н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета

Тарекегн М.Г.

ассистент кафедры иностранных языков для естественных и технических специальностей Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета

ГОТИЧЕСКИЕ КАНОНЫ В ТРИЛОГИИ К.СУДЗУКИ «ЗВОНОК»

Burtseva M.A.,

Candidate of sciences in Philology, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern Federal University

Tarekegn M.G.

Assistant of the Department of Foreign Languages for Natural and Technical Specialties of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies of the North-Eastern Federal University

GOTHIC CANONS IN TRILOGY OF K. SUDZUKI "RING"

Аннотация. В статье представлены результаты литературоведческого анализа трилогии японского писателя Кодзи Судзуки «Звонок», «Спираль», «Петля». В основу исследования положен структурно-описательный метод. Исследование художественного мира произведений современного японского автора включало рассмотрение их сюжетно-образной структуры на примере первого романа трилогии – «Звонок» (1991).

Критический анализ позволил сделать вывод о возможности отнесения произведений автора к жанру готического романа.

Abstract. The article presents the results of literary analysis of the trilogy of Japanese writer Koji Suzuki "The Ring", "The Spiral", "The Loop". For the study it was used the structural-descriptive method. The study of the artistic world of the works of contemporary Japanese author included the consideration of their plot-shaped structure done on the example of the first novel of the trilogy - "The Ring" (1991).

The critical analysis led to the conclusion about the possibility of attributing the works of the author in the genre of the Gothic novel.

Ключевые слова: готический роман, японская литература, Кодзи Судзуки, сюжетно-образная структура, трилогия «Звонок», жанр.

Keywords: Gothic novel, Japanese literature, Koji Suzuki, plot-shaped structure, "The Ring" trilogy, genre.

В творчестве современного японского писателя К.Судзуки находят отражение традиции мировой классики. К такому выводу приводят результаты проведенного критического исследования художественного мира произведений писателя на предмет соответствия эстетическим канонам готического романа. Для литературоведческого анализа были выбраны романы трилогии К.Судзуки: «Звонок» (1991), «Спираль» (1995) и «Петля» (1998), в которых эстетические взгляды автора получили наиболее полное воплощение.

Сюжет трилогии разворачивается вокруг истории чудовищного преступления, рокового проклятия и сверхъестественного возмездия. Трагедия злойшей inferнальной героини произведения – Садако Ямамура – состоит не только в том, что ей самой пришлось перенести страдания, но и в том, что она принесла его другим. Девушка-жертва, совершающая справедливое возмездие за свое убийство, сама совершает ряд жестоких преступлений и становится злобным духом зла.

Подобный сюжет не может остаться вне готической традиции. Отличительными чертами классического готического романа являются сюжеты, сводящиеся к роковым проклятиям и жестоким

преступлениям, роковым и демоническим героям, тематике и философии «мирового зла».

На сегодняшний день существуют различные интерпретации жанровых канонов готики. Согласно А.А.Поляковой [12], сюжет в целом строится по циклической схеме: заданная ситуация равновесия двух миров, его нарушение и восстановление. Действие практически всех готических романов разворачивается в «проклятом месте», где происходят встречи со сверхъестественным. Зловещему месту действия противопоставляется внешний мир, открытый и привычный для героев. Переход из него в пространство потустороннего осуществляется постепенно, благодаря чему создается таинственная атмосфера, усиливающаяся по мере приближения героя к цели. Для связи между двумя мирами используется мотив путешествия. В готическом произведении, как правило, присутствуют несколько временных пластов, разделенных между собой десятилетиями или даже веками. Зачастую события многолетней давности становятся известными благодаря некой старинной рукописи или появлению персонажа (иногда призрака), знающего все подробности истории.

Особый хронотоп и бинарная картина мира во многом определяют субъектную структуру готического романа. Важнейшую роль здесь играет установка на достоверность рассказываемых событий. Присутствие нескольких рассказчиков (чьи кругозоры, как правило, не совпадают) способствует объемному освещению материала и сохранения интереса к интриге на протяжении всего произведения. Мир, изображенный в готических романах, включает в себя и читателя: независимо от того, верит он в сверхъестественное или нет, ему предлагается извлечь урок из истории героя [13, с.50].

По Н.А. Соловьевой [18], жанровые каноны готического романа представлены следующим образом:

1. Жизнь предстаёт здесь не разумно постижимой, а таинственной, полной роковых загадок; в судьбу людей вмешиваются неведомые, зачастую сверхъестественные силы. Смутные предчувствия, зловещие предзнаменования, ужасающие происшествия становятся главными двигателями повествования.

2. В основе сюжета – тайна, загадка. Повествование строится вокруг таинственного происшествия – чьего-либо исчезновения, неизвестного происхождения, нераскрытого преступления, родового проклятия.

3. Повествование окутано атмосферой страха и ужаса и разворачивается в виде серии непрерывных угроз покою, безопасности и жизни героев.

4. Действие разворачивается в отдаленном, уединенном месте, в истории которого было некое зловещее событие.

5. Центральным персонажем выступает герой (героиня) – невинная жертва роковых событий.

6. Наконец, в готических романах фигурирует злодей, одержимый роковой страстью, которая часто становится причиной жестоких преступлений, фатальных ошибок и трагических исходов.

Выдающийся знаток жанра, английский писатель и литературовед, католический критик и исследователь оккультизма Монтегю Саммерс в книге «Сверхъестественный однотомник» выделяет следующие типы описываемых в литературе сверхъестественных явлений: потусторонние силы и посещение со злой целью, явление призрака и странная болезнь, загробные появления, живые мертвецы, возвращение из могилы, исполнение клятвы, неуспокоенная душа, загадочное предзнаменование. Каждому из этих явлений отведена своя роль в сюжетной линии готического романа [38, с.5].

Таким образом, по мнению ведущих исследователей жанра, художественный мир готических романов включает в себя ряд структурных констант, позволяющих говорить о наличии канона.

Для всестороннего и правильного понимания идей, заложенных в трилогии К. Судзуки, необходимо было рассмотреть систему художественных приемов, в частности, особенности сюжетики и системы образов, отражающих развитие авторского замысла.

Первый роман трилогии «Звонок» включает четыре главы: «Ранняя осень», «Плоскогорье», «Порыв ветра», «Круги по воде». При этом каждый эпизод главы содержит указание точной даты, времени и места действия, например: «Пятое сентября, 22:49. Йокогама» или «Пятое сентября, 22:54. Токио, перекресток у станции Синагава».

Контраст, образуемый названиями глав, обозначающих природные явления и заголовками отдельных эпизодов, содержащих документально точные данные, используется автором в качестве художественного приема, призванного разделить картину мира, представленную в произведениях трилогии. С одной стороны, имеем упорядоченный и рациональный мир человеческой цивилизации, с другой – мир природы, полный тайн, загадок и необъяснимых явлений. Подобная картина «бинарного мира» весьма характерна для произведений готической прозы, когда сюжет строится вокруг нарушения равновесия двух миров – реального и потустороннего. Примечательно, что начиная со второй главы в романе «Звонок» больше не указывается место, остается только время действия, знаменуя окончательный переход в ирреальный мир, когда указание точки земного пространства теряет свое значение.

В центре трилогии К. Судзуки находится судьба главного героя, журналиста Кадзуоки Асакавы. В начале романа «Звонок» при таинственных обстоятельствах умирают четыре человека, среди них и племянница главного героя. Асакава начинает расследование, в ходе которого выдвигает предположение, что причиной гибели молодых людей стал некий вирус, которым они заразились одновременно и в одном месте. Асакава выясняет, что незадолго смерти все погибшие посещали один загородный туристический комплекс и решает съездить туда. По приезду он находит видеокассету с записью таинственных, необъяснимых, ужасающих событий, предвещающих скорую – в течение 7 дней – смерть каждого, кто посмотрит запись. Таким образом, он сам оказывается вовлечен в череду ужасающих событий и ему и его семье угрожает смерть.

С помощью своего приятеля Такаме Асакава пытается выяснить происхождение и главное – способ избавления от проклятия. Им удается узнать, что запись на кассете была создана силой мысли девушки по имени Садако Ямамура, обладавшей сверхъестественными способностями. После самоубийства матери Садако исчезла, но началась череда таинственных смертей. Журналист приходит к убеждению, что единственный способ избежать проклятия – найти останки Садако и похоронить их.

Далее в романе в ретроспективном плане предстает история зловещей Садако и ее путь мщения. Выясняется, что она с детства страдала душевной болезнью и содержалась в клинике, где однажды над ней было совершено насилие. После совершения преступления насильник сбросил её тело в колодец, над которым впоследствии был построен

коттедж, где четверо погибших и посмотрели смертоносную кассету. Асакава и Такаяма находят колодец и возвращают останки Садако её родным. Спустя семь дней в назначенный час журналист не умирает и преисполняется уверенности, что проклятие снято. Однако на следующий день погибает его приятель Такаяма, помогавший в расследовании. Асакава пытается понять, где он допустил ошибку и вспоминает свою гипотезу о вирусе. Герой стоит перед выбором – спасти свою семью или остановить смертоносный вирус. В финале романа Асакава ради спасения близких решает снять копию с кассеты и выпустить проклятие на свободу. Таким образом, сюжет романа представляет собой усложненное, концептуальное решение темы, типичной для произведений готического жанра – рокового проклятия, избежать которого не удастся никому.

В основе сюжетно-композиционной структуры трилогии К. Судзуки лежит история журналистского расследования, в ходе которого происходит раскрытие характера и внутреннего мира Кадзуоки Асакавы, пережившего сложную духовную эволюцию перед лицом морального выбора. В финале главный герой приходит к трагическому осознанию того, что зло в мире может принимать различные формы, а его власть вечна и безраздельна.

Состав действующих лиц в произведениях трилогии неоднороден, что обусловлено спецификой художественного конфликта в духе готической прозы. В центре событий находится главный герой и его судьба, на их фоне разворачиваются истории других персонажей, роль которых состоит в дополнении центрального противостояния: журналиста Асакавы и злого духа Садако Ямамура. Каждый из персонажей несет определенную функцию и является носителем собственной идеи.

Главный герой повествования предстает перед нами, прежде всего, как типичный представитель профессии, пытливый и внимательный исследователь:

«Надо будет проверить, какой диагноз поставил судмедэксперт, и дату тоже, наверное, придется перепроверить, – пробурчал Асакава себе под нос, старательно конспектируя» [1, с.27].

Характер расследования и манера рассуждений выдает в нем человека с научным складом ума и критическим взглядом на действительность:

«Асакава напрягся и попытался придумать какую-нибудь более научную версию. «Может быть, эти четверо, находясь одновременно в некоем месте, заразились редким вирусом, вызывающим остановку сердечной мышцы... Ну и ну. – Асакава покачал головой. – Разве существуют вирусы, от которых возникает острая сердечная недостаточность?» [1, с.56].

С другой стороны, несмотря на чисто профессиональные качества – типичные для журналистов азарт и тягу к сенсационным открытиям, – он раскрывается перед нами и как обычный человек, подверженный слабостям и сомнениям. Так, например,

при мысли о потенциальной угрозе он теряет уверенность в своих силах:

«Асакава вышел из машины. Закрывая дверцу, он неожиданно засомневался. Правильней будет сказать – струсил. Струсил ни с того ни с сего. Может, лучше не соваться в эти мистические дебри? Один раз уже сунулся, а на ошибках, как известно, надо учиться» [1, с.28].

Подобная двойственная характеристика главного героя впоследствии сыграет ключевую роль при развязке сюжета. Именно человеческая, индивидуалистическая сторона его натуры, привязанность к семье, тревога за их судьбу и, возможно, некоторая слабость характера заставили его отвести опасность от себя и своих близких, выпустив смертоносное проклятие на свободу, подвергая опасности все человечество.

В художественном плане главный герой трилогии К. Судзуки, журналист Асакава соотносится со многими героями готических романов, осмелившихся вступить в борьбу с мировым злом. Среди них юный Винченцо Вивальди, вступивший в смертельную схватку со зловещим монахом Скедони из романа А. Радклиф «Итальянец», молодой Эдгар, отстаивающий фамильную честь в романе К. Рив «Старый английский барон», и даже Виктор Франкенштейн М. Шелли, пытающийся найти научную разгадку тайн мироздания. Но более всего герой К. Судзуки напоминает Мельмота Скитальца из одноименного романа Ч. Метьюрина, и, подобно своему предшественнику, проходит путь тяжелых испытаний, совершает сложный моральный выбор, познает тяжесть «мировой скорби» и приходит к трагической катастрофе.

Особую функцию в трилогии К. Судзуки выполняет образ Садако Ямамура, рассматриваемый в свете эстетических канонов готической литературы как образ абсолютного героя-злодея. Действительно, неуспокоившийся мстительный дух девушки является центральным носителем зла в произведениях: один за другим жертвами ее рокового возмездия становятся невинные люди: племянница Асакавы, 17-летняя Томоко, 19-летний студент Сюити Ивата, пара юных влюбленных Цудзи Харуко и Такэхико Номии. Во всех случаях смерть молодых людей происходит при таинственных, необъяснимых обстоятельствах, что придает повествованию оттенок безысходности, трагической неотвратимости. После просмотра смертоносной кассеты угроза нависает над самим главным героем и его близкими – женой, маленькой дочерью, лучшим другом. Наконец, когда тайна рокового проклятия, казалось, была раскрыта, выясняется, что смерть, таинственная и неуловимая, смерть быстрая и ужасная, смерть мучительная и безобразная вскоре обрушится на город и начнет рыскать повсюду, отыскивая себе жертвы. Просочившись из глубины зловещего колодца, долгое время хранившего тайну Садако Ямамура, она пропитает землю и появится в тысяче самых неожиданных мест. Стоит только выпустить этот вирус на свободу, и, прежде чем его

удастся поймать и укротить, он уничтожит человечество.

Однако роковая дева Садако изображается автором как далеко не однозначный, ярко выраженный злодей. Парадоксальным образом в личности Садако Ямамура, которая была одновременно и мужчиной, и женщиной, вновь воплощаются философские представления К. Судзуки о совершенном единстве. При жизни Садако изображается как человек, существующий в гармонии с собой. Тем не менее, мир, в котором она живёт, требует от неё сделать выбор между добром и злом, созиданием и разрушением. Декадентская философия К. Судзуки дает основание полагать, что в конечном итоге именно это противостояние должно привести к разрушению мира.

Главной особенностью героини трилогии «Звонок» можно назвать тот факт, что в образе Садако Ямамура объединились два типа героя и, одновременно, два канона готической литературы - невинная жертва трагических событий и злодей, одержимый роковой страстью. Изначально Садако обладала добрыми задатками, природной чистотой. Не случайно ее имя означает «貞» («сада») - «непорочность». Примечателен также портрет героини - отрывки воспоминаний различных персонажей о необыкновенной красоте Садако Ямамура. Даже её убийца не скрывает восхищения:

«Я украдкой взглянул на лицо Садако и почувствовал то щемящее чувство восхищения, смешанного с недоверием, которое всегда испытываешь, глядя на прекрасных женщин: неужели в нашем мире могут быть такие неземной красоты лица? Я не знаю, существует ли идеальная красота, но доктор Танака - а он, между прочим, старше меня лет на двадцать, если не больше, - говорил, что он за всю свою жизнь не видел женщины красивее Садако Ямамура» [1, с.339].

В данном случае контраст, образуемый необыкновенной, «идеальной» красотой девушки и ее губительного пути мщения призван подчеркнуть трагичность и парадоксальность столкновения враждебных сил в романе - Красоты, не созидательной и возвышающей, но вызывающей низменные желания, а впоследствии несущей смерть и разрушение. В результате роковых событий, произошедших в жизни героини - преследования толпы, самоубийства матери, наконец, совершенного над ней чудовищного насилия и убийства, - в широком смысле, под воздействием зла, исходящего из внешнего мира, она сама становится его частью:

«В течение двадцати пяти лет сцены и образы, увиденные Садако перед смертью, превратились в «заряд ненависти», не могли вырваться отсюда. Они созревали, наливались соком, они дышали, как дышит море: за отливом всегда приходит прилив... И в один из дней их дрожащее дыхание совпало с нужной частотой вибраций... Все эти образы были запечатлены на кассете, находившейся в видеомагнитофоне, который стоит прямо над колодезем, в гостиной виллы Б-4.

Ненависть нашла дорогу на поверхность» [1, с.382].

Примечательно, что местом концентрации зла, воплощенного в образе Садако Ямамура, в трилогии выступает колодец. Как указывалось, ранее, в традиционной японской культуре колодец часто фигурирует как место убийства, а мстительный дух - как жертва этого убийства. Отдавая дань фольклорным представлениям о природе потустороннего, автор создает особый инфернальный хронотоп, объясняющий происхождение мстительного духа и содержащий отголосок народных верований:

«...человек, умирая, может оставить после себя мощный «заряд ненависти». Для этого необходимы три условия: закрытое пространство, вода и некоторый промежуток времени до смерти.

Другими словами, когда человек медленно умирает в закрытом помещении, где есть вода, место его смерти становится сильнейшим источником ментальной энергии. Образуется «заряд ненависти». Теперь подумай, что такое, по-твоему, колодец? Закрытое пространство - раз. Кругом воды - два. Помнишь, кстати, что старуха с кассеты вещала?

...с водой играть только чертей раззадоривать...» [1, с.377].

Так, постепенно становится ясна позиция и авторское решение проблемы зла в трилогии К. Судзуки. По его мысли, вечное зло присутствует в мире, принимая различные формы. В данном случае зло витало в воздухе вокруг героев трилогии, и, преломившись в сознании героини Садако Ямамура, оно вырвалось наружу на этот раз в виде смертоносного вируса, записанного на видеокассету, готовясь продолжить свой путь разрушения:

«Просто перепиши и покажи другому. Показав кассету человеку, который ее еще не видел, ты способствуешь размножению вируса...» [1, с.424].

Оставаясь в пределах канонов готического романа К. Судзуки удалось, на наш взгляд, дать ему новое развитие, воплотившееся в смешении статусов жертвы и злодея. В классических произведениях жанра жертва и злодей четко разделены, образуют антагонистические линии в рамках основного сюжета, а их характеры последовательны и неизменны. Для читателя границы образов жертвы и злодея обозначены предельно ясно. Такова ситуация в классических романах «Замок Отранто» Г. Уолпола, «Итальянец» А. Радклиф, «Монах» М.Г. Льюиса и других. В трилогии К. Судзуки трагическая история Садако Ямамура и ее матери, убийство Садако и ее путь рокового возмездия, скорее всего, связаны с равнопротяженной сюжетной линией романа - идеей о природе зла, как смертоносного вируса. Сквозь призму сознания своих героев - Асакавы и Такамы - автор описывает картину мира, в которой он представляет вирусы как неуправляемый, непостижимый феномен:

«Вирусы – это очень интересная штука. Они блуждают вдоль границы живого и неживого. Существует версия, что вирусы – это мутировавшие внутри человеческого организма гены. Но по-настоящему никто не знает, откуда они взялись, какова их природа»[1, с.325].

Преступное деяние больного оспой врача Нагао предстает как роковое воплощение разрушительной природы вирусов. Эта идея становится очевидной через рассуждения Такаямы, которые составляют философскую основу трилогии:

«Сатана все время приходит в наш мир в разных обликах. Слышал когда-нибудь об эпидемии чумы в Европе, в четырнадцатом веке? Половина населения Европы тогда умерла. Веришь? По-лови-на! Ты можешь себе представить, что население Японии за несколько месяцев сократится до шестидесяти миллионов?! Ну и конечно, тогда было принято считать, что чума – это одно из обличий Сатаны. Значит, по аналогии, Сатаной нашего времени можно считать СПИД» [1, с.327-328].

Все эти персонажи, кроме своих непосредственных художественных функций, имеют еще одно важное идейное свойство для произведения в духе готической прозы. Как отмечает А.А. Полякова, мир, изображенный в готических романах, включает в себя и читателя: независимо от того, верит он в сверхъестественное или нет, ему предлагается извлечь урок из истории героя. Присутствие в произведении персонажей, различных по своим характеристикам и жизненным взглядам, придает повествованию большую объективность, реалистичность, создает установку на достоверность описываемых событий, поскольку всех их (включая и читателя) объединяет одно общее свойство – способность испытывать страх. Как утверждает герой трилогии Такаяма, рассуждая о природе страха:

«Первобытный страх срабатывает на инстинктивном уровне» [1, с.248].

Предметный образ видеокассеты выполняет важную художественную функцию в произведении. Свойства предмета, который легко скопировать и распространить, был использован автором как аналогия поведения вируса в среде:

«...Двадцать девятого августа четверо молодых людей – две школьницы и два студента – смотрят загадочную кассету в коттедже на территории некоего туристического комплекса. Ровно через неделю после этого, как и сообщалось в кассете, все четверо умирают при странных обстоятельствах»[1, с.161].

С другой стороны, этот предметный образ позволил К. Судзуки найти отклик у читательской аудитории на особом уровне. Используя обычный предмет, автор заставляет читателя еще более увериться в реальности происходящего. Каждый человек знаком с принципами работы видеозаписи. Придавая необъяснимым событиям элементарный характер, автор заставляет своего читателя поверить в их исполнимость. Наконец, именно видеозапись позволила соотнести таинственное проклятие

с личностью СадакоЯмамура, чьи злобные мысли отпечатались на пленке:

«Сцена с лицами закончилась. Рюдзи принялся перематывать пленку кадр за кадром. То и дело экран гас, окрашиваясь в черный цвет. Затемнения иногда занимали по три-четыре кадра. Учитывая, что длительность одного кадра – одна тридцатая секунды, получалось, что в среднем в течение десятой доли секунды экран оставался темным.»

«Рюдзи взглянул на Асакаву и медленно, будто с каким-то тайным смыслом, моргнул.

...черные завесы, черные завесы... не может быть!!!

– Это что, кто-то моргает? – сдавленным голосом спросил Асакава»[1, с.218].

Таким образом, видеозапись на пленке выполняет ту же функцию, что и старинная рукопись (по А.А. Поляковой) или загадочное предначертание (по М.Саммерсу) в художественном мире готической прозы и играет определенную роль в сюжетной линии трилогии К.Судзуки.

В следующих романах трилогии – «Спираль» и «Петля» – автор поднимает центральный конфликт произведения на новую высоту: борьба со злом разворачивается не только на уровне отдельных образов (между героями-антагонистами), а воплощается в образе человечества перед лицом всемирной угрозы. Однако характер этого противостояния представлен в духе научно-фантастической прозы и относит идейно-художественное содержание второго и третьего романов скорее к разуму читателя, а не эмоциям, что, в свою очередь, уводит их от традиции готической литературы.

Наконец, уже в первом романе трилогии, помимо центрального противостояния классического злодея и его жертвы, появляется идея мирового зла, воплощенная в образе смертоносного вируса, которая получает полное воплощение во втором и третьем романах. Таким образом, сюжетно-образная структура трилогии образует, помимо идейно-художественного, особый философский уровень проблематики произведений – вечное противостояние добра и зла.

Таким образом, можно утверждать, что в произведениях современного японского писателя К.Судзуки находят отражение все характерные жанровые черты готического романа: жизнь персонажей, полная загадочных и необъяснимых явлений, вмешательство в их судьбу сверхъестественных сил, атмосфера страха, пронизывающая все произведения мир трилогии, роковое проклятие как главный движущий элемент повествования, отдаленное, уединенное место действия, в истории которого было некое злое событие, а также противостояние героя – невинной жертвы происходящих событий – и злодея, одержимого роковой страстью. При этом, черты готического романа сконцентрированы, в основном, в романе «Звонок», что позволяет проследивать чистоту жанровых ка-

нонов в первом романе трилогии, тогда как во втором и третьем — «Спираль» и «Петля» — они представлены уже в меньшей степени.

Литература

1. Судзуки К. Звонок. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2005. — 431 с.
2. Судзуки К. Спираль. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2005. — 492 с.
3. Судзуки К. Петля. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2005. — 431 с.
4. Алексеев М.П. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмотскиталец» — М.: Изд-во «Наука», 1983. — 638 с.
5. Антонов С., Чамеев А. Анна Радклиф и ее роман итальянец. // Радклиф А. Итальянец, или Исповедальня Кающихся, Облаченных в Черное. — М.: Изд-во «Ладомир; Наука», 2000. — 480 с.
6. Богуславская О. Рецензия на книгу В. Вацуро «Готический роман в России». — М.: Новое литературное Обозрение (Филологическое наследие), 2002. — 226 с.
7. Бронте Э. Грозовой перевал / Ш. Бронте, Э. Бронте. Джейн Эйр. Грозовой перевал. Романы. — М.: Изд-во «Эксмо», 2008. — 960 с.
8. Бурцев А.А. История зарубежной литературы. Ч. I (Средневековье, Возрождение, XVII-XVIII вв.). — Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. — 221 с.
9. Бурцев А.А., Иванова О.И., Тесцов С.В. История зарубежной литературы. Ч. II (XIX-XX вв.). — Якутск, Изд-во Якутского ун-та, 2010. — 244 с.
10. Вальполь Г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907.
11. История всемирной литературы в 9 т. Т. 8. — М.: Изд-во «Наука», 1994. — 848 с.
12. Полякова А.А., Малкина В.В. Канон готического романа и его разновидности // Готическая традиция в русской литературе. Сб. статей. — М.: Издательский центр РГГУ, 2008. — 352 с.
13. Полякова А.А. Готическая проза // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / Под ред. Н.Д. Тамарченко. — М.: Изд-во Кулагиной; Интрада, 2008. — 358 с.
14. Радклиф А. Итальянец, или Тайна одной исповеди / Готический роман: Замок Отранто. Итальянец. Аббатство кошмаров: Повести, роман. — М.: Изд-во «Эксмо», 2008. — 736 с.
15. Радклиф А. Удольфские тайны. — М.: Изд-во «Терра-Книжный клуб», 1996. — 576 с.
16. Скобелева Е.В. Традиция "готического" романа в английской литературе XIX и XX вв.: Дис... канд. филол. наук: Спец. 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература). Литер. ин-т им. А.М. Горького. — Москва, 2008. — 196 с.
17. Соловьева, Н. В лабиринте фантазии сказка // Комната с гобеленами: английская готическая проза / Сост., вступ. ст., коммент. Н. Соловьевой. — М.: Изд-во «Правда», 1991. — 560 с.
18. Соловьева Н.А. У истоков английского романтизма. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 232 с.

19. Спрэг Де Камп Л. Лавкрафт: Биография. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2008. — 656 с.
20. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Р.Л. Стивенсон. Остров Сокровищ. Черная стрела: романы. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда: рассказ. — М.: Дет. лит., 1989. — 511 с.
21. Стокер Б. Дракула. — СПб.: Азбука-классика, 2008 — 502 с.
22. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремные рассказы. Р. Киплинг. Стихотворения. Рассказы. — М.: Худож. лит., 1976. — 767 с.
23. Уолпол Г. Замок Отранто / Готический роман: Замок Отранто. Итальянец. Аббатство кошмаров: Повести, роман. — М.: Изд-во «Эксмо», 2008. — 736 с.
24. Урнов М. В. На рубеже веков. Очерки английской литературы (конец XIX-начало XX в.). — М.: Изд-во «Наука», 1970. — 432 с.
25. Хейнинг П. Из истории готического романа / Предисл. к кн. Комната с призраком: английская демоническая повесть. — М.: Изд-во «ИМА-пресс», 1993 — С. 3-19.
26. Цымбурский В.Л. «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд» / Стокер Б. «Вампир (Граф Дракула)». — М.: Изд-во «Ада», 1990 — 366 с.
27. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. — М.: Изд-во «Терра-Книжный клуб», 1995. — 320 с.
28. Эрлихман В. В. Стивен Кинг: Король темной стороны. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2006. — 384 с.
29. Bloch R. Once Around the Bloch: An Unauthorized Autobiography.
30. Brown M. Preromanticism. — Stanford University Press, 1991. — 516 с.
31. Hughes W. Historical Dictionary of Gothic Literature. — Scarecrow Press, 2012. — 376 с.
32. Hume R.D. Gothic versus Romantic: A Revaluation of the Gothic Novel. — Modern Language Association, PMLA Vol. 84, Issue #2, 1969. — 282 с.
33. Krauss R.H. Beyond Light and Shadow. — Nazraeli Press,
34. Krutch J.W. Edgar Allan Poe: A Study in Genius — New York: Alfred A. Knopf, 1992. — 244 с.
35. Lévy M. Le roman «gothique» anglais, 1764-1824. — Editions Albin Michel 1995. — 778 с.
36. Maturin C.R. Melmoth the Wanderer. A Tale / ed. with an introd. by Douglas Grant.. — London: Oxford University Press, 1968. — 560 с.
37. Maturin C.R. Sermons. — London: Printed for Archibald Constable and Co., 1819. — 475 с.
38. Summers M. The Supernatural Omnibus. — Muschamp Press, 2011. — 626 с.

すずきこうじ

39. 鈴木光司 「リング」 / 出版社: KADOKAWA / 角川書店, 2014. — 331 с.

*Полина Андреевна Литвинова,
студентка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
Жанна Александровна Никифорова
к.филол.наук, доцент кафедры английского языка
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов*

ВЫЯВЛЕНИЕ ГЛУБИННОГО СМЫСЛА ЗВУКОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

*Polina Litvinova
student of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Zhanna Nikiforova
candidate of Philology, associate professor of Department of English Language of Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences*

DISCLOSURE OF DEEP IMPLICATION OF ENGLISH SOUNDS AND ITS INFLUENCE ON HUMAN PERCEPTION

Аннотация. В данной статье описаны этапы выявления глубинного смысла фонем английского языка с помощью ассоциативного эксперимента. В ходе эксперимента исследуется также их влияние на человеческое восприятие, что может существенно повысить эффективность коммуникации. Проведено системное исследование влияния фонетического строя английского языка на человеческое восприятие. В результате получен список лингвистических универсалий, применимых к фонемному ряду английского языка. В данном исследовании интегрируются знания разных областей языкознания, таких как фонология, фоносемантика, психолингвистика.

Abstract. In this article the phases of disclosure of deep implication of English phonemes are described with through the associative. In this experiment the influence of English sounds on human perception is analyzed, what can increase the effectiveness of communication. This is a systematic study of the influence of the phonetic structure of the English language on human perception. As a result a list of linguistic universals, applicable to the phonemes of the English language was made. Our research integrate the knowledge of different fields of Linguistics, such as Phonology, Phonosemantics, Psycholinguistics.

Ключевые слова: фонема, фоносемантика, смысл, ассоциация, реакция.

Keywords: phoneme, Phonosemantics, implication, association, reaction.

В последние десятилетия в исследованиях отечественных и зарубежных языковедов всё больше внимания уделяется рассмотрению языка с позиций антропоцентризма [1, с. 34; 4, с. 5; 6, с. 20]. В настоящее время лингвисты и филологи все чаще и чаще обращаются к глубинным структурам языка и его отдельным элементам. Делая уверенные шаги в изучении взаимосвязи языка и человеческого подсознания, исследователи находят все больше доказательств того, что минимальная единица языка – фонема – способна нести в себе определенное послание, хотя мы не всегда осознаем это. На сегодняшний день не существует единого мнения по данному вопросу. Однако предполагается, что те или иные фонемы могут влиять на эмоциональное состояние человека и его восприятие той или иной информации. Фактически, звуковая оболочка высказывания настолько же значима, как и сам его смысл. Предлагаемая вниманию читателя исследовательская работа посвящена изучению влияния фонем английского языка на человеческое восприятие.

Известно, что с давних времен язык является неотъемлемой частью жизни людей. Это инструмент, который мы используем каждый день, не всегда задумываясь о том, как мы его используем [8, с. 22]. Чаще всего люди уделяют внимание лишь значению сказанного, пренебрегая тем, каким образом

они это делают. В связи с этим возникает вопрос: а насколько это действительно необходимо? На мой взгляд, это бесспорно важно. Когда мы хотим передать некую информацию, мы всегда рассчитываем на определенную реакцию, определенный результат. Вопрос состоит лишь в том, как добиться желаемого результата. И именно здесь нам нужно понять, насколько значительна реакция не нашего сознания, пытающегося выделить из цельного высказывания лишь суть, а нашего подсознания, которое в итоге и отвечает за нашу реакцию. Таким образом, **актуальность** нашей темы связана также с возможностью повышения эффективности коммуникации.

Объектом нашего исследования является фонемный строй английского языка как одного из самых распространенных языков с богатым историческим прошлым.

Предметом нашего исследования станет влияние фонемного строя английского языка на человеческое восприятие.

Итак, наша **цель**: выявление глубинных смыслов фонем английского языка на основании их влияния на изменение эмоционального состояния человека и выявление влияния фонем на процесс восприятия.

Для этого нам необходимо поставить и выполнить следующие **задачи**:

1. Изучить и обработать информацию из различных отечественных и зарубежных источников на данную тему.

2. Ознакомиться с ранее проводимыми экспериментами и их результатами.

3. Провести эксперимент, выявляющий влияние изолированной фонемы на ассоциативный ряд аудитории.

4. Проанализировать результаты и подвести итоги.

По результатам нашей работы мы должны подтвердить или опровергнуть следующую **гипотезу**: фонемный состав английского языка обладает отнесенностью произвольностью (более 50%).

Наша научная работа будет основываться на анализе ранее опубликованных исследований в сфере фоносемантики – направлении в лингвистике, утверждающее себя на стыке фонетики, семантики, лексикологии и психологии. Соответственно, нам будут необходимы данные из каждой из вышеперечисленных областей. Мы изучим уже существующие точки зрения по данному вопросу и подвергнем их анализу. Затем нам необходимо изучить ранее проводимые опыты в экспериментальной фонетике, которые затрагивают тему звуковых оболочек слов, и их результаты, и в качестве опорной работы будет взят труд советского ученого А. П. Журавлева «Звук и смысл» [5, с. 40; 7, с. 100].

Материалом для эксперимента служит список ассоциаций, который будет предложен аудитории для своеобразного «оценивания» каждой фонемы. Создан онлайн-опрос, который представляет собой антонимический ряд возможных фонемных характеристик с целью выявления преобладания той или иной ассоциации. Иными словами, участникам эксперимента после прослушивания изолированной фонемы будет предложено выбрать качества, которые, по их мнению, соответствуют фонеме, по нескольким критериям (приятный – неприятный, грубый – нежный и т. д.) и оценить степень их выраженности. Критерии будут совмещать в себе как системные признаки (долгота – краткость), так и личностную оценку (красивый – некрасивый). Затем необходимо подвергнуть результаты тщательному анализу и выявить закономерности, опираясь на статистические данные. **Результатом** нашей работы станут некие универсалии, применимые к фонемному ряду английского языка и выведенные на основе изученного теоретического материала и проведенного эксперимента.

Методы исследования. В работе нашли своё применение:

1) психолингвистические методы: ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, градуальное шкалирование;

2) лингвистические методы: описательно-аналитический метод, лингвистическое моделирование и интерпретация;

3) общенаучные методы: квантитативный метод, а также метод наблюдения.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- к изучению согласных фонем английского языка, функционирующих в языковом сознании информантов, осуществлён комплексный подход, включающий психолингвистическую, когнитивно-дискурсионную, фоносемантическую и функциональную составляющие;

- в научный оборот введены понятия «глубинный смысл фонем», «фонемные универсалии»;

- выявлены способы экспликации глубинных смыслов фонем на основе реакций информантов;

- впервые предпринята попытка исследования когнитивной стороны английских согласных фонем;

- проведенное системное исследование влияние фонетического строя английского языка на человеческое восприятие расширяет представление о языке как средстве общения и является междисциплинарным по своей сути.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении содержания понятий «фонема» и «звук» и смежных с ними явлений применительно к фоносемантике и психолингвистике, в выявлении глубинных смыслов английских согласных фонем, в выделении и характеристике основных свойств данных фонем на основе реакций информантов, не являющихся носителями языка, в разработке теоретических основ систематизации фоносемантических признаков согласных фонем с тематической, структурно-семантической и функциональной точек зрения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для дальнейшего изучения других видов фонем, а также аллофонов в практической фонетике и фонологии, в семиотической практике, в психолингвистической практике при подготовке ассоциативных словарей. Материал и результаты работы могут найти применение в вузовских курсах по когнитивной семантике и фоносемантике, а также в спецкурсах и спецсеминарах, посвящённых изучению звучащей речи.

Для проведения эксперимента было отобрано 2 группы студентов: 30 учащихся с кафедры лингвистики и 21 учащийся экономического факультета. Представители данных направлений были выбраны неслучайно: проводится сравнительный анализ результатов по нескольким параметрам. Основным критерием для сравнения является степень изучения языка: если одна группа будет исходить из базовых знаний языка, то вторая имеет значительно больший словарный запас и, соответственно, более обширный ассоциативный вариант. Это помогает определить, насколько испытуемые оценивают изолированную фонему, а насколько их оценки зависят от словесных ассоциаций, количество которых обусловлено уровнем владения английским языком.

Для проведения столь обширного и подробного опроса необходимо тщательно отобрать критерии, которые станут основой для антонимических пар. Для того чтобы испытуемые могли проводить как можно больше ассоциаций с той или иной

фонемой, были также включены критерии, которые задействуют органы чувств: зрение, слух, вкус и запах. Помимо этого, были также включены критерии, обусловленные различными лингвистическими факторами (преимущественно артикуляцией). Следует уточнить, что классификация достаточно условна, и некоторые критерии могут относиться к нескольким группам одновременно (например, человек может выстраивать ассоциацию к одной и той же фонеме на основе его личного опыта или же на основе того, как он произносит звук).

Наш эксперимент состоит из нескольких этапов:

- 1) Проведение онлайн-опроса <https://goo.gl/forms/UBNzRbhLWTsnCrq82> ;
- 2) Вычисление степени выраженности того или иного критерия в каждой группе, а также общего количества опрошенных;
- 3) Отбор критериев с учетом погрешностей;
- 4) Создание сводной таблицы ассоциаций;
- 5) Подсчет количества выявленных ассоциаций;
- 6) Выявление наиболее выраженных критериев в каждой группе и в целом;
- 7) Подведение итогов.

На первом этапе был создан онлайн-опрос, который предлагал участникам «выставить оценки» каждой предложенной фонеме на основе их слуховых (звук каждой фонемы можно было включить и прослушать), зрительных (к каждому вопросу был прикреплен файл с изображением фонемы) или личных представлений о ней. Участник переходил по ссылке, выбирал свой профиль (лингвистический или экономический) и затем «оценивал» каждую фонему по двадцати критериям, упомянутым выше, по шкале от 1 до 5 в зависимости от выраженности первого или второго признака антонимической пары критерия. Каждый участник мог проходить опрос только один раз, пропускать вопросы было нельзя, опрос проводился анонимно.

Далее последовала первичная обработка результатов. Для того чтобы посчитать средний балл по всем критериям для каждой фонемы, было необходимо вычислить его по формуле [2, с. 70]: $(1 \cdot x_1 + 2 \cdot x_2 + 3 \cdot x_3 + 4 \cdot x_4 + 5 \cdot x_5) / n$, где x_1 – это количество участников, оценивших заданный критерий в 1 балл, x_2 – количество участников, оценивших заданный критерий в 2 балла, x_3 – в 3 балла, x_4 – в 4 балла, x_5 – в 5 баллов, а n – количество участников в группе. Например, фонему [p] по критерию «некрасивый – красивый» группа лингвистов ($n=30$) оценила следующим образом: 4 (x_1) человека оценили фонему в 1 балл («некрасивый»), 8 человек (x_2) – в 2 балла («больше некрасивый, чем красивый»), 2 человека (x_3) – в 3 балла («не знаю»), 10 человек (x_4) – в 4 балла («больше красивый, чем некрасивый»), 6 человек (x_5) – в 5 баллов («красивый»). Таким образом, числовое значение фонемы по данному критерию: [p] (лингвистическая группа) (некрасивый – красивый) = $(1 \cdot 4 + 2 \cdot 8 + 3 \cdot 2 + 4 \cdot 10 + 5 \cdot 6) / 30 \approx 3,2$.

Чтобы посчитать значение для обеих групп, необходимо было воспользоваться формулой среднего арифметического: $(x+y)/2$, где x – числовое значение у группы лингвистов, а y – у группы экономистов. То есть, значение фонемы [p] у лингвистической группы по критерию «некрасивый – красивый» составляет 3,2, тогда как у экономической группы это значение 2,9. Следовательно, общее значение вычисляется следующим образом: $[p] (\text{некрасивый} - \text{красивый}) = (3,2 + 2,9) / 2 \approx 3,05$.

После данного этапа начался отбор ассоциаций, которые можно определить как выраженные [3, с. 90]. Поскольку наше среднее значение 3 считается нейтральной позицией, которая не выражает никаких проявлений признаков, значение «3» и все дробные значения, которые при округлении до целого согласно математическим законам дают число 3, являются нейтральными. Все остальные значения можно считать существенными, то есть отклонения в диапазоне (1;2,49) и (3,51;5) считаются выявленными. Отклонения в диапазоне (2,5;3,5) не представляют для нас интереса кроме как для подсчета статистических данных.

Посчитав количество выраженных и невыраженных отклонений, мы получили следующий результат: количество выявленных ассоциаций составляет всего 23% от общего числа возможных ассоциаций. Таким образом, наша основная гипотеза частично не подтвердилась – количество существенных отклонений не достигло 50%. Это могло произойти по следующим причинам:

1. Недостаточный охват аудитории (был опрошен всего 51 человек).

2. Неконтролируемые окружающие условия при прохождении опроса (поскольку испытуемые проходили опрос в режиме онлайн, было невозможно контролировать наличие отвлекающих факторов).

3. Так как опрос был достаточно долгий и занимал около 30 минут, что является длинным периодом для повышенной концентрации. Внимание участников постепенно рассеивалось к концу прохождения теста, выделяя меньшее количество ассоциаций. Этот факт подтверждает отсутствие у последней фонемы [j] каких-либо общих отклонений, так как испытуемые ближе к концу опроса порой давали прямо противоположные ответы.

4. Большой и разнообразный спектр затрагиваемых критериев; по результату исследований, не все из них получили свое обоснование.

После подсчета общих результатов было проанализировано, насколько отличалось количество выраженных ассоциаций в лингвистической и экономической группах. Как показали результаты, лингвисты дали всего на 12% больше ассоциаций, чем экономисты. Это означает, что, независимо от уровня владения английским языком, испытуемые старались оценивать фонему изолированно, не ассоциируя ее со словами, в которой есть данная фонема.

В связи с итогом можно сделать вывод, что наше восприятие того или иного звука не зависит

от нашего уровня владения языком. Это объясняет тот факт, что для носителя русского языка некоторые языки кажутся грубыми (например, немецкий язык), а другие кажутся приятными и мелодичными (например, французский) независимо от того, понимает ли человек сообщение на иностранном языке или нет. Следовательно, первичные ассоциации зависят от слуховых или иных сенсорных модальностей.

Далее был произведен анализ самых ярких отклонений по критериям. Как можно заметить, наиболее выраженным критерием является критерий «круглый – угловатый». Данный результат обоснован эффектом «буба-кики», открытый Вольфгангом Кёлером в 1929 году, согласно которому разум человека видит определенную связь между звуковой оболочкой и геометрической формой, то есть человек присваивает абстрактные имена для фигур и для звуков аналогичным образом [9, с. 2].

Вторым по значимости критерием оказался критерий «шероховатый – гладкий». В первую очередь, это можно объяснить артикуляцией данных звуков: все смычные согласные звуки склонялись к оценке «гладкий», тогда как щелевые и смычно-щелевые согласные участники отнесли к «шероховатым». Во втором случае колебания воздуха во время произнесения звука и создают вибрацию, которая ассоциируется у людей с «шероховатостью», тогда как ее отсутствие – с «гладкостью».

Критерии «веселый – грустный» и «мужской – женский» можно считать незначительными, поскольку они не вобрали в себя даже 25% ассоциаций.

Был проведен сравнительный анализ двух групп, на основании которого можно сделать следующие выводы:

- в экономической группе диапазон данных шире, чем в лингвистической;
- лингвистическая группа отдавала большее предпочтение оценочным критериям; лингвисты дали на 23% больше оценочных ассоциаций, чем экономисты;
- экономическая же группа больше основывалась на критериях, связанных с органами чувств; однако отрыв оказался незначительным: экономисты дали всего на 8% сенсорных ассоциаций больше;
- результат по артикуляционным критериям оказался практически однозначным; однако именно

по данной группе критериев было дано наибольшее количество ассоциаций – 48% от общего числа существенных отклонений;

- обе группы дали практически одинаковое количество ассоциаций.

Таким образом, на основе изученного материала и проведенного эксперимента, мы можем сделать следующие выводы. На данном этапе развития фоносемантики вопрос о мовированности фонемы можно считать малоизученным. На основе проведенного исследования можно заключить, что наша гипотеза не подтвердилась; на результатах эксперимента сказались условия его проведения и охват аудитории.

Человек воспринимает те или иные звуки не только через слух и способ их артикуляции, но и через другие органы чувств, а также приписывает звукам личностные критерии. Восприятие акустического образа преимущественно не зависит от степени владения языком. Оценка звуков по большей части происходит по особенностям их артикуляции.

Литература

1. Бартко, И.В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: Фоносемантический анализ. КД. СПб., 1999.
2. Белоусов, К.И., Блазнова Н.А. Введение в экспериментальную лингвистику: Учеб. Пособие. - Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2004.
3. Белянин, В.П. Основы психолингвистической диагностики: (Модели мира в литературе). / В надзаг. Российская Академия Наук, Институт языкознания. Фонд Чтения имени Н. А. Рубакина. — М.:Тривола, 2000
4. Векшин, Г.В. Фоностилистика текста: звуковой повтор в перспективе словообразования, Москва, 2006.
5. Журавлев А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991.
6. Фещенко, В.В. Языковой эксперимент в русской и английской поэтике 1910-30 гг. Москва, 2004.
7. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика. М., 2001.
8. Шляхова, С.С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003.
9. Köhler, W. Gestalt Psychology. — New York : Liveright, 1929.

ARTISTIC EMBODIMENT OF WOMEN'S INITIATION COMPLEX IN D. LESSING'S DILOGY
"MARA AND DANN"

Проскуріна Наталія Юрійівна

Викладач кафедри історії зарубіжної літератури і класичної філології
Харківський національний університет імені В. Н. КаразінаХУДОЖНЄ ВТІЛЕННЯ КОМПЛЕКСУ ІНІЦІАЦІЇ ЖІНОЧИХ ПЕРСОНАЖІВ У ДИЛОГІЇ
Д. ЛЕССІНГ «МАРА І ДАНН»

Summary: The article is devoted to the study of writer's creativity, whose name is associated with the flourishing of the twentieth-century feminist movement. However, the literary heritage of Doris Lessing brings into the picture a much larger range of topics. That's why literary critics have a reason to talk about Doris Lessing both as a postmodern writer and as a science fiction writer. The **object of the literary analysis** are novels "Mara and Dann", "The Story of General Dann, Mara's daughter, Griot and the Snow Dog", which belong to the late period of D. Lessing's creativity. The **purpose** of the article is to explore the mythological features of initiation complex embodiment drawing on the example of female characters of the diology. The specificity of the material under study and the nature of the tasks set necessitated the use of a **complex of methods**: the structural-semantic method, which made it possible to investigate the features of the embodiment of the initiation concept in novels; The myth-critical approach is used to determine the mythological elements and the specifics of the imagery system in the diology "Mara and Dann". The **scientific novelty** of the research consists in analyzing the complex of the initiation ritual as a necessary stage of initiation into a new sacred status. An analysis of the mythological aspects of the writer's diology will deepen the understanding of the specifics of the artistic world D. Lessing, whose work reflects the neo-mythological tendencies of English literature of the 20th and 21st centuries, and also outlines the vectors for further study of contemporary Anglo-American writers' works, whose works have neo-mythological features. As a **result** of the analysis of the novels of D. Lessing, it is concluded that according to scientists, the initiation complex is a set of rituals which purpose is a radical change in the status of the initiated person. The initiation complex is embodied in the novels of D. Lessing on the example of the consecration of the main characters - Mara and Tamar. Since the mother and daughter are descendants of the royal family, the purpose of the rituals of initiation – as a dedication to fully legitimate members of society, that is, the so-called "initiation of maturity", and getting the mystical status of a leader. The monomyth of the search for spiritual selfhood is embodied in the mythological "formula" – solitude-search-initiation-return. Mara, all her life striving for lost sacred knowledge, ultimately refuses to undergo the final stage of initiation – enthronement. After refusing to complete the initiation, the death awaits the heroine. The mission "falls" on the shoulders of her daughter Tamar. Girl in pursuit of the mother's "quest," is unable to go through her own initiation of maturity, therefore cannot be considered a full-fledged member of society.

Анотація: Стаття присвячена вивченню творчості письменниці, чие ім'я тісно пов'язано з розквітом феміністичного руху ХХ століття. Однак літературна спадщина Доріс Лессінг охоплює набагато більший спектр тем, що надало підстав літературним критикам говорити про Доріс Лессінг і як про письменницю-постмодерніста, і як про письменницю-фантаста. Об'єктом літературознавчого аналізу є романи «Маара і Данн», «Повість про генерала Дана, дочку Маари, Гріот і Сніжного Пса», які відносяться до пізнього періоду творчості Д. Лессінг. **Мета статті** – дослідити міфологічні риси втілення комплексу ініціації жіночих персонажів дилогії. Специфіка досліджуваного матеріалу і характер поставлених завдань зумовили необхідність застосування **комплексу методів**: структурного-семантичного методу, який дозволив дослідити особливості втілення комплексу ініціації в романах; міфокритичний підхід актуалізовано для визначення міфологічних елементів і специфіки образної системи в дилогії «Маара і Данн». **Наукова новизна дослідження** полягає в тому, що здійснено аналіз комплексу ініціації як необхідного етапу посвячення в новий сакральний статус. Аналіз міфологічних аспектів дилогії письменниці поглибить розуміння специфіки художнього світу Д. Лессінг, творчість якої відображає неоміфологічні тенденції англійської літератури ХХ–ХХІ століть, а також намітить вектори подальшого вивчення творів сучасних англо-американських письменників, у творчості яких простежуються неоміфологістичні риси. В результаті аналізу романів Д. Лессінг зроблені **висновки**, що комплекс ініціації згідно з уявленнями вчених являє собою сукупність обрядів, мета яких – радикальна зміна статусу посвячуваного. Комплекс ініціації втілюється в романах Д. Лессінг на прикладі посвяти головних героїнь – Маари і Тамар. Оскільки мати і дочка є нащадками королівської сім'ї, мета ритуалів ініціації – як посвята в повноправні члени суспільства, тобто так звана «ініціація зрілості», так і отримання містичного статусу вождя. Мономіф пошуку духовної самості втілюється в міфологічній «формулі» – усамітнення-пошук-ініціація-повернення. Маара все життя прагне долучитися

до втрачених сакральних знань, однак врешті-решт відмовляється від проходження фінального етапу ініціації – воцаріння на троні. За відмову від завершення ініціації її чекає смерть і місія «падає» на плечі її дочки – Тамар. Дівчина в гонитві за «квестом» матері не в силах пройти власну ініціацію зрілості, отже, не може вважатися повноцінним членом суспільства.

Key words: D. Lessing, neomythologism, initiation, monomyth, novel.

Ключові слова: Д. Лессінг, неоміфологізм, ініціація, мономіф, роман.

Постановка проблеми та її зв'язок із важливими науковими завданнями. Постать Д. Лессінг у літературному дискурсі нерозривно пов'язана із проблемою вивчення психології жіночих персонажів, дослідженням досвіду жінки, її самопізнанням і самоідентифікацією. Феномен «самості», проблеми віднайдення ідентичності, пошук місця жінки у «чоловічому світі» є наскрізними питаннями творчості сучасної англійської письменниці.

Діалогія Д. Лессінг «Маара і Данн» продовжує традицію ранніх творів письменниці «Марта Квест» і «Трава співає», в яких вона зображує життєвий шлях жіночих персонажів, описуючи перешкоди та упередження, з якими зіткаються головні героїні романів на їхньому шляху до набуття «самості».

Аналіз діалогії Д. Лессінг засвідчує, що письменниця використовує найдавнішу міфологічну сюжетну схему – комплекс ініціації (посвячення), яка передбачає введення людини в певний тип соціуму із властивим йому світом духовних цінностей.

Аналіз останніх досліджень і публікацій, у яких започатковано розв'язання проблеми. Феномен «ініціації» досліджено в працях таких відомих науковців, як А. ван Геннеп, М. Еліаде, Дж. Кемпбелл, Є. Мелетинський та ін. Зокрема, М. Еліаде розуміє під терміном «ініціація» сукупність обрядів і усних настанов, мета яких – докорінна зміна релігійного і соціального статусу посвячуваного [7, с. 12]. Американський дослідник міфології Дж. Кемпбелл вивчає комплекс ініціації, звертаючись до мономіфу пошуків героя. Дослідник зазначає, що шлях міфологічного героя, його пригоди є «розширенням» формули обряду переходу: усамітнення – ініціація – повернення [3, с. 23]. Герой, вирушаючи на пошуки, залишає власний, «пізнаний» простір та освоює невідомий, чужий, ворожий і небезпечний простір, де зустрічається з надприродними силами, перемагає та повертається, набувши сакральних знань. Мандри героя, на думку вченого, відображають процес індивідуалізації – становлення та розвитку особистості, досягнення нею повноти та цілісності буття [3, с. 9].

Теоретико-методологічну основу дослідження складають фундаментальні праці зарубіжних, вітчизняних і російських учених з теорії міфу (М. Еліаде, Ю. Лотман, Є. Мелетинський), наукові напрацювання з теорії ініціації (Дж. Кемпбелл, А. ван Геннеп, Е. Тейлор, Х. Вебстер).

Метою статті є дослідження особливостей художнього втілення комплексу ініціації жіночих персонажів на матеріалі романів Д. Лессінг «Маара і Данн», «Повість про генерала Данна, дочку Маари, Гріота та сніжного пса».

Наукова новизна дослідження полягає в тому, що здійснено комплексний аналіз втілення ритуалу ініціації в романах Д. Лессінг «Маара і Данн», «Повість про генерала Данна, дочку Маари, Гріота та сніжного пса». Аналіз міфологічних аспектів означених творів письменниці поглибить розуміння специфіки художнього світу Д. Лессінг і визначить подальше вивчення сучасних творів англо-американських письменників, у текстах яких виявляються неоміфологічні риси.

Маара, героїня постапокаліптичної діалогії Д. Лессінг, «відчуває» своєрідний «поклик», необхідність осмислення свого життя і віднайдення власного призначення, тому вона прагне долучитися до давніх сакральних знань. «Квест-подорож» героїні, на перший погляд, є циклічною, оскільки «класичне» завершення подорожі є неможливими для неї, «вічний біг» та перегони зі смертю виявляються для героїні більш звичними: «Маара, скажи мені щиро, чисту правду, зізнайся: прокинувшись вранці, чи думаєш ти, скільки в цей день треба пройти, крок за кроком, нога до ноги, разом зі мною, ще трохи по Іфрику? Думаєш? Маара посміхнулася, очі її наповнилися сльозами...» [4, с. 463].

Головна героїня є нащадком царського роду, однак вона змушена відмовитись від царського імені заради порятунку від переслідувань бунтівників, які виступали проти існуючого режиму. Дівчині «нав'язують» нове ім'я – Маара, що радикально «змінює» її особистість.

Як слушно зазначає французький фольклорист А. ван Геннеп, обряд дарування імені має за мету індивідуалізацію посвячуваного та включення в суспільство [2, с. 60]. Відомий англійський етнограф Е. Тейлор також наголошує на тому, що набуття імені часто пов'язується з ритуалами очищення [10, с. 430]. На думку А. ван Геннепа, зміна імені впродовж життя пов'язана з обрядами хрещення, ініціації, одруження, введення в сан, тобто має на меті перехід індивіда до нової особливої групи [2, с. 49]. Американський соціолог і антрополог Х. Вебстер зауважує, що дарування нового імені відбувається наприкінці ритуалу посвячення і є знаком остаточної зміни неофіта [11, с. 40].

Головну героїню примушують забути власне ім'я, дане при народженні і дають нове, що призводить до зміни її основної функції: мудрої матері, що опікується людством. Відтак, її першочергове завдання – виступити в ролі деміурга, рятівниці, яка мала стати своєрідним Прометеем для свого народу і повернути втрачені знання, змінюється на абсолютно протилежне.

Дізнаючись своє забуте, царське ім'я, Маара не відчуває жодного зв'язку з ним, воно стало чужим, тому головна героїня відмовляється від нього і від

обов'язків, що пов'язані з цим ім'ям: «Маара дивувалася про себе ще й тому, як вона прийняла своє нове-старе, забуте ім'я, справжнє ім'я, яке їй веліли забути і не згадувати ні за яких обставин. Вона все життя своє чекала моменту, коли почує його і радісно вигукне: Так, так, це я, я, нарешті! Але ось почула. Шахана. Принцеса. Незатишно, як у чужому одязі. Не треба їй ні Шахани, ні принцеси. Не для неї це все, для кого іншого. Вона Маара» [4, с. 420].

Етимологія нового імені головної героїні, Маара (в англійському варіанті Mara), є символічною і виявляє хтонічні характеристики, оскільки походить від латинського *mors*, *mortis* (f), що в перекладі означає смерть. У слов'ян Мара була втіленням смерті – мору, духу смерті. В західно- і східнослов'янській традиції Мара – це жіночий міфологічний персонаж, пов'язаний із сезонними обрядами вмирання і воскресіння природи. З санскриту мара – той, що вбиває, знищує, це персоніфіковане зло і все те, що призводить до смерті живих істот [9, с. 28]. Головна функція мари – створення перешкод богісаттвам – богам, що прагнуть до просвітління [1, с. 153].

На відміну від ритуалів посвячення юнаків, що часто супроводжувались проходженням небезпечних випробувань, нанесенням ран, боротьбою із чудовиськом, ритуальною смертю, посвячення дівчат мало менш драматичний характер. По досягненні статевої зрілості неофіта-дівчину відділяли від соціуму, і впродовж тимчасової ізоляції дівчину навчали старші жінки, після чого її пишно вбирали та представляли соціуму [8, с. 173].

Дослідники А. ван Геннеп, М. Еліаде, В. Тернер, досліджуючи обряди посвячення, поділяють комплекс ініціації на певні етапи або стадії, які включають: підготовку «священної території», відлучення від матері або певного соціуму, проходження випробувань і повернення в інтегрованій якості. Тобто, по суті, виокремлюються три стадії ініціації: сепаративна (відкріплення особистості від групи), лімінальна (межова) і реінтегративна (відновлення).

Маара як спадкоємиця королівської влади, мала пройти не тільки ритуал ініціації (переходу від дитинства до зрілості), а й завершити «квест», який дозволив би обійняти сан правительки.

Сепаративна стадія ініціації головної героїні відповідає періоду її перебування у Скальному Селищі до досягнення віку зрілості під наглядом далекої родички Дейми. З раннього дитинства Дейма виховує Маару і Данна, вона передає підліткам знання пращурів за допомогою своєрідної гри «Що я сьогодні бачив?». Метою цієї гри є виведення індукційних логічних висновків на основі побачених явищ. Самовідчуження головної героїні втілюється у відділенні від соціуму: Маара усіма силами уникає товариства й уваги чоловічої частини населення, а особливо Кулика, «скельника», що ненавидить народ махонді, нащадком якого і є Маара.

Перебування в Скальному Селищі з точки зору проходження ініціації «зрілості» є стагнацією, оскільки Маара, досягнувши дитородного віку, не може

принести в цей світ дитя, а отже, з точки зору первісного суспільства, не є його повноправним членом. Навіть на рівні портерних характеристик головна героїня більш нагадує хлопця – хворобливо худорлява, волосся коротко острижене, носить чоловічий одяг, представляється парубком, тобто усіма силами заперечує свою жіночу природу. Покидаючи Скальне Селище та вирушаючи на північ до Хелопсу, Маара потрапляє до громади «махонді», де відбувається її «становлення» як жінки, оскільки там вже немає потреби приховувати власну стать. Головна героїня вступає у стосунки з місцевим жителем Меріксом, однак їхнє подружжя життя у Хелопсі приречене на невдачу, оскільки ресурси міста поволі вичерпуються, а його мешканці докладали великих зусиль, щоб не залишати вже освоєну територію.

Боротьба із невіглаством місцевих жителів та їх небажанням усвідомити очевидне: на півдні материка поступово усе живе вмирає, змушує Маару покинути Хелопс. Одним із випробувань, яке має пройти головна героїня на цьому етапі, є визволення рідного брата з полону макового дурману, а також шаленства і двоїстості своєї природи. Важливою межевою ситуацією постає жаклиний вибір Маари між життям Данна та життям власної дитини. Головна героїня вимушена зробити аборт, щоб не потрапити в так звану «програму відтворення», що передбачала перетворення жінки-особистості на жінку із однією функцією – народження дітей для відродження популяції континенту: «Чи був у неї вибір? Дитина Мерікса або Данн. Маара втішала себе тим, що дитина все одно б не вижила, не пережила подорожі по річці в спеку. Ні, вибору не було» [4, с. 140].

Прелімінальною стадією ініціації для Маари є час, що охоплює сюжетні події від моменту, коли брат і сестра покидають Скальне Селище до їхнього прибуття до Центру. Впродовж цього часу головна героїня по крихтам збирає давні знання: вивчає мови континенту, відвідує музей, де зібрано рештки колишньої величі пращурів, намагається навчити, передати пізнане сучасникам, однак натикається на нерозуміння, зневагу та обмеженість місцевого населення.

Лімінальний етап ініціації співвідноситься із «межевою» ситуацією для головної героїні, виявляється своєрідною ритуальною смертю: лихоманка Маари супроводжувалась маренням: «Маячіння чергувалося із сном, але весь час вона тікала, від ворогів і від стихії, від кошмарного звірини, від піщаної бурі. Голод розпорював живіт тупими гачками, але раптом руки її відчували теплу тяжкість, притискали до тіла немовля, її сина, її брата, маленького Данна» [4, с. 207].

Прибуття до Центру мало б відповідати реінтегративній стадії ініціації, але, зважаючи на категоричну відмову Маари взяти на себе обов'язки цариці, одружившись із своїм братом, щоб зберегти чистоту королівської династії махонді, етапу остаточного «включення» не відбувається. Натомість

брат і сестра тасмно покидають Центр та відправляються у своєрідне добровільне вигнання до місцевості під назвою «Ферма». Головна героїня, відмовившись від трону, виходить заміж за Шабіса, генерала із міста Чарад, відмовляючись від власних амбіцій щодо порятунку людства. Смерть приходить за Маарою у другій частині дилогії «Повість про генерала Данна, дочку Маари, Гріота та сніжного пса» (2005). Маара померла при пологах, народивши доньку, тобто смерть героїні виглядає як покарання за невиконане завдання та дітовбивство. Тепер її місія переходить до її доньки, Тамар, яка повинна завершити квест матері – постійний пошук знань і злиття із сакральним, вічним, а відтак вона повинна постати божеством для власного народу.

Етимологія імені Тамар є символічною: вона пов'язана із біблійським Фамар, що в перекладі означає фінікова пальма [6, с. 148]. Згідно з першою книгою Євангелія від Матвія, Фамар є праматір'ю сина Божого, Ісуса, та Соломона, царя іудейського. Ім'я Тамар є значущим, оскільки ім'я її матері, Маари – в англійському варіанті Мага, за однією із версій, також може розумітися як форма ім'я Магу, що у свою чергу відсилає до біблійського трактування імені – Марія, матір Божа. Тож, головна героїня роману Д. Лессінг виявляє сакральні риси навіть на рівні номінації. Покликанням Маари було нести спасіння усьому людству, допомагати нужденним, однак вона згасає, не в силах виконати цю місію.

Тамар намагається повністю «замінити» свою матір, що виявляється навіть у зовнішньому вигляді героїні, її одязі: дівчинка носить стару туніку матері, щоб бути більш схожою на матір. Данн навіть плутає свою племінницю із сестрою: «Це накидка, що на тобі. І він простягнув руку, доторкнувся до її шати. Ми з твоєю матір'ю носили їх, коли йшли Іфріком. Ти так схожа на Маару, – сказав нарешті Данн, долаючи біль, яку завдавали йому ці слова, і дівчинка опинилася в його обіймах» [5, с. 207]. Тамар бере на себе обов'язки своєї матері по відновленню сакральних знань: вона долучається разом із Данном до групи переписувачів та перекладачів давніх книг, що залишилися в Центрі, розгадує загадки давніх механізмів, вивчає давні мови, щоб каталогізувати розрізнені уривки знань.

Межевою ситуацією для дівчинки постає приступ шаленства Данна та його спроба вбити її, прийнявши за сестру Маару. Після цього відбувається стадія «включення», яка, однак, залишається за межами роману. Тамар має очолити «сховище знань», які вдалося врятувати з Центру. Героїня пройшла ритуал ініціації, що мав на меті її посвячення в сан, однак, її не приймають однолітки, «включаючи» із соціуму, адже, за їх думкою, вона надто зайнята своєю роботою у книгосховищі, не володіє навичкам, які притаманні усім молодим дівчинам і найголовніше: вона не є ідеальним божеством, як її дядько, котрому приписують володіння магічними здібностями та провидінням. Таким чином, Тамар не пройшла ініціації «зрілості», що відображають навіть в пісні, що співають про неї: «І

тоді вона встає і схиляє голову. Хто не вміє танцювати, той стікає кров'ю. – І вона – Маара – дійсно стекла кров'ю, так? – сказав Данн» [5, с. 283].

Висновки і пропозиції: Отже, комплекс ініціації втілюється в романах Д. Лессінг на прикладі посвячення головних героїнь – Маари і Тамар. Оскільки матір та донька є нащадками королівської родини, ритуали ініціації, що проходять головні героїні дилогії, мають за мету, як посвячення у повноправні члени суспільства, тобто так звану «ініціацію зрілості», так і отримання містичного статусу.

Мономіф пошуку духовної самості втілюється у міфологічній «формулі» – усамітнення-пошук-ініціація-повернення. Таким чином, Маара проходить етапи ініціації зрілості, однак не завершує ініціацію на здобуття містичного статусу – шамана, вождя. Маара і Тамар – головні героїні романів виявляють амбівалентні риси. З одного боку, вони несуть руйнацію та хаос, з іншого, їхнім призначенням є перетворення всеохоплюючого «хаосу» на «космос».

У тексті дилогії письменниці Маара постає як темна Праматір, що може нести людству хаос та знищення або направляти його на шлях істинний. Однак, головна героїня відмовляється від божественної місії по порятунку людства, залишаючи його напризволяще. Тамар, як донька Маари, повинна виправити помилки матері, стати її «заступницею». Головною місією героїні є воцаріння в якості світлої Матері, що опікуватиме людство на вибраному їм шляху. Однак, за відмову від проходження фінального етапу ініціації – воцаріння на троні Центру, Маара несе тяжке покарання – смерть.

Навіть на рівні номінації проявляється інфернальна природа Маари, що уособлює собою смерть. Етимологія імені Тамар, навпаки, корелює з вітальними характеристиками – фінікова пальма, життя, ім'я Праматері Божої.

Маара робить власний вибір і остаточно приймає нав'язаний набутим ім'ям шлях – нести погибель, як не оточуючим, так самій собі, несучи хрест, як за гріхи всього суспільства, що забуло свої вигоди, так і за свої власні.

Дочка Маари – Тамар, завершуючи «місію» матері, проходить ритуал ініціації і стає хранителькою знань. Однак, героїня не в силах пройти посвячення в «дорослий світ» – для членів громади вона є неповноправним членом, ізгоем. Тамар, виконуючи місію Маари, функціонально заміщує її, постає її копією і втрачає власну індивідуальність. Тож, проходження ініціаційного комплексу Маарою й Тамар взаємопов'язано і є логічним продовженням одне одного.

Список використаних джерел

1. Абаева Л. Л., Андросов В. П., Бакаева Э. П. и др. Буддизм: Словарь / Под общ. ред. Н. Л. Жуковской, А. Н. Игнатвича, В. И. Корнева. — М.: Республика, 1992. — 288 с.
2. Геннеп ван А., Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Арнольд ван Геннеп Пер. с франц. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с.

3. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кэмпбелл. — М.: Ваклер, Рефл — бук, АСТ, 1997. — 230 с.
4. Лессинг Д. Маара и Данн: [роман] / Д. Лессинг; [пер. с англ. Ю. Балаяна]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. — 463 с.
5. Лессинг Д. Повесть о генерале Данне, дочери Маары, Гриоте и снежном псе: [роман] / Д. Лессинг; [пер. с англ. Е. Копосовой]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. — 287 с.
6. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен: 4000 имен / А. И. Рыбакин. — 3-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2000. — 222 с.
7. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде: [пер. с фр. В. Большаков]. — М.: Инвест — ППП, 1996. — 240 с.
8. Элиаде М. Религии Австралии / М. Элиаде [пер. с англ. Л. А. Степанянц; науч. ред. О. Ю. Громовой] — СПб.: Университетская книга, 1998. — 318 с.
9. Olson C. The Different Paths of Buddhism: A Narrative — Historical Introduction / C. Olson. — New Brunswick: Rutgers University Press, 2005. — 304 p.
10. Tylor E. B. The Primitive Culture Researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom in two volumes / E. B. Tylor: // Vol. 2 — London: John Murray, 1913 — 401 p.
11. Webster H. Primitive secret societies; a study in early politics and religion / Hutton Webster. — N.Y.: The Macmillan company, 1908. — 227 p.

Sagdeeva F.K.

*candidate of Philological Sciences,
senior research scientist of the Department
of General Linguistics, Institute of Language,
Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences.*

Abdullina Ch.Z.

*a postgraduate student, Institute of Language,
Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences.*

PHONETIC INTERFERENCE IN THE CONDITIONS OF THE TATAR-RUSSIAN BILINGUALISM (ON THE EXAMPLE OF THE BORROWED PHONEMES')

Сэгдеева Фаузия Кабировна,

*кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
отдела общей лингвистики Института языка,
литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.*

Абдуллина Чулпан Зуфаровна

*аспирант Института языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ТАТАРСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ФОНЕМ)

Summary: The study of phonetic interference allowed to reveal the linguistic origins of this phenomenon, made it possible to see cause of violation of the Tatar pronunciation norm as available or the absence of certain phonemes and sounds in Tatar and Russian languages, and in the differences of the differential features inherent in phonetic systems of the Tatar and Russian languages.

Аннотация: Изучение фонетической интерференции позволило вскрыть лингвистические истоки этого явления, дало возможность увидеть причину нарушения татарской произносительной нормы как в наличии или отсутствии тех или иных фонем и звуков в татарском и русском языках, так и в различиях дифференциальных признаков, присущих фонетическим системам татарского и русского языков.

Key words: *phonetic interference, bilingualism, borrowed phonemes, Russian and Tatar languages.*

Ключевые слова: *фонетическая интерференция, двуязычие, заимствованные фонемы, русский и татарский языки.*

По происхождению интерференция подразделяется на внутреннюю (внутриязыковую) и внешнюю (межъязыковую), каждая из которых подразделяется на определенные группы [4]. Так, внутриязыковую интерференцию можно подразделить на: а) парафазию (напр, предлагали — предполагали), б) образованию по ложной аналогии (напр, *поляки* по аналогии с *земляки*); в) контаминацию (напр, *дружиться* <*дружить* + *подружиться*) [8].

Межъязыковая интерференция, связанная с переносом навыков родного языка билингва на изучаемый, обычно подразделяется на: а) лексическую, б) семантическую, в) лексико-семантическую, г) фонетическую, д) акцентологическую, ж) морфологическую, з) синтаксическую [2; 9]. Отсюда следует, что природа и сущность внешней и внутренней интерференции различна. По мнению Л.Аюповой, чисто лингвистический подход к их изучению

недостаточен, необходим учет внешних и социальных факторов [3, с. 189]. Таким образом, в настоящее время стало ясно, что нельзя серьезно приблизиться к пониманию механизма языковых изменений без тщательного изучения социальных факторов; обуславливающих эволюцию языка. Представляется, что этот путь является верным и при изучении так называемой обратной интерференции, которую можно нередко наблюдать в татарской речи билингвов-татар и русскоязычных [12].

На современном этапе имеются работы, в которых затрагивается проблема интерференции родного (национального) языка, но решается она частично в связи с другими вопросами. Речь идет об исследовании интерференции абстрактного характера. Она чаще всего обусловлена заимствованием, проникающим из русского языка в национальный, калькированием, образованием общего лексического фонда в русском и национальных языках и т.д.

Однако современная лингвистика не может ограничиться этим далеко не полным пониманием интерференции, так как основная проблема, возникающая с изучением интерференции, на наш взгляд, в первую очередь должна сводиться к выявлению того, насколько «две контактирующие структуры смогут сохраниться неизменными и в какой степени они будут влиять друг на друга, изменять друг друга?» [2, с. 82].

Само собой разумеется, что рассмотрение явления интерференции в таком плане не отрицает позитивные стороны двуязычия, а, прежде всего, позволяет в полной мере выявить те процессы, которые происходят в татарском языке.

Эта проблема изучена ещё недостаточно, хотя определенные шаги в этом направлении уже приняты. Свидетельством тому являются работы Э.М. Ахунзянова, М.З. Закиева, Р.А. Юсупова, Л.К. Байрамовой и др.

Исследователи отмечают, что фонетическая система татарского языка представляет собой потенциальное поле интерференции. Результат взаимодействия фонетических систем татарского и русского языков, проявляющийся в речи, показывает, что татарские гласные [13] и согласные [14] обладают разной степенью трудности для усвоения.

В данной статье делается попытка продолжить изучение явления фонетической интерференции на материале заимствованных фонем в условиях татарско-русского двуязычия. Данный тип двуязычия является самым распространенным в Республике Татарстан [1].

В связи с развитием татарско-русского двуязычия фонетическая система татарского языка претерпела некоторые изменения.

Говоря об интерферирующем влиянии русского языка на татарский, ученые-языковеды, в первую очередь отмечают появление заимствованных фонем, пришедших в татарский язык вместе с русскими лексическими заимствованиями.

В татарском языкознании вопрос о количестве заимствованных фонем в условиях татарско-русского двуязычия является спорным. Так, например, М.З. Закиев считает, что в татарском языке заимствованными являются следующие фонемы: гласные — *о, э, ы* и согласные — *в, ц, щ, ч*. Данной точки зрения придерживается большинство татарских языковедов.

Однако существует и другое мнение, согласно которому число заимствованных согласных в фонетической системе татарского языка несколько больше. Определяя состав фонем в башкирском и татарском языках с их диалектами и говорами, Т.М. Гарипов пишет: «Заимствованные татарским литературным языком в составе русизмов фонемы — это те же, что и литературно-башкирские: губно-язычный в, глухая аффриката ц, 15 палатализованных коррелятов твердых согласных разных разрядов — б, м, п, в, ф, д, ж, з, л, н, р, с, т, х, ш, полу-широкий э, широкий о...» [7, с. 68]. По мысли З.М. Сайтова, нельзя включать в ряд заимствованных фонем так называемые «палатализованные корреляты твердых согласных», т.к., палатализованные и непалатализованные варианты этих согласных не имеют фонематического или, другими словами, смысловозначительного характера [15, с. 95].

Характерной особенностью заимствованных фонем является то, что они употребляются только в словах, заимствованных из русского языка и через него, но не употребляются в исконно татарских. Вопрос о включении в фонетическую систему языка таких фонем является еще одной важной теоретической проблемой.

По данному вопросу существуют две различные точки зрения. Одни исследователи считают, что фонема не заимствуется другими языками, если она употребляется только в заимствованных словах. По их мнению, одним из основных показателей заимствованных фонем является наличие определенных противопоставлений в системе консонантизма или вокализма. Для того, чтобы фонему можно было бы отнести к числу фонем, входящих в фонетическую систему языка, необходимо ее участие в образовании форм родного языка. Если же она употребляется только в составе заимствованной лексики, то не является принадлежностью фонетической системы данного языка. Сторонники другой точки зрения считают, что все фонемы, которые функционируют в словах иноязычного происхождения, являются принадлежностью фонетической системы этого языка. Как нам представляется, сторонники этой точки зрения находятся на более правильной позиции.

М.З. Закиев полагает, что заимствованные из русского языка гласные *о, ы, э*; согласные *в, ц, ч, щ* следует признать самостоятельными фонемами. Доказательством тому, как утверждает З.З. Сайтов, служат следующие квазиомонимы и противопоставления, которые можно встретить в татарском языке: «сыр (пища) — сыр (резьба) — сар (окутывай) — сер (тайна); тол (взрывчатка) — тол (вдовый) — тал (ива) — тул (наполняется) — тел (язык) — тыл (военный) — тыл (морфема)» и т.д. [15, с. 98].

Исследователи отмечают, что при взаимодействии татарского и русского языков произошли также некоторые изменения в системе акцентации и составе слогов, появились нехарактерные для татарского языка звуко сочетания.

В татарском языке ударение, как правило, фиксируется на последнем слоге. Однако на заимствованные слова данная закономерность не распространяется, ударение в них сохраняется на том слоге, на котором оно стоит в русском языке. Примеры: автор, вагон, анализ и т.п. «При изменении заимствованных слов путем наращивания к ним татарских аффиксов, ударение, падавшее на последний слог, как и в собственно татарских словах переходит на последний слог, а ударение падавшее не на последний слог, остается на своем месте», — пишет Р.С. Газизов [6, с. 21]. Например: кабинет, кабинетлар, кабинетларда; автобус, автобуслар, автобусларда и др.

В татарской науке о языке бытует и такое мнение. В заимствованных словах при наращении аффиксов возникают дополнительные ударения, например, фабрикалар, фабрикаларда, фабрикаларыбыз, фабрикаларыбыздан и т.п., они являются ослабленными [18]. По всей вероятности, следует согласиться с этим мнением, т.к. исследования лингвистов о природе и характере ударения позволяют говорить о второстепенном или ослабленном ударении в татарской фонетике [16, с. 238-240].

Таким образом, в татарском языке под влиянием заимствованных слов изменяется и система ударения. В исконно татарских словах ударение в основном ставится на последнем месте. Однако в условиях татарско-русского двуязычия из русского языка и через русский в татарский язык входит множество слов, в которых ударение может стоять на любом слоге.

Система слогов в татарском языке представлена шестью основными типами: Г — э (против, союз), СГ — бу (этот), ГС — ит (мясо), СГС — жир (земля), ГС С — айт (скажи), СГСС — тарт (тяни).

В татарском языке в связи с заимствованными словами появились новые структурные типы слогов, связанные с новыми явлениями в возможностях сочетания согласных. Основная характерная черта новых типов слогов, по мнению ученых, — это стечение двух или трех согласных в начале или конце слога: ССГ — студент, ССГС — клуб, ССГСС — спорт, СССРС — структура, СГССС — текст. Таким образом, значительно увеличилось количество слоговых типов татарского языка.

Также в татарском языке вместе с заимствованиями появились нехарактерные стечения гласных: ао, аз(е), иа, ео, ио, иу, оа, уэ, уи, уу: аорта, аэробика, оазис, диаспора, теория, вакуум, радио и т.п. На современном этапе развития татарского языка сочетания согласных в анлауте не подвергаются фонематическому видоизменению. Например: бл — бланк, гр — градус, др — драма и др. Определенное сочетание согласных наблюдается в ауслауте. Примеры: тр — пирометр, кт — факт, рш — фарш, ст — фаталист, нт — цемент, нз — ценз, рм — штурм и др.

Отсюда следует, что в результате развития татарско-русского двуязычия вместе с заимствованиями в

фонологическую систему татарского языка проникли несвойственные ей ранее фонемы, произошли некоторые изменения в системе ударения и в составе слогов, появились нехарактерные звуко сочетания.

Однако влияние русского языка на татарский не ограничивается вышесказанным. Так, например, по мнению Ф.К. Сагдеевой, татарская речь русскоязычных и некоторых билингвов-татар приобретает совершенно определенные фонетические свойства, связанные с нарушением правил произносительной нормы татарского языка [12].

Наиболее общим объяснением самого явления фонетической интерференции в речи можно считать те свойства человека, которые определяются существующим в его языковом сознании фонологическим слухом. В то же время, по мнению ученых, в речевом поведении индивида обнаруживаются такие черты, которые невозможно объяснить только действиями фонологического слуха. Специалисты такое поведение характеризуют как некоторое взаимодействие свойств универсальных, присущих любому носителю звукового языка, и национально-языковых, сформированных у носителей определенного языка под влиянием фонологической системы этого языка. Универсальными, по мнению исследователей, являются такие способности говорящих «как противопоставление гласных и согласных, фонетические средства объединения звуковых последовательностей в целые комплексы (т.е. коартикуляцию), средства создания фонетической целостности слова независимо от их конкретных фонетических коррелятов, таких как словесное ударение — динамическое, количественное или музыкальное, — сингармонизм и т.д.» [10, с. 6]. Универсальными свойствами можно считать и противопоставление по активному подъему и огубленности гласных, противопоставление по активному действующему органу согласных и т.д. К числу национально-языковых свойств следует отнести те, которые характеризуют только данный язык или ограниченную группу языков [10, с. 6].

Как известно, причиной своеобразного восприятия иноязычных фонологических комплексов является различие фонологических систем разных языков. «Среди языков мира невозможно найти даже двух, в которых бы полностью совпадали фонологические системы, правила дистрибуции фонем, интонационные модели. Поэтому любая попытка произнести какое-либо слово или выражение на другом языке предусматривает перестройку артикуляционных и интонационных навыков», — пишет Р.М. Бутина [5, с. 39]. Следовательно, изменения могут вызываться в плане парадигматики (несовпадение фонологических систем) и в плане синтагматики (разные правила дистрибуции фонем, различная структура слога), и акцентологическом плане.

По мнению специалистов, «... единиц разных языков, взаимно однозначно соответствующих друг другу, весьма мало...» [11, с. 18]. Поэтому даже фонемы, имеющие в разных языках сходные дифференциальные признаки, нельзя считать адекватными, т.к. они являются элементами различных фонологических

систем и участвуют в различных фонологических оппозициях [5, с. 39]. Именно в этой внутренней организации фонем заложено то, специфическое, что образует фонологическое «сито» каждого языка.

Н.С. Трубецкой считает, что причиной ошибок в произношении являются взаимоотношения между элементами языковых систем контактирующих языков. «Слушая чужую речь, — пишет он, — мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам «фонологическое сито» своего родного языка. А поскольку наше «сито» оказывается неподходящим для чужого языка, постольку и возникают многочисленные ошибки. Звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, т.к. они пропускаются через «фонологическое сито» нашего родного языка» [17, с. 59].

Отсюда следует, что фонетическая интерференция в речи выражается в восприятии и произношении звуковой последовательности речи чужого языка по правилам фонологической системы родного языка.

Как справедливо утверждают специалисты, интерференция явление предсказуемое. На основании результатов сопоставительно-типологического анализа могут быть определены потенциально возможные виды межязыковой интерференции в речи.

Звуки второго языка билингвы воспринимают, опираясь на имеющийся у них опыт восприятия и воспроизведения, подводят под шаблоны звуков родного языка, сравнивают, сопоставляют с ними. Воспринимают не то, что есть в действительности, а то, к чему способен их имеющийся практический опыт. Это объясняется тем, что слух и артикуляция каждого человека с детства привыкают к звукам родного языка.

Под влиянием фонетической системы родного языка, в результате контактирования звуковых систем в речи билингвов появляются отклонения от произносительной нормы, фонологические и фонетические ошибки.

Тем самым, сопоставительная характеристика звуковых систем является обязательной предпосылкой анализа фонетики второго языка билингва. Она позволяет выявить сходства и отличия между фонетическими системами контактирующих языков. Сходные фонетические явления усваиваются билингвами легче и быстрее. Отличия обуславливают фонетические и фонологические ошибки. Сопоставительный анализ может предсказать поле потенциальной интерференции. А сделанные предположения можно проверить путем наблюдения реально имеющихся случаев интерференции.

Ф.К. Сагдеева считает, что при сопоставительном описании звуковых систем за основу следует брать фонетическую систему татарского языка и исходить из ее системного характера. Сопоставление фонем может дать ясную картину о системном характере звукового строя татарского языка, о реализации фонем в речи в виде конкретных звуков, о синтагматических и парадигматических законах фонетики и их отличии или сходстве от тех же законов и звуковых единиц родного языка билингва. По мнению автора, именно поэтому представляется

целесообразным учитывать фонологические единицы, оппозиции, а затем артикуляционные и акустические свойства звуков. Однако конкретная реализация фонем в речи, их различительные возможности тесно связаны с фонетической позицией [12, с.127-128].

Список литературы:

1. Абдуллина Ч.З. К вопросу об определении типов двуязычия // Казанская наука, 2019. № 2. — С. 106-108.
2. Ахунзянов Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. — 189 с.
3. Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: Дис. ...д-ра филол. наук. — Уфа, 1998. — 335 с.
4. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику: Учеб. пособие для студентов. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994. — 119 с.
5. Бутина Р.М. К вопросу о фонетическом освоении турецких лексических элементов в английском языке // Зарубежное языкознание и литература. — Алма-Ата, 1971. — С. 38-42.
6. Газизов Р.С. Сопоставительная грамматика татарского и русского языков/ Р.С. Газизов. — Казань: Тат.кн. изд-во, 1977. — 271 с.
7. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: (Опыт синхронной и диахронической характеристики) / Т.М. Гарипов. — М., 1979.
8. Дешериева Ю.Ю. Проблемы интерференции и языкового дефицита (на материале русской речи носителей английского языка). — М., 1976. — 259 с.
9. Закирьянов К.З. Двуязычие и интерференция. — Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та им. 40-летия Октября, 1984. — 81 с.
10. Интерференция звуковых систем. — М., 1987. — 280 с.
11. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. — М., 1972. — С.5-22.
12. Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. — Казань: Фикер, 2002. — 160 с.
13. Сагдеева Ф.К., Хусаинова А.Я., Бадрутдинова А.А. Фонетическая интерференция в условиях двуязычия (на примере гласных) // Казанская наука, 2018. №4. — С. 77-80.
14. Сагдеева Ф.К., Хусаинова А.Я., Бадрутдинова А.А. Фонетическая интерференция в условиях двуязычия (на примере согласных) // Казанская наука, 2018. №5. — С.110-113.
15. Саитов З.З. Роль русского языка в развитии фонетической системы современного татарского литературного языка // Формирование и функционирование татарского языка. — Казань, 1986. — С. 92-116.
16. Салимов Х.Х. Основное, второстепенное и вариативное ударение в татарском языке // Языковая духовная культура и история тюрков: традиции и современность. — Казань, 1992. — Т.1. — С.238-240.

17. Трубецкой Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М., 1960. 372 с.
18. Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка// Татарско-русский словарь. – М., 1966. – С.819.

Бурцева М.А.,

к.ф.н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета

Тарекеги М.Г.

ассистент кафедры иностранных языков для естественных и технических специальностей Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета

ГОТИЧЕСКИЕ КАНОНЫ В ТРИЛОГИИ К.СУДЗУКИ «ЗВОНОК»

Burtseva M.A.,

Candidate of sciences in Philology, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Regional Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern Federal University

Tarekegn M.G.

Assistant of the Department of Foreign Languages for Natural and Technical Specialties of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies of the North-Eastern Federal University

GOTHIC CANONS IN TRILOGY OF K. SUDZUKI "RING"

Аннотация

В статье представлены результаты литературоведческого анализа трилогии японского писателя Кодзи Судзуки «Звонок», «Спираль», «Петля». В основу исследования положен структурно-описательный метод. Исследование художественного мира произведений современного японского автора включало рассмотрение их сюжетно-образной структуры на примере первого романа трилогии – «Звонок» (1991).

Критический анализ позволил сделать вывод о возможности отнесения произведений автора к жанру готического романа.

Abstract

The article presents the results of literary analysis of the trilogy of Japanese writer Koji Suzuki "The Ring", "The Spiral", "The Loop". For the study it was used the structural-descriptive method. The study of the artistic world of the works of contemporary Japanese author included the consideration of their plot-shaped structure done on the example of the first novel of the trilogy - "The Ring" (1991).

The critical analysis led to the conclusion about the possibility of attributing the works of the author in the genre of the Gothic novel.

Ключевые слова: готический роман, японская литература, Кодзи Судзуки, сюжетно-образная структура, трилогия «Звонок», жанр.

Keywords: Gothic novel, Japanese literature, Koji Suzuki, plot-shaped structure, "The Ring" trilogy, genre.

В творчестве современного японского писателя К.Судзуки находят отражение традиции мировой классики. К такому выводу приводят результаты проведенного критического исследования художественного мира произведений писателя на предмет соответствия эстетическим канонам готического романа. Для литературоведческого анализа были выбраны романы трилогии К.Судзуки: «Звонок» (1991), «Спираль» (1995) и «Петля» (1998), в которых эстетические взгляды автора получили наиболее полное воплощение.

Сюжет трилогии разворачивается вокруг истории чудовищного преступления, рокового проклятия и сверхъестественного возмездия. Трагедия злойшей инфернальной героини произведения – Садако Ямамура – состоит не только в том, что ей самой пришлось перенести страдания, но и в том, что она принесла его другим. Девушка-жертва, совершающая справедливое возмездие за свое убийство, сама совершает ряд жестоких преступлений и становится злобным духом зла.

Подобный сюжет не может остаться вне готической традиции. Отличительными чертами классического готического романа являются сюжеты, сводящиеся к роковым проклятиям и жестоким преступлениям, роковым и демоническим героям, тематике и философии «мирового зла».

На сегодняшний день существуют различные интерпретации жанровых канонов готики. Согласно А.А.Поляковой [12], сюжет в целом строится по циклической схеме: заданная ситуация равновесия двух миров, его нарушение и восстановление. Действие практически всех готических романов разворачивается в «проклятом месте», где происходят встречи со сверхъестественным. Зловещему месту действия противопоставляется внешний мир, открытый и привычный для героев. Переход из него в пространство потустороннего осуществляется постепенно, благодаря чему создается таинственная атмосфера, усиливающаяся по мере приближения героя к цели. Для связи между двумя мирами используется мотив путешествия. В готическом произведении, как правило, присутствуют

несколько временных пластов, разделенных между собой десятилетиями или даже веками. Зачастую события многолетней давности становятся известными благодаря некой старинной рукописи или появлению персонажа (иногда призрака), знающего все подробности истории.

Особый хронотоп и бинарная картина мира во многом определяют субъектную структуру готического романа. Важнейшую роль здесь играет установка на достоверность рассказываемых событий. Присутствие нескольких рассказчиков (чьи кругозоры, как правило, не совпадают) способствует объемному освещению материала и сохранению интереса к интриге на протяжении всего произведения. Мир, изображенный в готических романах, включает в себя и читателя: независимо от того, верит он в сверхъестественное или нет, ему предлагается извлечь урок из истории героя [13, с.50].

По Н.А. Соловьевой [18], жанровые каноны готического романа представлены следующим образом:

7. Жизнь предстаёт здесь не разумно постижимой, а таинственной, полной роковых загадок; в судьбу людей вмешиваются неведомые, зачастую сверхъестественные силы. Смутные предчувствия, зловещие предзнаменования, ужасающие происшествия становятся главными двигателями повествования.

8. В основе сюжета – тайна, загадка. Повествование строится вокруг таинственного происшествия – чьего-либо исчезновения, неизвестного происхождения, нераскрытого преступления, родового проклятия.

9. Повествование окутано атмосферой страха и ужаса и разворачивается в виде серии непрерывных угроз покою, безопасности и жизни героев.

10. Действие разворачивается в отдаленном, уединенном месте, в истории которого было некое зловещее событие.

11. Центральным персонажем выступает герой (героиня) – невинная жертва роковых событий.

12. Наконец, в готических романах фигурирует злодей, одержимый роковой страстью, которая часто становится причиной жестоких преступлений, фатальных ошибок и трагических исходов.

Выдающийся знаток жанра, английский писатель и литературовед, католический критик и исследователь оккультизма Монтегю Саммерс в книге «Сверхъестественный однотомник» выделяет следующие типы описываемых в литературе сверхъестественных явлений: потусторонние силы и посещение со злой целью, явление призрака и странная болезнь, загробные появления, живые мертвецы, возвращение из могилы, исполнение клятвы, неуспокоенная душа, загадочное предзнаменование. Каждому из этих явлений отведена своя роль в сюжетной линии готического романа [38, с.5].

Таким образом, по мнению ведущих исследователей жанра, художественный мир готических романов включает в себя ряд структурных констант, позволяющих говорить о наличии канона.

Для всестороннего и правильного понимания идей, заложенных в трилогии К. Судзуки, необходимо было рассмотреть систему художественных приемов, в частности, особенности сюжетики и системы образов, отражающих развитие авторского замысла.

Первый роман трилогии «Звонок» включает четыре главы: «Ранняя осень», «Плоскогорье», «Порыв ветра», «Круги по воде». При этом каждый эпизод главы содержит указание точной даты, времени и места действия, например: «Пятое сентября, 22:49. Йокогама» или «Пятое сентября, 22:54. Токио, перекресток у станции Синагава».

Контраст, образуемый названиями глав, обозначающих природные явления и заголовками отдельных эпизодов, содержащих документально точные данные, используется автором в качестве художественного приема, призванного разделить картину мира, представленную в произведениях трилогии. С одной стороны, имеем упорядоченный и рациональный мир человеческой цивилизации, с другой – мир природы, полный тайн, загадок и необъяснимых явлений. Подобная картина «бинарного мира» весьма характерна для произведений готической прозы, когда сюжет строится вокруг нарушения равновесия двух миров – реального и потустороннего. Примечательно, что начиная со второй главы в романе «Звонок» больше не указывается место, остается только время действия, знаменуя окончательный переход в ирреальный мир, когда указание точки земного пространства теряет свое значение.

В центре трилогии К. Судзуки находится судьба главного героя, журналиста Кадзуоки Асакавы. В начале романа «Звонок» при таинственных обстоятельствах умирают четыре человека, среди них и племянница главного героя. Асакава начинает расследование, в ходе которого выдвигает предположение, что причиной гибели молодых людей стал некий вирус, которым они заразились одновременно и в одном месте. Асакава выясняет, что незадолго смерти все погибшие посещали один загородный туристический комплекс и решает съездить туда. По приезду он находит видеокассету с записью таинственных, необъяснимых, ужасающих событий, предвещающих скорую – в течение 7 дней – смерть каждого, кто посмотрит запись. Таким образом, он сам оказывается вовлечен в череду ужасающих событий и ему и его семье угрожает смерть.

С помощью своего приятеля Такаме Асакава пытается выяснить происхождение и главное – способ избавления от проклятия. Им удается узнать, что запись на кассете была создана силой мысли девушки по имени Садако Ямамура, обладавшей сверхъестественными способностями. После самоубийства матери Садако исчезла, но началась череда таинственных смертей. Журналист приходит к убеждению, что единственный способ избежать проклятия – найти останки Садако и похоронить их.

Далее в романе в ретроспективном плане предстает история зловещей Садако и ее путь мщения.

Выясняется, что она с детства страдала душевной болезнью и содержалась в клинике, где однажды над ней было совершено насилие. После совершения преступления насильник сбросил её тело в колодец, над которым впоследствии был построен коттедж, где четверо погибших и посмотрели смертоносную кассету. Асакава и Такаяма находят колодец и возвращают останки Садако её родным. Спустя семь дней в назначенный час журналист не умирает и преисполняется уверенности, что проклятие снято. Однако на следующий день погибает его приятель Такаяма, помогавший в расследовании. Асакава пытается понять, где он допустил ошибку и вспоминает свою гипотезу о вирусе. Герой стоит перед выбором – спасти свою семью или остановить смертоносный вирус. В финале романа Асакава ради спасения близких решает снять копию с кассеты и выпустить проклятие на свободу. Таким образом, сюжет романа представляет собой усложненное, концептуальное решение темы, типичной для произведений готического жанра – рокового проклятия, избежать которого не удастся никому.

В основе сюжетно-композиционной структуры трилогии К. Судзуки лежит история журналистского расследования, в ходе которого происходит раскрытие характера и внутреннего мира Кадзуюки Асакавы, пережившего сложную духовную эволюцию перед лицом морального выбора. В финале главный герой приходит к трагическому осознанию того, что зло в мире может принимать различные формы, а его власть вечна и безраздельна.

Состав действующих лиц в произведениях трилогии неоднороден, что обусловлено спецификой художественного конфликта в духе готической прозы. В центре событий находится главный герой и его судьба, на их фоне разворачиваются истории других персонажей, роль которых состоит в дополнении центрального противостояния: журналиста Асакавы и злого духа Садако Ямамура. Каждый из персонажей несет определенную функцию и является носителем собственной идеи.

Главный герой повествования предстает перед нами, прежде всего, как типичный представитель профессии, пылкий и внимательный исследователь:

«Надо будет проверить, какой диагноз поставил судмедэксперт, и дату тоже, наверное, придется перепроверить, – пробурчал Асакава себе под нос, старательно конспектируя» [1, с.27].

Характер расследования и манера рассуждений выдает в нем человека с научным складом ума и критическим взглядом на действительность:

«Асакава напрягся и попытался придумать какую-нибудь более научную версию. «Может быть, эти четверо, находясь одновременно в некоем месте, заразились редким вирусом, вызывающим остановку сердечной мышцы... Ну и ну. – Асакава покачал головой. – Разве существуют вирусы, от которых возникает острая сердечная недостаточность?» [1, с.56].

С другой стороны, несмотря на чисто профессиональные качества – типичные для журналистов азарт и тягу к сенсационным открытиям, – он раскрывается перед нами и как обычный человек, подверженный слабостям и сомнениям. Так, например, при мысли о потенциальной угрозе он теряет уверенность в своих силах:

«Асакава вышел из машины. Закрывая дверцу, он неожиданно засомневался. Правильней будет сказать – струсил. Струсил ни с того ни с сего. Может, лучше не соваться в эти мистические дебри? Один раз уже сунулся, а на ошибках, как известно, надо учиться» [1, с.28].

Подобная двойственная характеристика главного героя впоследствии сыграет ключевую роль при развязке сюжета. Именно человеческая, индивидуалистическая сторона его натуры, привязанность к семье, тревога за их судьбу и, возможно, некая слабость характера заставили его отвести опасность от себя и своих близких, выпустив смертоносное проклятие на свободу, подвергая опасности все человечество.

В художественном плане главный герой трилогии К. Судзуки, журналист Асакава соотносится со многими героями готических романов, осмелившихся вступить в борьбу с мировым злом. Среди них юный Винченцо Вивальди, вступивший в смертельную схватку со зловещим монахом Скедони из романа А. Радклиф «Итальянец», молодой Эдгар, отстаивающий фамильную честь в романе К. Рив «Старый английский барон», и даже Виктор Франкенштейн М. Шелли, пытающийся найти научную разгадку тайн мироздания. Но более всего герой К. Судзуки напоминает Мельмота Скитальца из одноименного романа Ч. Метьюрина, и, подобно своему предшественнику, проходит путь тяжелых испытаний, совершает сложный моральный выбор, познает тяжесть «мировой скорби» и приходит к трагической катастрофе.

Особую функцию в трилогии К. Судзуки выполняет образ Садако Ямамура, рассматриваемый в свете эстетических канонов готической литературы как образ абсолютного героя-злодея. Действительно, неуспокоившийся мстительный дух девушки является центральным носителем зла в произведениях: один за другим жертвами ее рокового возмездия становятся невинные люди: племянница Асакавы, 17-летняя Томоко, 19-летний студент Сюити Ивата, пара юных влюбленных Цудзи Харуко и Такэхико Номи. Во всех случаях смерть молодых людей происходит при таинственных, необъяснимых обстоятельствах, что придает повествованию оттенок безысходности, трагической неотвратимости. После просмотра смертоносной кассеты угроза нависает над самим главным героем и его близкими – женой, маленькой дочерью, лучшим другом. Наконец, когда тайна рокового проклятия, казалось, была раскрыта, выясняется, что смерть, таинственная и неуловимая, смерть быстрая и ужасная, смерть мучительная и безобразная вскоре обрушится на город и начнет рыскать повсюду, отыски-

вая себе жертвы. Просочившись из глубины зловещего колодца, долгое время хранившего тайну Садако Ямамура, она пропитает землю и появится в тысяче самых неожиданных мест. Стоит только выпустить этот вирус на свободу, и, прежде чем его удастся поймать и укротить, он уничтожит человечество.

Однако роковая дева Садако изображается автором как далеко не однозначный, ярко выраженный злодей. Парадоксальным образом в личности Садако Ямамура, которая была одновременно и мужчиной, и женщиной, вновь воплощаются философские представления К. Судзуки о совершенном единстве. При жизни Садако изображается как человек, существующий в гармонии с собой. Тем не менее, мир, в котором она живёт, требует от неё сделать выбор между добром и злом, созиданием и разрушением. Декадентская философия К. Судзуки дает основание полагать, что в конечном итоге именно это противостояние должно привести к разрушению мира.

Главной особенностью героини трилогии «Звонок» можно назвать тот факт, что в образе Садако Ямамура объединились два типа героя и, одновременно, два канона готической литературы – невинная жертва трагических событий и злодей, одержимый роковой страстью. Изначально Садако обладала добрыми задатками, природной чистотой. Не случайно ее имя означает «貞» («сада») – «непорочность». Примечателен также портрет героини – отрывки воспоминаний различных персонажей о необыкновенной красоте Садако Ямамура. Даже её убийца не скрывает восхищения:

«Я украдкой взглянул на лицо Садако и почувствовал то щемящее чувство восхищения, смешанного с недоверием, которое всегда испытываешь, глядя на прекрасных женщин: неужели в нашем мире могут быть такие неземной красоты лица? Я не знаю, существует ли идеальная красота, но доктор Танака – а он, между прочим, старше меня лет на двадцать, если не больше, – говорил, что он за всю свою жизнь не видел женщины красивее Садако Ямамура» [1, с.339].

В данном случае контраст, образуемый необыкновенной, «идеальной» красотой девушки и ее губительного пути мщения призван подчеркнуть трагичность и парадоксальность столкновения враждебных сил в романе – Красоты, не созидательной и возвышающей, но вызывающей низменные желания, а впоследствии несущей смерть и разрушение. В результате роковых событий, произошедших в жизни героини – преследования толпы, самоубийства матери, наконец, совершенного над ней чудовищного насилия и убийства, – в широком смысле, под воздействием зла, исходящего из внешнего мира, она сама становится его частью:

«В течение двадцати пяти лет сцены и образы, увиденные Садако перед смертью, превратились в «заряд ненависти», не могли вырваться отсюда. Они созревали, наливались соком, они дышали, как дышит море: за отливом всегда приходит прилив... И в один из дней их дрожащее

дыхание совпало с нужной частотой вибраций... Все эти образы были запечатлены на кассете, находившейся в видеомэгнитофоне, который стоит прямо над колодцем, в гостиной виллы Б-4. Ненависть нашла дорогу на поверхность» [1, с.382].

Примечательно, что местом концентрации зла, воплощенного в образе Садако Ямамура, в трилогии выступает колодец. Как указывалось, ранее, в традиционной японской культуре колодец часто фигурирует как место убийства, а мстительный дух – как жертва этого убийства. Отдавая дань фольклорным представлениям о природе потустороннего, автор создает особый инфернальный хроно-топ, объясняющий происхождение мстительного духа и содержащий отголосок народных верований:

«...человек, умирая, может оставить после себя мощный «заряд ненависти». Для этого необходимы три условия: закрытое пространство, вода и некоторый промежуток времени до смерти.

Другими словами, когда человек медленно умирает в закрытом помещении, где есть вода, место его смерти становится сильнейшим источником ментальной энергии. Образуется «заряд ненависти». Теперь подумай, что такое, по-твоему, колодец? Закрытое пространство – раз. Кругом воды – два. Помнишь, кстати, что старуха с кассеты вещала?

...с водой играть только чертей раззадоривать...» [1, с.377].

Так, постепенно становится ясна позиция и авторское решение проблемы зла в трилогии К. Судзуки. По его мысли, вечное зло присутствует в мире, принимая различные формы. В данном случае зло витало в воздухе вокруг героев трилогии, и, преломившись в сознании героини Садако Ямамура, оно вырвалось наружу на этот раз в виде смертоносного вируса, записанного на видеокассету, готовясь продолжить свой путь разрушения:

«Просто перепиши и покажи другому. Показав кассету человеку, который ее еще не видел, ты способствуешь размножению вируса...» [1, с.424].

Оставаясь в пределах канонов готического романа К. Судзуки удалось, на наш взгляд, дать ему новое развитие, воплотившееся в смешении статусов жертвы и злодея. В классических произведениях жанра жертва и злодей четко разделены, образуют антагонистические линии в рамках основного сюжета, а их характеры последовательны и неизменны. Для читателя границы образов жертвы и злодея обозначены предельно ясно. Такова ситуация в классических романах «Замок Отранто» Г. Уолпола, «Итальянец» А. Радклиф, «Монах» М.Г. Льюиса и других. В трилогии К. Судзуки трагическая история Садако Ямамура и ее матери, убийство Садако и ее путь рокового возмездия, скорее всего, связаны с равнопротяженной сюжетной линией романа – идеей о природе зла, как смертоносного вируса. Сквозь призму сознания своих героев – Асакавы и Такамы – автор описывает картину

мира, в которой он представляет вирусы как неуправляемый, непостижимый феномен:

«Вирусы – это очень интересная штука. Они блуждают вдоль границы живого и неживого. Существует версия, что вирусы – это мутировавшие внутри человеческого организма гены. Но по настоящему никто не знает, откуда они взялись, какова их природа» [1, с.325].

Преступное деяние больного оспой врача Нагао предстает как роковое воплощение разрушительной природы вирусов. Эта идея становится очевидной через рассуждения Такамы, которые составляют философскую основу трилогии:

«Сатана все время приходит в наш мир в разных обликах. Слышал когда-нибудь об эпидемии чумы в Европе, в четырнадцатом веке? Половина населения Европы тогда умерла. Верить? По-лови-на! Ты можешь себе представить, что население Японии за несколько месяцев сократится до шестидесяти миллионов?! Ну и конечно, тогда было принято считать, что чума – это одно из обличий Сатаны. Значит, по аналогии, Сатаной нашего времени можно считать СПИД» [1, с.327-328].

Все эти персонажи, кроме своих непосредственных художественных функций, имеют еще одно важное идейное свойство для произведения в духе готической прозы. Как отмечает А.А. Полякова, мир, изображенный в готических романах, включает в себя и читателя: независимо от того, верит он в сверхъестественное или нет, ему предлагается извлечь урок из истории героя. Присутствие в произведении персонажей, различных по своим характеристикам и жизненным взглядам, придает повествованию большую объективность, реалистичность, создает установку на достоверность описываемых событий, поскольку всех их (включая и читателя) объединяет одно общее свойство – способность испытывать страх. Как утверждает герой трилогии Такама, рассуждая о природе страха:

«Первобытный страх срабатывает на инстинктивном уровне» [1, с.248].

Предметный образ видеокассеты выполняет важную художественную функцию в произведении. Свойства предмета, который легко скопировать и распространить, был использован автором как аналогия поведения вируса в среде:

«...Двадцать девятого августа четверо молодых людей – две школьницы и два студента – смотрят загадочную кассету в коттедже на территории некоего туристического комплекса. Ровно через неделю после этого, как и сообщалось в кассете, все четверо умирают при странных обстоятельствах» [1, с.161].

С другой стороны, этот предметный образ позволил К. Судзуки найти отклик у читательской аудитории на особом уровне. Используя обычный предмет, автор заставляет читателя еще более увериться в реальности происходящего. Каждый человек знаком с принципами работы видеозаписи. Придавая необъяснимым событиям элементарный

характер, автор заставляет своего читателя поверить в их исполнимость. Наконец, именно видеозапись позволила соотнести таинственное проклятие с личностью Садако Ямамура, чьи злобные мысли отпечатались на пленке:

«Сцена с лицами закончилась. Рюдзи принялся перематывать пленку кадр за кадром. То и дело экран гас, окрашиваясь в черный цвет. Затемнения иногда занимали по три-четыре кадра. Учитывая, что длительность одного кадра – одна тридцатая секунды, получалось, что в среднем в течение десятой доли секунды экран оставался темным.»

«Рюдзи взглянул на Асакаву и медленно, будто с каким-то тайным смыслом, моргнул.

...черные завесы, черные завесы... не может быть!!!

– Это что, кто-то моргает? – сдавленным голосом спросил Асакава» [1, с.218].

Таким образом, видеозапись на пленке выполняет ту же функцию, что и старинная рукопись (по А.А. Поляковой) или загадочное предназначение (по М.Саммерсу) в художественном мире готической прозы и играет определенную роль в сюжетной линии трилогии К. Судзуки.

В следующих романах трилогии – «Спираль» и «Петля» – автор поднимает центральный конфликт произведения на новую высоту: борьба со злом разворачивается не только на уровне отдельных образов (между героями-антагонистами), а воплощается в образе человечества перед лицом всемирной угрозы. Однако характер этого противостояния представлен в духе научно-фантастической прозы и относит идейно-художественное содержание второго и третьего романов скорее к разуму читателя, а не эмоциям, что, в свою очередь, уводит их от традиции готической литературы.

Наконец, уже в первом романе трилогии, помимо центрального противостояния классического злодея и его жертвы, появляется идея мирового зла, воплощенная в образе смертоносного вируса, которая получает полное воплощение во втором и третьем романах. Таким образом, сюжетно-образная структура трилогии образует, помимо идейно-художественного, особый философский уровень проблематики произведений – вечное противостояние добра и зла.

Таким образом, можно утверждать, что в произведениях современного японского писателя К. Судзуки находят отражение все характерные жанровые черты готического романа: жизнь персонажей, полная загадочных и необъяснимых явлений, вмешательство в их судьбу сверхъестественных сил, атмосфера страха, пронизывающая все произведения мир трилогии, роковое проклятие как главный движущий элемент повествования, отдаленное, уединенное место действия, в истории которого было некое зловещее событие, а также противостояние героя – невинной жертвы происходящих событий – и злодея, одержимого роковой страстью. При этом, черты готического романа сконцентрированы, в основном, в романе «Звонок»,

что позволяет проследить чистоту жанровых канон в первом романе трилогии, тогда как во втором и третьем — «Спираль» и «Петля» — они представлены уже в меньшей степени.

Литература

1. Судзуки К. Звонок. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2005. — 431 с.
2. Судзуки К. Спираль. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2005. — 492 с.
3. Судзуки К. Петля. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2005. — 431 с.
4. Алексеев М.П. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмотскиталец» — М.: Изд-во «Наука», 1983. — 638 с.
5. Антонов С., Чамеев А. Анна Радклиф и ее роман итальянец. // Радклиф А. Итальянец, или Исповедальня Кающихся, Облаченных в Черное. — М.: Изд-во «Ладомир; Наука», 2000. — 480 с.
6. Богуславская О. Рецензия на книгу В. Вациуро «Готический роман в России». — М.: Новое литературное обозрение (Филологическое наследие), 2002. — 226 с.
7. Бронте Э. Грозовой перевал / Ш. Бронте, Э. Бронте. Джейн Эйр. Грозовой перевал. Романы. — М.: Изд-во «Эксмо», 2008. — 960 с.
8. Бурцев А.А. История зарубежной литературы. Ч. I (Средневековье, Возрождение, XVII-XVIII вв.). — Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 2007. — 221 с.
9. Бурцев А.А., Иванова О.И., Тесцов С.В. История зарубежной литературы. Ч. II (XIX-XX вв.). — Якутск, Изд-во Якутского ун-та, 2010. — 244 с.
10. Вальполь Г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890-1907.
11. История всемирной литературы в 9 т. Т. 8. — М.: Изд-во «Наука», 1994. — 848 с.
12. Полякова А.А., Малкина В.В. Канон готического романа и его разновидности // Готическая традиция в русской литературе. Сб. статей. — М.: Издательский центр РГГУ, 2008. — 352 с.
13. Полякова А.А. Готическая проза // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / Под ред. Н.Д. Тамарченко. — М.: Изд-во Кулагиной; Интрада, 2008. — 358 с.
14. Радклиф А. Итальянец, или Тайна одной исповеди / Готический роман: Замок Отранто. Итальянец. Аббатство кошмаров: Повести, роман. — М.: Изд-во «Эксмо», 2008. — 736 с.
15. Радклиф А. Удольфские тайны. — М.: Изд-во «Терра-Книжный клуб», 1996. — 576 с.
16. Скобелева Е.В. Традиция "готического" романа в английской литературе XIX и XX вв.: Дис... канд. филол. наук: Спец. 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (западноевропейская литература). Литер. ин-т им. А.М. Горького. — Москва, 2008. — 196 с.
17. Соловьева, Н. В лабиринте фантазии сказка // Комната с гобеленами: английская готическая проза / Сост., вступ. ст., коммент. Н. Соловьевой. — М.: Изд-во «Правда», 1991. — 560 с.

18. Соловьева Н.А. У истоков английского романтизма. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 232 с.
19. Спрэг Де Камп Л. Лавкрафт: Биография. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2008. — 656 с.
20. Стивенсон Р.Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Р.Л. Стивенсон. Остров Сокровищ. Черная стрела: романы. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда: рассказ. — М.: Дет. лит., 1989. — 511 с.
21. Стокер Б. Дракула. — СПб.: Азбука-классика, 2008 — 502 с.
22. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремные рассказы. Р. Киплинг. Стихотворения. Рассказы. — М.: Худож. лит., 1976. — 767 с.
23. Уолпол Г. Замок Отранто / Готический роман: Замок Отранто. Итальянец. Аббатство кошмаров: Повести, роман. — М.: Изд-во «Эксмо», 2008. — 736 с.
24. Урнов М. В. На рубеже веков. Очерки английской литературы (конец XIX — начало XX в.). — М.: Изд-во «Наука», 1970. — 432 с.
25. Хейнинг П. Из истории готического романа / Предисл. к кн. Комната с призраком: английская демоническая повесть. — М.: Изд-во «ИМА-пресс», 1993 — С. 3-19.
26. Цымбурский В.Л. «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд» / Стокер Б. «Вампир (Граф Дракула)». — М.: Изд-во «Ада», 1990 — 366 с.
27. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. — М.: Изд-во «Терра-Книжный клуб», 1995. — 320 с.
28. Эрлихман В. В. Стивен Кинг: Король темной стороны. — СПб.: Изд-во «Амфора», 2006. — 384 с.
29. Bloch R. Once Around the Bloch: An Unauthorized Autobiography.
30. Brown M. Preromanticism. — Stanford University Press, 1991. — 516 с.
31. Hughes W. Historical Dictionary of Gothic Literature. — Scarecrow Press, 2012. — 376 с.
32. Hume R.D. Gothic versus Romantic: A Reevaluation of the Gothic Novel. — Modern Language Association, PMLA Vol. 84, Issue #2, 1969. — 282 с.
33. Krauss R.H. Beyond Light and Shadow. — Nazraeli Press,
34. Krutch J.W. Edgar Allan Poe: A Study in Genius — New York: Alfred A. Knopf, 1992. — 244 с.
35. Lévy M. Le roman «gothique» anglais, 1764-1824. — Editions Albin Michel 1995. — 778 с.
36. Maturin C.R. Melmoth the Wanderer. A Tale / ed. with an introd. by Douglas Grant. — London: Oxford University Press, 1968. — 560 с.
37. Maturin C.R. Sermons. — London: Printed for Archibald Constable and Co., 1819. — 475 с.
38. Summers M. The Supernatural Omnibus. — Muschamp Press, 2011. — 626 с.

すずきこうじ

39. 鈴木光司 「リング」 / 出版社: KADOKAWA / 角川書店, 2014. — 331 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИНТЕРТЕКСТЫ ДЖУЛИАНА БАРНСА

JULIAN BARNES' LITERARY PREFERENCES AND INTERTEXTS

Аннотация: В статье представлен очерк литературных предпочтений Джулиана Барнса, оказавших влияние на художественную философию выдающегося британского романиста и филолога, и реализованные в интертекстах его произведений.

Abstract: The article presents an essay on Julian Barnes' literary preferences that defined the artistic philosophy of the outstanding British novelist and philologist and realized in the intertextuality of his works.

Ключевые слова: Джулиан Барнс, Флобер, постмодернизм, интертекст, интертекстуальность

Key words: Julian Barnes, Flaubert, postmodernism, intertext, intertextuality

Джулиан Барнс читает русскую литературу - он изучал русский язык с 16 лет и читал в оригинале русскую классику. Барнс говорит о своем восхищении русской литературой: «В юности я читал *«Асю» Тургенева, «Детство» Толстого и пьесы Чехова. Чехов для британской аудитории – величайший драматург мира. Кроме Шекспира, конечно. В Национальном театре Лондона ставили «Иванова», «Платонова» и «Чайку». Они шли с утра до вечера, три представления. Афишаги были постоянные. Даже ранние работы Чехова потрясающие. Мне кажется, если отмечать одну пьесу, то «Дядю Ваню». Она, наверное, лучше даже, чем большинство пьес Шекспира, только в Лондоне этого никому не говорят». И далее, посерьезнев, замечает: «Мне кажется, здесь есть какая-то духовная параллель между русскими и британцами. За фасадом формальной, строгой британской души есть душа печальная и меланхолическая» [26].*

В интервью корреспонденту РГ Барнс рассказывал о посещении Третьяковской галереи: «...я был в Третьяковской галерее, и видел там множество портретов писателей — Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Достоевский... У меня было чувство, как будто я встретился со своими предками или старыми друзьями». И далее: «Как и многие соотечественники, я обожаю Чехова. Около месяца назад я смотрел пьесы *Чехова* «Иванов», «Платонов», «Чайка» в Национальном Театре в Лондоне» [23].

С обычной самоиронией и в очень личной манере Барнс признается: «если бы не было *Шекспира*, я бы сказал, что Чехов — величайший мировой драматург. Мне близок *Тургенев* — это один из лучших писателей о любви. *Толстой* и *Достоевский*, конечно, тоже, хотя Толстой как автор *«Анны Карениной»* и большей части *«Войны и мира»* — это не тот Толстой, который учит нас, как жить. *Гоголь*, *Горький*,... Будучи подростком, я любил Обломова, потому что тоже терпеть не мог вставать с постели... Я также отмечу две моих любимых русских книги, которые я перечитывал много раз: *«Евгений Онегин»* Пушкина и *«Герой нашего вре-*

мени» Лермонтова. Обе книги - настоящие романы, так что, пожалуй, они и есть «предпостмодернистские». [23]

В отечественной литературе Барнс выделяет Джейн Остен, Ивлину Во и Моэма, Джордж Элиот, Гарди, Шоу, Хаксли. В «Попугае Флобера» он пишет: «Я вырос на Уэллсе, Хаксли и Шоу...предпочитаю Джордж Элиот и даже Теккерея Диккенсу, ... мне нравятся Оруэлл, Гарди и Хаусман...» [6, 136]

Барнс - пишущий филолог, выпускник Оксфорда, специализирующийся по французскому языку и литературе, франкофил, превосходно, на уровне второго родного владеющий французским языком. Карлу Свэнсэну, корреспонденту американского журнала «Нью-Йорк обсервер», Барнс признался: «Франция — моя вторая родина». Увлечение Францией, ее историей, культурой он вынес из семьи. Родители Барнса были преподавателями французского языка и франкофилами – в «Нечего бояться» он рассказывает о том, как они с братом исполнили волю родителей и развеяли их прах на западном побережье Франции.

Французы признали Барнса «утонченным, искусным, образованным» и «самым французским из английских юмористов». В 1988 году Джулиан Барнс стал Кавалером, в 1995 – Офицером, а в 2004 – Командором французского Ордена Искусств и литературы.

Джулиан Барнс, по его собственному выражению - чистокровный англичанин, гражданин страны академической эмпирической и позитивистской культуры, получивший, к тому же, филологическое образование (диплом с отличием) в стенах Оксфорда – оплота неопозитивизма и аналитической философии. Выпускник Оксфорда - «сомневающийся нарратор», гражданин страны «неловкости и завтрака», по его собственному выражению. Профессиональные интересы всегда увлекали его во Францию - туда, где традиционно культивировалась поэзия неочевидного, перспектива сомнения и разумность иррационального. В «Нечего бояться», Барнс приводит весьма символический эпизод из детства - он рассказывает об их с братом с большой буквой «Филателистическом Расколе»: «Джонатан

решил специализироваться на Британской Империи. Я же, дабы подчеркнуть свое отличие, объявил, что буду коллекционировать категорию, которую я назвал.... *Весь Остальной Мир*». [1, 8]

Приверженность Барнса французской культуре и литературе проявляется на всем протяжении творчества писателя от первых литературоведческих и критических статей и романа «Метроленд». Французских писателей, поэтов и художников – Монтеня, Флобера, Жорж Санд, Жюль Ренара, Камю, Тулуз-Лотрека, Брака, Жоржа Брасенса – Барнс называет своими «некровными родственниками». Однако сердце Барнса, безусловно и навсегда, принадлежит Гюставу Флоберу – в предисловиях к английским изданиям, в специальных статьях и в художественной прозе Барнс продолжает осмысливать личность и творчество великого писателя. При его признательной любви ко всем своим «некровным родственникам», никогда и ни о ком из них он не писал с таким глубоким чувством, пониманием и вдохновением, как о Флобере, которого называет «человеком всех эпох»: «Флобер учит вас глядеть на истину и не отворачиваться, узрев последствия; наряду с Монтенем он учит вас спать на подушке сомнения; он учит вас, как разъять реальность на составные части и осознать, что Природа – это всегда смешение жанров; он учит вас максимально точному использованию языка; он учит вас не подходить к книге в поисках нравственных или социальных пилюль, литература не аптека; он учит главенству Истины, Красоты, Чувства и Стиля. А углубившись в его частную жизнь, вы увидите, что он учит смелости, стоицизму, дружбе; воспекает ум, скептицизм и остроумие; что он демонстрирует глупость дешевого патриотизма; что он учит доблести оставаться наедине с собой в собственной комнате; ненависти к лицемерию; недоверию к доктринерам; необходимости выражаться прямо». [6, 194].

Приверженность Барнса французской литературе и культуре обнаруживается в интертекстах его произведений. Вместе с ключевой фразой: «Флобер сказал», флюберовский текст в произведениях Джулиана Барнса громко «резонирует» (по собственному выражению Барнса) разнообразием пародий и пастишей, скрытых и открытых цитаций и аллюзий.

«Любовь к писателю самая чистая и прочная разновидность любви», – замечает Барнс в «Попугае Флобера» [6, 183]. Роман стал венцом его любви к Флоберу и самым полным, наряду с «Нечего бояться», манифестом художественной философии писателя. «Попугай Флобера» – апокрифическая биография Флобера, написанная неким врачом, Джеффри Брэйнуэйтом – персонифицированным рассказчиком, который, разыскивая «апокрифические» детали биографии писателя, вживается в его личность, пытаясь, таким образом, выбраться из сумрака своих собственных жизненных и экзистенциальных проблем.

Флобер как-то писал Луизе Коле, что чтение книг, и есть его жизнь. Фраза Флобера отзывается в

раздумьях Брэйнуэйта: «Я не удивляюсь, что некоторые люди предпочитают книги. Книги придают жизни смысл. Единственная проблема заключается в том, что жизни, которым они придают смысл, – это жизни других людей и почетные звания, и никогда не ваша собственная». Вопреки этому здравому заключению, обостренное и глубоко личное восприятие личности и творчества Флобера рисует в сознании Брэйнуэйта ассоциативные параллели между ним и Шарлем Бовари, собственной неудавшейся супружеской жизнью и браком Шарля и Эммы Бовари, его супругой Элен и Эммой. В подобных параллелях герои Флобера претерпевают интертекстуальную литературную «объективацию», вступая в вымышленный мир героя Барнса. Увлеченность размыкает личностные границы Брэйнуэйта, эпизодически провоцируя его самоидентификацию с Флобером и его героями. В пародийном интертекстуальном контексте подобных самоощущений «соавтором» биографических разысканий врача Брэйнуэйта теперь видится его alter ego, врач Шарль Бовари. Критика относит такой нарративный ход на счет богатой фантазии и необычайной изобретательности Барнса, который и сам высказывается как апологет оригинальных решений в искусстве. И это было бы справедливо, когда бы в истории Брэйнуэйта не проступали автобиографические детали личной жизни самого Барнса, умножая пародийную параллель – Брэйнуэйт, Бовари, Барнс...

Флюберовский текст присутствует практически во всех произведениях Барнса. Так, взаимоотношения Криса и Тони, героев «Метроленда», Тони Вебстера и Адриана Финна, героев «Предчувствия конца», ассоциируются с дружескими отношениями Фредерика Моро и Делорье. Описание парижского периода жизни Криса Ллойда и его увлеченности Анник (настолько сильной, что он не заметил событий 1968 года), можно интерпретировать как палимпсест, меж строк которого проступает оригинальная картинка – эпизод влюбленности Фредерика Моро в Розаннету на фоне событий французской революции 1848 года, которую он не заметил. В завершении второй, парижской главы «Метроленда» Барнс прямо указывает на претекст – писатель кладет в карман Криса томик Флобера: «В кармане у меня лежала книжка, которую я начал только сегодня: «L'Education Sentimentale»» [7, 212]. В истории становления личности Джин Сарджент, героини «Глядя на солнце», содержится прозрачный намек на возможный вариант развития истории «простой души» – Фелиситэ, сумей она уйти от г-жи Обер.

Этот роман Барнса, сам по себе замечательный во многих отношениях, интересен одновременной тонкой интертекстуальной игрой писателя с «Простой душой» Флобера и с философскими сентенциями Альбера Камю. В «Нечего бояться» Барнс приводит эпатажно ироничное высказывание Камю: «большой частью того, что мне известно о нравственности и долге, я обязан спорту», и, продол-

жая фразу Камю, уточняет - «в особенности футболоу и тому времени, когда он был вратарем в команде Алжирского университета». «Жизнь как игра в футбол, где правила произвольны, но необходимы, поскольку без них невозможна будет игра и мы никогда не испытаем тех моментов радости и красоты, что дарит нам футбол – и жизнь. Впервые обнаружив это сравнение, я аплодировал, как болельщик на трибунах. Я, как и Камю, был голкипером, пусть и менее выдающимся». [1, 282] Уподобление жизни футболу, как игре по правилам, Барнс перефразирует на английский манер: жизнь - это игра в гольф. Гольф по правилам Барнса - с поправкой на девятнадцатую лунку. Несуществующая девятнадцатая лунка от восемнадцати по правилам игры – романтическая, с постэкзистенциальным привкусом иронии писателя по поводу свободы воли. Девятнадцатая лунка Барнса - метафорический насмешливо-шутливый символ веры в Несуществующее - нужно только «держать клюшку наготове», как учит Джин ее чудакватый дядюшка Лесли.

Образ «жизни как гольфа-футбола» Барнс еще раз использует в последней, десятой главе «Истории мира в 10½ главах», где его безымянный герой в райских снах (читай - в пространстве девятнадцатой лунки) победно играет «в гольф своей мечты» - «клюшки были мне точно по руке». В том же сне сбывается его мечта - любимая футбольная команда «Лестер-сити» становится чемпионом Англии.

Идеи Камю и экзистенциальной философии, безусловно, близки Барнсу, как показывают его произведения. Здесь можно говорить и о заинтересованном понимании, и о влиянии. В этом смысле Барнс не исключение – как известно, со смертью основателей экзистенциализма, идеи школы стали важной частью современной «картины мира», растворившись в широком общественном и культурном сознании. Представляется, однако, что экзистенциализм Барнса берет начало не в далекой Скандинавии и не во Франции Сартра и Камю, а в «религии отчаяния» и стоицизма Гюстава Флобера: «Он говорил, что нам нужна «религия отчаяния», а люди «должны соответствовать своей судьбе». [1, 268]

Очевидно, что Барнсу нравится вести с читателем живую и прозрачную интертекстуальную игру, подтексты которой подразумевают не столько «правила» или общие места постмодернистской стилистики, сколько привычные, иногда автоматические проявления филологической культуры писателя, его профессиональных навыков и читательских вкусов. М. Бахтин, заложивший основы современной теории интертекстуальности, отмечал, что, когда писатель в процессе художественного творчества создает систему отношений своего текста с «чужим словом», он «выходит в широкий диалогический контекст настоящей и предшествующей литературе» [16], вырабатывая, таким образом, собственную эстетико-мировоззренческую позицию и

те художественные формы, которые позволяют выразить ее наиболее полно.

«Территории, свободной от аллюзий, в природе не существует» - заявляет Барнс в романе «Англия, Англия» [3,71], возможно, невольно отсылая нас к Мишелю Бютору («мы всегда пишем внутри литературы») и Мишелю Фуко («письмо ныне, уже неотделимо от всей совокупности ранее написанных текстов» и «каждое литературное произведение вливается в нескончаемый тихий говор всего написанного»). [22]

Литературные предпочтения Барнса дают ясное представление о том, что именно для него наиболее ценно в личности и творчестве писателя. Идеалом творческой личности для Барнса остается Гюстав Флобер, с его ненавистью к лицемерию, скептицизмом и остроумием, максимально точном использовании языка, смелостью сомневаться в общепризнанном, смелостью в принятии себя, и, наконец – требованием главенства Истины, Красоты, Чувства и Стиля.

Ссылки:

1. Барнс Дж. Нечего бояться / пер. с англ. Д. Симановского, С. Полотовского. - М.: СПб., 2011.
2. Барнс Дж. Глядя на солнце: роман: пер. с англ. И. Гуровой / Дж. Барнс // Глядя на солнце. - М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. - 180 с.
3. Барнс Дж. Англия, Англия: роман: пер. с англ. С. Силаковой / Дж. Барнс // Англия, Англия. - М.: АСТ, 2002. - 256 с.
4. Барнс Дж. История мира в 10 с ½ главах: роман: пер. с англ. В. Бабкова / Дж. Барнс // История мира в 10 главах. - М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. - 348 с.
5. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман: пер. с англ. Т. Шинкарь / Дж. Барнс // Попугай Флобера. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2002. - 264 с.
6. Барнс Дж. Метроленд. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2004. - 665 с.
7. Барнс Дж. Предчувствие конца: роман: пер. с англ. Е. Петровой / Дж. Барнс // Предчувствие конца. М.: ЭКСМО, 2012. - 200 с.
8. Barnes J. Nothing to be Frightened Of. Random House Canada, 2008.
9. Barnes J. England, England / J. Barnes // England, England -London: Jonathan Cape, 1998. 412 с.
10. Barnes J. Metroland / J. Barnes // Metroland London: Picador, 1990. - 190 с.
11. Barnes J. Staring at the Sun / J. Barnes // Staring at the Sun -London: Picador, London Limited Editions, 1986. -119 с.
12. Barnes J. Flaubert's Parrot/ J. Barnes // Flaubert's Parrot -London: Bloomsbury Classics, 1992. 314 с.
13. Флобер Г. Воспитание чувств. Собрание сочинений: в 4 т./ Гюстав Флобер. Т. 3: Воспитание чувств. М.: Терра-Кн. клуб, 2004
14. Флобер Г. Мадам Бовари// Gustave Flaubert. Madame Bovary. Пер. с фр. - Н. Любимов. - М.: Художественная литература, 1981.

15. Флобер Г. Простая душа // Собрание сочинений: в 4 т./ Гюстав Флобер. - (Библиотека зарубежной классики). Т. 4: [Легенда о св. Юлиане Милостивом; Простая душа; Иродиада; Бувар и Пекюше; Лексикон прописных истин]. - М.: Огонек: Правда, 1971
16. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Худ. лит., 1975
17. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. - М.: Высшая Школа, 1989
18. Зверев А. XX век как литературная эпоха / А. Зверев // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. - М.: ИМЛИ РАН, 2002.
19. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / Камю А. // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. - с. 282-340.
20. Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности. - М.: ЛКИ, 2008
21. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. –М., 1991.
22. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук М., 1977. - 180 с.
23. Барнс Дж. «Роман это живая материя.»: интервью (беседовал Ю. Сапожков) / Дж. Барнс // Лит. газ. - М., 2003, № 47.
24. Baron S. Nothing To Be Frightened Of: An Interview with Julian Barnes. The Oxonian Review of Books. 2008. Volume 7. Issue 3. URL: [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.oxonianreview.org/issues/7-3/baron.shtml> (2.12.11)
25. Birnbaum R. Julian Barnes, Etc. Author of Love, Etc.: Interview with Julian Barnes, 2001. URL: [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.identitytheory.com/people/birnbaum8.html> (2.12.11)
26. Феномен Джулиана Барнса [Электронный ресурс] – режим доступа <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/7/fenom.html>
27. Интервью с Джулианом Барнсом. [Электронный ресурс] – режим доступа <https://godliterature.ru/public-post/s-dzhulianom-barnsom-beseduet-basinskiy>
28. Интервью с Джулианом Барнсом. [Электронный ресурс] – режим доступа <https://ria.ru/culture/20161205/1482861969.html> РИА Новости
29. Интервью с Джулианом Барнсом. [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.timeout.ru/spb/feature/23269>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Стецун А.И.

*старший научный сотрудник
Института проблем материаловедения
им. И.Н. Францевича Национальной
академии наук Украины.
Адрес электронной почты:*

ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ ЖИЗНИ: ИНФОРМАЦИЯ СТРЕМИТСЯ К МАКСИМУМУ

Stestun A.I.

*senior scientific researcher of
Frantsevich Institute for the Problems of
Materials Science, National Academy of
Sciences of Ukraine.*

ONE OF MAIN PRINCIPLES OF LIFE IS INFORMATION STRIVES FOR MAXIMUM

Аннотация. Исходя из исторического анализа развития человечества показано, что одним из основополагающих законов развития человечества является стремление к максимуму информации, которой овладевает человечество. На основе сопоставления теорий дарвинизма и генетики также показано, что для живой природы является свойственным закон, информация стремится к максимуму. Таким образом, действие этого закона проявляется в живой природе.

Abstract. Based on the historical analysis of mankind developing it is shown that one of the main principle mankind developing is tendency: the information strives for maximum. Proceeding from the analysis of Darwinism and genetics theories it is shown that for living nature the principle of life, the information strives for maximum, is characterized. So, the action of this principle realizes in alive nature.

Ключевые слова: информация, человек, жизнь, исторический прогресс.

Вступление. Жизнь – это удивительное природное явление. Жизнь поражает многообразием видов живых существ, различными проявлениями жизни и в то же время наличием в этих разных проявлениях жизни чего-то общего, свойственного понятию жизни. Мы сами, люди, являемся частью жизни. Постичь жизнь, ее основные тенденции означает постичь самих себя, постичь природу человека.

Теоретический анализ. Человек – самое развитое живое существо на Земле. Человек уникален и в то же время человеку свойственны проявления жизни, которые обнаруживаются в жизни других живых существ. Деятельность человека многогранна. Человек как биологическое существо обладает свойственными ему особенностями и проявляет себя как биологическое существо. Человек как существо общественное обладает активностью в области политики, экономики, культуры, науки и во всех других общественных областях жизни. Каждой из этих сфер жизни человека свойственно наличие определенных законов, которые изучаются соответствующими науками.

Однако, прежде всего человек живое существо и в его жизни присущи проявления свойственные основным особенностям жизни. В таком фундаментальном издании как Колумбийская энциклопедия [1] отмечается, что биологическими проявлениями жизни общепринято считать организацию, метаболизм, рост, раздражимость, адаптацию и воспроизведение. Исходя из этих проявлений жизни, может

быть достигнуто в значительной степени понимание природы, как человека, так и других живых существ.

Особенно интересным в этом отношении является феномен адаптации. История развития человечества показывает, что человек проявлял и проявляет разные способы адаптации. Эти различные способы адаптации привели к целым эпохам в истории человечества.

Адаптация человека является взаимосвязанным процессом во время которого как природа влияет на человека и заставляет его приспосабливаться к окружающей среде, так и человек влияет на природу. При этом человек изменяет природу таким образом, чтобы ему было как можно лучше жить в этой природной среде. Человек – наиболее развитое живое существо на Земле, венец биологического процесса развития. Если менее развитые живые существа подчиняются природным условиям и практически не изменяют окружающую их природу либо изменяют ее незначительно, то влияние человека на окружающую природу является существенным. В этом уникальность адаптации человека.

Важная черта в истории человечества заключается в том, что необходимость вести борьбу за существование привела к изобретению и использованию человеком орудий труда. Орудия труда были использованы человеком для того, чтобы обрабатывать окружающую среду, развивать практику. Развивая практику, люди с одной стороны изменяли окружающую среду, но с другой стороны и приспо-

саблывались к окружающей среде. В процессе истории орудия труда развивались от самых простых до сложных. Последовательность развития древних исторических эпох рассматривается во многих монографиях и энциклопедиях, например [2-4]. С учетом известных исторических данных и современных тенденций развития, обращаясь к истории человечества в зависимости от вида разработанных человеком орудий труда можно выделить следующие эпохи в развитии человечества:

- каменный век;
- медный век;
- бронзовый век;
- век обработки железа;
- век развития машин;
- эпоха развития компьютеров.

Эти эпохи последовательно развивались в истории человечества. Между некоторыми из перечисленных выше эпох существуют периоды «перекрывания», наложения во времени эпох. Но, тем не менее, в их развитии прослеживается определенная последовательность и хорошо заметна следующая тенденция. По мере перехода от каменного века до эпохи развития компьютеров наблюдается усложнение, совершенствование технологии, которые использует человек для производства орудий труда. Если в каменном веке орудия были наиболее примитивными и полученные путем подбора и непосредственной обработки камней, то в медном и бронзовом веке для получения орудий применяется методика плавления соответствующего металла. Переход от одного века к другому, эпоха в истории человечества знаменуется подъемом на одну ступень в освоении новой технологии. Человек освоил технологию плавления металла – меди либо бронзы и это возвысило его в процессе его исторического развития. Для того чтобы перейти к веку обработки железа было, нужно усовершенствовать технологию плавления в сторону плавления более тугоплавкого металла – железа. Век развития машин характеризуется уже различными применениями технологии плавления железа и других металлов для производства машин. Проследивая развитие истории человечества возникает закономерный вопрос: что является первичным в развитии этих основополагающих технологий – сама технология или знание, информация, которая лежит в основе технологии? Обращаясь к веку развития машин и эпохе развития компьютеров можно однозначно отметить, что первичным является информация. Только разработав первоначальную идею, представление, т. е. выработав первоначальную информацию и затем, проверив ее на опыте, человек может внедрить тот или иной механизм, машину или изделие электронной техники в работу.

Аналогичная ситуация имеет место и при освоении плавления металлов. Увидев перспективность процесса плавления, и освоив этот процесс, человек применил его в производстве. Вначале идет понимание и накопление необходимой информации, а затем уже массовое производство нужного техно-

логического продукта. Необходимость идеи, элементарного представления связана с разработкой технологии.

Особенно этот процесс освоения информации проявляется при переходе от века развития механических машин до века компьютеров. На историческом примере развития электроники можно четко убедиться в том, что является первичным – сама технология как сама по себе либо знание, информация необходимая для этой технологии. Историческим началом развития электроники можно считать открытие Дж. Дж. Томпсоном в Кавендишевской лаборатории электрона [5, 6]. Дж. Дж. Томпсон исследовал влияние облучения рентгеновскими лучами на прохождение электрического тока через газы и за счет этих исследований, получив ионизацию газа и поток электронов, убедился в наличии частиц значительно меньших по атомному весу, чем сам атом. Факт обнаружения этой электрической частицы сыграл основополагающую роль при объяснении процессов, которые происходят при прохождении электрического тока через твердые тела, вакуумные лампы и затем соединения полупроводниковых веществ. Каждому из этих этапов в развитии электроники предшествовал значительный период накопления знаний. Сам Дж. Дж. Томпсон тратил годы для того, чтобы изучить физические свойства электрона, и лишь затем предполагалась какая-то серьезная перспектива для применения полученных знаний. Аналогичная ситуация имела место и в исследованиях других ученых [7]. Таким образом, проследивая развитие электроники можно с уверенностью заметить, что в основе технологии в первую очередь лежит не просто последовательность операций и непосредственное использование тех или других подходящих материалов, а знание, информация про то, что и зачем нужно делать, какой в этом заключается смысл.

Таким образом, рассматривая переход в развитии исторических эпох человечества от каменного века до века компьютерной техники, мы видим огромное усложнение технологии, используемое человечеством для производства орудий труда. В основе этих технологий лежит необходимое знание, а если выразится более точно необходимая информация. Понятие информация является более уместным, так как это понятие является более общим понятием, чем знание. Для жизнедеятельности, развития человеку нужны не просто знания. Кроме знаний зачастую бывает нужен набор данных. Особенно эта необходимость проявляется в современное время, при интенсивном развитии науки и высоких технологий. Этот набор данных может быть, как упорядоченным, так и неупорядоченным. Комбинация знаний, данных, сведений составляет информацию, которой человек пользуется в своей жизнедеятельности. Развитие компьютерной техники особо ярко показывает важность понятия информации.

Так как, по мере развития базисных технологий при переходе от каменного века до компьютер-

ного века в истории развития человечества происходило огромное развитие знания, необходимой информации, то можно утверждать, что с развитием человечества информация стремится к максимуму. Информация не только развивалась, но и накапливалась. Все, что происходило в истории человечества, в значительной мере запоминалось, регистрировалось в виде печатных изданий и сохранялось. В наше время благодаря накоплению этих знаний человечество обладает значительным количеством библиотек, музеев, памятников истории. Человечество проявляет готовность и предпринимает усилия для того, чтобы хранить свои достижения и память об их получении с помощью самых современных видов носителей информации таких как телевидение, компьютерная запись.

История развития человечества, развитие технологий, развитие науки и техники в особенности компьютеризация общества показывает, что одной из главных тенденций, которая движет человечеством, является стремление к максимуму информации, которой овладевает человечество. Принцип информация стремится к максимуму:

информация $\rightarrow$ max

является одним из основных законов развития человечества.

Информация, основополагающая идея лежит в основе технологий. А технологии нужны человеку для того, чтобы жить в окружающем его мире. Исходя из этого, информация – это средство адаптации человека к жизненным условиям. Человек старается все время жить как можно лучше. Человек нуждается в наилучшей адаптации, в самой лучшей адаптации, в максимальной адаптации. Из-за этого информация не просто возрастает, а на каждом историческом этапе стремится к максимуму. Действие принципа, информация стремится к максимуму, означает и то, что информация возрастает и то, что она еще максимализуется в процессе развития, на отдельных этапах этого развития. Закон жизни, информация стремится к максимуму обладает следующими аспектами. Во-первых, информация развивается в очень широких пределах, охватывая и отображая все возможные стороны жизни. Во-вторых, процесс развития информации идет по пути поиска правильных решений, т. е. правильных результатов познания. Правильное решение является более ценным по отношению к неверным решениям. Поэтому оно представляет собой максимум по отношению к заведомо неверным решениям либо не совсем удачным решениям.

От работ Рене Декарта исходит философская традиция рассматривать человека как существа, специфическая особенность которого заключается в наличии разума, мышления [8]. В зоологической классификации Линнея человек определяется как *Animol rationale*, *Homo sapiens*.

Однако человек способен не просто мыслить. Человек способен выдвигать идеи, гипотезы, строить теории и проверять их на практике. Вследствие

этого увеличивается количество и качество информации, которой обладает человечество. Взаимодействие мышления и практики человека приводит к тому, что информация стремится к максимуму. Венцом такого взаимодействия является изобретение компьютера. С помощью изобретения и развития компьютерной техники человек как бы говорит: в целях нашего развития и блага нам нужно все больше и больше работать с информацией, мы хотим обрабатывать информацию все больше и больше.

Процесс, стремления информации к максимуму является диалектическим процессом, так как этот процесс реализуется на основе законов диалектики. Таким образом, принцип информация стремится к максимуму, является одним из основополагающих законов развития человечества.

При этом в реализации принципа, информация стремится к максимуму, существенную роль играет общественная природа человека. Человек – существо биосоциальное. И если необходимость приспособляться к окружающей среде выработала орудия труда, то значительную роль в их усовершенствовании сыграла социальная природа человека. Вследствие наличия такой социальной природы человек способен обмениваться опытом, знаниями и за счет этого совершенствовать свои достижения. То, что удастся сделать полезного одному человеку, если это значимо, через некоторое время становится известным большому количеству людей и таким образом, обмениваясь опытом, люди умножают известную им информацию. Таким образом, проявление закона, информация стремится к максимуму является взаимодействием мышления и практики, биологического и социального начал человека.

За время истории своего развития человек осознал, что социальное общение, информация как обмен опытом, информация как средство общения относительно проблем возникших в самом обществе дают непосредственный прогресс в развитии общества и поэтому люди поняли важность той роли, которую играет такое социальное общение. Поэтому возникли средства массовой информации. Исторически первыми средствами массовой информации являются газеты. Затем появилось радио, телевидение, Интернет. В работе и использовании людьми этих средств массовой информации мы видим одно из наглядных проявлений принципа, информация стремится к максимуму. Журналисты, которые работают в средствах массовой информации (в редакциях газет, на телевидении, радио) стараются дать людям как можно больше важной, ценной и полезной информации. Если одной из сторон проявления принципа, информация стремится к максимуму, является совершенствование технологий, которые использует человечество, то другой стороной этого принципа также является увеличения объема и качества социального общения через средства массовой информации. В этом глобализм этого принципа. Он затрагивает не только основы взаимодействия человека с окружающей природной средой, но и основы взаимодействия человека с обществом как социальной средой.

Рассматривая проявление принципа, информация стремится к максимуму, в жизни человека анализируем пути реализации этого принципа. Так как информация умножается в процессе исторического развития человечества, то при этом безусловно важно отметить передачу информации от поколения к поколению, от родителей к детям. Размножение человека как биологического существа является способом, который обеспечивает реализацию этого принципа. Так, что наряду с биологическим стремлением к адаптации, размножение также необходимо способствует реализации этого принципа. Адаптация человека и размножение человека являются необходимыми проявлениями жизни для реализации принципа, информация стремится к максимуму.

Важный путь увеличения человеком информации заключается в том, что когда человек ищет себе пару для продолжения рода, он старается наилучшим образом передать и умножить заложенную в нем информацию. Другой путь увеличения информации заключается в практической деятельности человека. Во время практики происходит выработка и отбор наиболее значимой информации. Эти два пути увеличения информации являются взаимообусловленными.

Принцип, информация стремится к максимуму, - один из основных законов жизни человека как целостного субъекта.

При анализе закона жизни человека, информация стремится к максимуму, нельзя оставить вне внимания развитие науки. В научной деятельности человека проявляется два аспекта:

1)извечный интерес человека к тайнам природы, стремление к знанию явлений происходящих в природе;

2)применение научных знаний на практике, в технологиях.

Эти два аспекта развития науки непосредственно подтверждают закон о стремлении информации к максимуму. Человек на протяжении всей своей истории хотел, как можно больше знать о тайнах природы. Только историческое состояние развития самого человека, человеческого общества ограничивало эту возможность.

В настоящее время наука – это отдельная, важная сфера деятельности людей. По какому принципу развивается современная наука? В этом отношении показательным примером является развитие физики твердого тела. Если специалисты по физике твердого тела исследуют какой-либо кристалл, например, кремний либо германий, то для получения полной картины о физической природе этого материала применяют разнообразные методы исследований. Причем результаты исследований с помощью одного метода дополняют результаты исследований с помощью другого метода. Например, могут применяться оптические методы исследований (один из примеров таких методов – это измерение спектров поглощения света), электрофизические, рентгено-структурные либо электронно-структурные методы исследований. Истина в природе исследуемого кристалла там, где разные методы исследований подтверждают и взаимно дополняют полученный результат. Однако для получения еще

большого знания об исследуемом объекте проводятся исследования каждым из методов в условиях изменения воздействия какого-либо физического фактора либо модуляции. Примером в этом отношении может быть исследование спектров поглощения света при разных температурах – от низких температур, вблизи нескольких градусов по шкале Кельвина до высоких температур, приближающихся к температуре плавления исследуемого материала. Может проводиться исследование спектров поглощения при воздействии постоянного либо переменного электрического либо магнитного поля.

Отдельную область исследований составляет получение знаний о результатах воздействия на исследуемый объект интенсивного облучения световыми квантами, рентгеновскими лучами либо потоками электронов.

Если выразить принцип, который лежит в основе физических исследований твердого тела, не задаваясь задачей перечисления деталей, то этот принцип можно выразить, как стремление сделать все возможное для того, чтобы получить как можно больше информации об исследуемом объекте. Максимум информации об исследуемом объекте, жизненно необходим для постижения истины. То есть, в научной деятельности непосредственно и наглядно проявляется действие закона, информация стремится к максимуму.

Итак, короткий анализ исторических эпох развития человечества, развития средств массовой информации и развития науки показывает, что для деятельности людей является свойственным действие закона, информация стремится к максимуму.

Для того, чтобы лучше осознать философское значение принципа, информация стремится к максимуму, обратимся к другим наукам и рассмотрим, существуют ли там подобные, максималистические по содержанию законы [9].

В этой научной статье и в настоящей работе используются представления о локальном максимуме и краевом виде максимума функции.

При анализе этого вопроса мы встречаемся с одной из формулировок одного из начал физики. В современной термодинамике второе начало термодинамики формулируется единым и самым общим образом как закон возрастания энтропии. Причем, в состоянии равновесия энтропия замкнутой системы достигает максимума [10]. По-сути, это означает, что второе начало термодинамики является максималистическим законом для случая замкнутой термодинамической системы.

Этот принцип является одним из глобальных принципов физики и указывает направление протекания вероятностных процессов в системе с большим количеством частиц. По аналогии с этим важным физическим принципом можно сделать вывод, что и принцип, информация стремится к максимуму также является глобальным в своем роде принципом. Каждое из этих двух начал гласит о стремлении к максимуму определенной функции. Для неживой природы это энтропия, а для живой природы это информация. Постигание космической природы человека находится на пути сопоставления этих двух глобальных принципов живой и неживой природы.

Еще один важный аспект закона, информация стремится к максимуму, связан с принципом единства природы. Природа едина, во всей природе действуют одинаковые законы. Если человеку как живому существу свойственен закон, информация стремится к максимуму, то и другим живым существам в определенной мере также свойственен этот принцип.

В начале этой работы рассматривались основные проявления жизни у биологических существ [1]. Эти проявления в основном идентичны, как у человека, так и у других живых существ. Уже это дает возможность полагать, что в картине развития информационных процессов, как в жизни человека, так и менее развитых живых существ должны быть общие аспекты.

Хорошо известно, что важные принципы развития видов живых существ обоснованы в теории Ч. Дарвина [11]. В соответствии с этой теорией развитие видов происходит на основе естественного отбора. Естественный отбор и наследственная изменчивость являются движущими силами эволюции. Из большого числа биологических особей, которые появляются на Земле вследствие возможностей их размножения, выживают биологически наиболее сильные и приспособленные существа.

Позже, во время развития генетики, было показано, что информация о видовых особенностях живых организмов, о признаках организмов содержится в генах. Геном является элементарная единица наследственности, представляющая отрезок молекулы ДНК (у некоторых вирусов РНК) [12, 13].

В процессе развития генетики также было доказано, что для генетического материала являются характерными мутации. Мутациями являются естественные или вызванные искусственно наследуемые изменения генетического материала, приводящие к изменению тех или иных признаков организма. Также хорошо известно, что мутационная изменчивость создает материал для естественного отбора, который формирует виды в процессе эволюции [12, 13].

Тогда сопоставление теории дарвинизма и перечисленных выше положений генетики указывает на следующую тенденцию. В результате влияния физических, химических либо биологических факторов на носители информации в биологических организмах, т. е. на генетический материал, в генетическом материале происходят изменения. При этом получается некоторый набор данных информации. В свою очередь в результате естественного отбора из всей совокупности живых организмов выживают биологически наиболее сильные особи. Так как именно эти особи являются биологически наиболее сильными и приспособленными к жизни, то они являются носителями наиболее ценной и значимой информации. Таким образом, из биологического набора информации в каждом поколении выживает самая ценная информация, выражаясь с помощью другого синонима, максимально ценная информация. То есть вследствие

процесса естественного отбора информация стремится к максимуму.

Итак, для животных и растений закон жизни, информация стремится к максимуму, реализуется в основном за счет естественного отбора. Они сами, т. е. животные и растения и являются носителями наиболее ценной, максимальной информации. Естественным доказательством в пользу закона жизни, информация стремится к максимуму, также является огромное распространение видов живых существ на планете Земля. По известным данным [1] число видов животных и растений на нашей планете достигает около двух миллионов. В таких благоприятных для жизни ареалах как леса Амазонки либо Африканская саванна распространенность видов является очень большой так, что практически все экологические ниши являются заполненными. Живые организмы, как было показано выше, являются носителями информации и их распространенность в результате эволюции, заполнение экологических ниш до крайних пределов также указывает на корректность принципа, информация стремится к максимуму.

Выводы. Таким образом, как в жизни человека, так и жизни других живых существ, во всей живой природе проявляется действие закона, информация стремится к максимуму.

Список литературы

1. The Columbia encyclopedia. New York & London, third edition, Columbia University press, 1963, 2388 p.
2. Всемирная история: энциклопедия. М., Большая Российская энциклопедия: ООО Дрофа, 2003, 671 с.
3. Безвершук Ж. О. История культуры в терминах и названиях. К., Высшая школа, 2003, 400с.
4. Киндер Г. Всемирная история. М., Рыбари, 2003, 638 с.
5. Льюис М. История физики. М., Мир, 1970, с. 399.
6. Данин Д. Резерфорд. М., Молодая гвардия, 1966, 621 с.
7. Кудрявцев П.С., Конфератов И.Я. История физики и техники. М., Просвещение, 1965, 571 с.
8. Причепий Е.Н., Черный А.М., Чекаль Л.А. Философия. К., Академиздат, 2005, 592 с.
9. Stetsun A. Principles of Nature/Journal of Modern Physics.-2018.-v. 9, № 3.-р. 320-334, in open Internet access.
10. Физический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1960, т. 1, с. 340.
11. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. С. П., Наука, 1991, 419 с.
12. Биологический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1986, 831 с.
13. Дубинин Н.П. Общая генетика. М., Наука, 1986, 559 с.

#3 (43), 2019 część 9
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#3 (43), 2019 part 9
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>